

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
соискание ученой степени доктора наук (ред. 01.01.2018 г.)
по направлению 07.00.00 — исторические науки и археология*

2018

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2018

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2018)
in the field 07.00.00 — of historical sciences and archeology*

2018

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2018

© Ivanovo State University, 2018

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

V. S. Memetov	Ivanovo State University <i>(Chairman of the Editorial Board)</i>
Yu. M. Voronov	Ivanovo State Polytechnical University
A. A. Danilov	Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
O. V. Zolotaryov	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. V. Korzenko	Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute
V. L. Soskin	Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Меметов В. С., Будник Г. А.* Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Холяев С. В.* Интеллигенция — базовый фактор великой русской революции 23
- Кабакова Н. В.* Повседневность советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (На примере Сибирского автомобильно-дорожного института) 36
- Яновский О. А.* Как шли белорусы к своему университету 46

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Соколова Ф. Х.* Интеллигенция в социально-политическом пространстве Европейского Севера России, 1914—1918 гг. 65
- Бушуева Л. А.* «Старая» профессура и «отличные техники»: научная интеллигенция Казани в первые годы советской власти 82
- Ерошкина О. Н.* Интеллектуально-творческий потенциал дореволюционной интеллигенции Петрограда — Ленинграда и его реализация в условиях нэпа 99
- Кривопалова Н. Ю.* Формы социальной активности молодой интеллигенции 1960-х годов в пространстве провинциального города 115

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Гамквелидзе Г. А.</i> Российско-грузинский диалог на высшем уровне в 2004—2008 гг. в контексте анализа российских и грузинских интеллектуалов	125
--	-----

ДЕБЮТ

<i>Павлова М. А.</i> Формирование собрания музея Костромского научного общества по изучению местного края (По отчетам 1912—1917 годов)	137
--	-----

<i>Аннотации</i>	152
------------------------	-----

<i>Информация для авторов</i>	162
-------------------------------------	-----

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Memetov V. S., Budnik G. A.* The higher education in Russia:
traditions, continuity, prospects of development 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Holyaev S. V.* Intelligentsia — a basic factor of the great
Russian revolution 23
- Kabakova N. V.* Daily occurrence of the Soviet intelligentsia
in the days of the Great Patriotic War (On the example
of the Siberian automobile and road institute) 36
- Yanovsky O. A.* How Belarusians approached their university 46

THE ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Sokolova F. H.* Intelligentsia in socio-political space
of the European North of Russia, 1914—1918 65
- Bushuyeva L. A.* «Old» professorate and «excellent
technicians»: the scientific intelligentsia of Kazan
in the first years of the Soviet power 82
- Eroshkina O. N.* Intellectual and creative potential of
the pre-revolutionary intelligentsia of Petrograd — Leningrad
and its realization in the conditions of the New Economic
Policy 99
- Krivopalova N. Yu.* Forms of social activity of the young
intelligentsia of the 1960-s in the space of a country town 115

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

<i>Gamkrelidze G. A.</i> Top-level Russian-Georgian dialogue in 2004—2008 in the context of the analysis of the Russian and Georgian intellectuals	125
--	-----

DEBUT

<i>Pavlova M. A.</i> Formation of collection of the museum of the Kostroma scientific organization on studying of local lore (According to reports of 1912—1917)	137
--	-----

<i>Annotations</i>	157
--------------------------	-----

<i>Information for authors</i>	162
--------------------------------------	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 74.48(2)

В. С. Меметов, Г. А. Будник

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ТРАДИЦИИ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Высшее образование на протяжении всей истории человечества играло важную роль. От научного потенциала, творчества, инициативы и подвижничества преподавателей и сотрудников высших учебных заведений во многом зависело развитие государства. В XXI веке взаимосвязь образования, науки и общества усиливается. По образному выражению Герберта Уэллса, человеческая история всё более становится соревнованием между образованием и катастрофой. С этим нельзя не согласиться, ибо уже в наши дни именно высшее образование является основным структурным элементом изменения общества, государства и экономики.

Между тем не секрет, что оптимизация структуры и содержания образовательной системы Российской Федерации привела в последние годы к снижению уровня образования населения, нравственных характеристик выпускников высшей школы.

© Меметов В. С., Будник Г. А., 2018

Меметов Валерий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института интеллигентоведения при ИвГУ, главный редактор журнала «Интеллигенция и мир». vs_memetov@mail.ru

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Ивановского государственного энергетического университета. budnik@iif.ispu.ru

Об этом, в частности, с озабоченностью говорили делегаты Первого Всероссийского съезда преподавателей истории в вузах России¹ и участники международных научных интеллигентоведческих форумов, ежегодно проходящих в Иванове².

На наш взгляд, основными проблемами, стоящими перед российским высшим образованием, являются: качество обучения студентов, нескоординированность государственной политики, снижение престижности труда преподавателя, что привело к разрыву традиционной системы подготовки молодых специалистов под руководством опытных наставников.

Целью данной статьи является анализ теоретико-методологических проблем и практической деятельности научно-педагогической интеллигенции высшей школы. *Актуальность* этой темы обусловлена экономическим, демографическим, этноконфессиональным, информационным «вызовами» XXI века, стоящими перед Россией.

В основе авторской *методологии исследования* лежит комплексный междисциплинарный подход. В 1990-е годы традиции междисциплинарности, учитывающей наработки специалистов (философов, историков, социологов, психологов, культурологов), успешно развивали представители ивановской научной школы интеллигентоведения. В соответствии с этим подходом высшее образование следует рассматривать как архисложную систему, важнейшими элементами которой являются сами преподаватели и студенты. В качестве апробированного инструментария исследования, методологического каркаса, соединявшего подходы различных гуманитарных наук, является ретроспективный взгляд на интеллигенцию.

Наряду с традиционными историческими, социологическими, статистическими методами, в рамках комплексного междисциплинарного подхода использовались методы различных гуманитарных дисциплин.

Так, *системный подход* позволяет представить высшее образование как сложную систему, выявить общие, повторяющиеся, типичные закономерные черты в структуре и деятельности того или иного учебного заведения, научных школ.

Культурно-семиотический подход позволяет рассмотреть процесс коммуникации, взаимосвязи и взаимоотношений высшей

школы, социума и государства. Он дает возможность проанализировать глубинные мировоззренческие установки преподавателей и студентов, оценить значимость тех или иных событий и явлений с точки зрения самих участников образовательного процесса.

Позитивную роль могут сыграть и методы культурной антропологии, т. к. они концентрируют внимание на смысле ритуалов и символов, определяющих поведение человека. С этой позиции интересно проанализировать, например, студенческие ритуалы (посвящение в студенты, выпускные вечера и т. д.), такие массовые действия, как демонстрации, дни памяти и др.

Еще одним подходом в изучении проблем высшего образования является локальный или *краеведческий (родиноведческий) подход*. Его активными пропагандистами выступают К. Е. Балдин и А. М. Семененко. В рамках микроистории многие проблемы истории нашей Родины становятся ближе и понятнее. На примере деятельности конкретных институтов и университетов, научных школ, отдельных представителей вузовской интеллигенции можно исследовать глубинные социокультурные процессы, не видимые в макроисторическом масштабе.

Итак, лишь *комплексный междисциплинарный подход может дать объективное представление об истории высшего образования и его традициях, очертить прогноз и перспективы развития*.

Рассмотрим механизм действия междисциплинарного подхода при определении *ключевых понятий* темы: интеллигенция, научно-педагогическая интеллигенция и студенчество. Полагаем, что методологическим фундаментом, каркасом в выработке научных подходов к их определению является наличие (или отсутствие) сущностных черт интеллигенции в конкретно-историческом контексте. *Сущностные черты*, на наш взгляд, это основа модели (идеального образа) интеллигенции, которая вбирает характерные черты интеллигенции как социальной группы. Сущностные черты стабильны и обязательны, их утрата означает изменение сущности их обладателя, в нашем случае — интеллигенции. В итоге мы получаем интеллигенцию как устойчивую систему, выявляем ее формальные и неформальные структуры, взаимодействие с властью, общественное мнение об этой группе населения, роль лидеров и т. д. Вместе с тем сущностные черты

служат основой для формирования временных, исторически обусловленных специфических черт интеллигенции в ту или иную историческую эпоху. В соответствии с ними выделяют разнородную, советскую, постсоветскую и другую интеллигенцию. Иными словами, сущностные черты первичны, конкретно-исторические — вторичны. В результате можно заключить, что интеллигенция является сложным социокультурным феноменом. Критериями принадлежности к ней выступают профессиональная подготовка, которая позволяет занимать определенное место в социальной структуре общества, и особые нравственные качества, проявляющиеся в отношении к народу и государству. Общественно-значимые цели, ориентация на интересы и нужды народа наполняют ее профессиональную деятельность особой значимостью, неповторимостью, позволяя совершать нестандартные, зачастую выходящие за рамки обыденного понимания поступки.

Итак, *интеллигенция* — это социокультурная общность, представители которой отличаются высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей, и обладают особыми психологическими чертами и позитивными нравственно-этическими качествами.

Специалисты с высшим образованием традиционно делятся на профессиональные отряды, один из которых — научно-педагогическая интеллигенция. Профессиональная деятельность формирует образ жизни, досуг и манеру поведения людей. Интеллигенция высшей школы всегда имела особый рабочий ритм, правила продвижения по службе, до революции — определенную форму одежды, специфический образ жизни, манеру поведения, мировоззрение. Сформировались символы интеллигента — работника высшей школы, такие как работа с книгами, «жизнь на виду», то есть постоянное общение со студентами и коллегами, приоритет духовного над материальным. Можно также выделить некоторые специфические функции вузовской интеллигенции. К ним относятся: осмысление, совершенствование и критическая проверка научных знаний, передача теоретических идей студентам и приобщение их к ведущей системе духовных ценностей, а также соответствующим этим ценностям

нормам поведения, участие в формировании культурной среды в вузе и в регионе.

При определении понятия «научно-педагогическая интеллигенция» необходимо учитывать как ее место в системе общественного разделения труда, так и критерий наличия у нее общепризнанных духовно-нравственных качеств. В таком случае *научно-педагогическая интеллигенция* — это преподаватели и сотрудники высших учебных заведений, исследовательская, учебная и воспитательная деятельность которых направлена на создание, сохранение и развитие теоретических знаний и методов их практического применения, передачу студентам научных и духовных ценностей, а также участие в формировании культурной среды в вузе и регионе. Иными словами, понятие «научно-педагогическая интеллигенция» включает в себя как объективные социологические, так и субъективные оценочные характеристики.

Что касается понятия «*студенчество*», то методологически верным является подход к этой социальной группе В. И. Ленина. В статье «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократия и интеллигенция)» он назвал ее «самой отзывчивой частью интеллигенции»³. В качестве резерва интеллигенции рассматривали студенчество Г. И. Щетинина, С. А. Федюкин, В. Т. Ермаков. Однако общепринятого понятия «студенчество» пока в отечественной науке не сложилось.

Определение статуса студенчества является теоретическим моментом в изучении формирования интеллигенции в высшей школе. Дело в том, что период обучения в вузе целесообразно выделить в качестве важного этапа в процессе становления интеллигенции. Студенты — это молодые люди, которые при поступлении в вузы хотя и имеют определенный объем знаний, политические и нравственные убеждения, интересы, но всё же представляют из себя массу, которая нуждается в целенаправленном воздействии на сознание всеми формами воспитательной работы. В образовательном учреждении государственными, образовательными и общественными структурами при непосредственном участии научно-педагогических работников создается определенная среда, которая может и должна стать условием для формирования нравственно развитой и профессионально подготовленной личности.

Итак, образ жизни студентов сближает их с интеллигенцией. Это, прежде всего, основной вид деятельности — поиск научной истины, осмысление сложных теоретических вопросов и их практическое воплощение. Кроме того, и те и другие находятся в особой интеллектуальной среде. Их повседневная жизнь требует кропотливого умственного труда, порой поднимающегося до творчества, наполненного радостью побед и горечью неудач. Необходимо также отметить, что часть студентов имеет близкие к интеллигенции жизненные цели. Это, с одной стороны, удовлетворение личных потребностей в саморазвитии, а с другой — участие в полезной для государства и общества профессиональной и общественной деятельности.

С точки зрения социологии студенчество — это специфическая социальная группа, характеризующаяся особыми условиями жизни, труда и быта, социальным поведением и психологией, системой ценностных ориентаций. С позиции интеллигентоведения студенчество можно рассматривать как наиболее массовый и важный резерв пополнения интеллигенции, т. к. высшее образование, приобщение в вузе к демократическому стилю жизни и мышления, выработка навыков взаимодействия с властными и общественными структурами формируют у обучающихся навыки, необходимые для развития прогрессивного и стабильного общества.

Теоретическое обоснование понятийного аппарата, определение методологических подходов к изучению функционирования высшей школы позволяют оценить *деятельность вузовской интеллигенции*, выявить традиции в ее профессиональной деятельности, мировоззрении, образе жизни.

Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал, проведенные ранее исследования проблемы формирования интеллигенции в высшей школе России дают основание заключить, что в высших учебных заведениях страны на протяжении всей ее истории работали представители подлинной интеллигенции.

В 2018 году отмечается 100-летие создания системы высшего образования в Ивановской области. В связи с этим считаем возможным рассмотреть жизнедеятельность российской интеллигенции на материале одного из центральных районов страны.

В музее истории и развития ИГЭУ сохранились воспоминания профессора В. М. Черкасского, в которых он рассказывает о первых преподавателях ИВПИ. «Профессор В. В. Сушков, — писал Виктор Михайлович, — приехал в Иваново с составом преподавателей Рижского политехнического института и вошел в 1918 году в коллектив Иваново-Вознесенского политехнического института по кафедре термодинамики инженерно-механического факультета. <...> Профессор Сушков был типичным представителем дореволюционной интеллигенции высшей школы России. Его подчеркнуто аккуратная внешность, светло-серый костюм, очки в золотой оправе, изысканная манера держаться в разговоре, отчетливое дружелюбие и корректность, всё это в целом составляло образ человека высокой интеллигентности. <...> Он очень высоко ставил звание и деятельность инженеров и, вероятно поэтому, на входной двери его квартиры была прикреплена никелированная пластинка: “Инженер-механик В. В. Сушков”, хотя он был уже доктором и профессором». Лекции профессора Сушкова «отличались научной строгостью», а «система изложения была безукоризненной», читал он их свободно, без конспекта. Его фундаментальная работа «Техническая термодинамика» являлась основным учебником для энергетических вузов. «Профессор В. В. Сушков свою деятельность в высшей школе не ограничивал научно-инженерными рамками, но будучи человеком высокой общей культуры, он оказывал большое положительное влияние на духовный мир и самосознание молодежи, в среде которой работал»⁴.

В воспоминаниях В. И. Коновалова, который в 1934 году поступил учиться в ИЭИ, есть интересные сведения о преподавателях, например: «Очень большим уважением у нас пользовался Борис Владимирович Лопатин. Строитель по образованию, он читал лекции по сопротивлению материалов. Доцент ИЭИ Б. В. Лопатин занимал видное место в среде строителей и архитекторов. По его проектам были построены интересные здания и сооружения. Среди них следует выделить цирк и висячий пешеходный мост через реку Уводь. Конструкция и технология сооружения большого куполообразного здания цирка с несущими деревянными фермами были уникальными для того времени. К сожалению, этот памятник деревянного зодчества не сохранился...

Висячий пешеходный мост построили в период чистки и расширения русла реки Уводи. Борис Владимирович предложил оригинальное решение совмещенных опорных конструкций для трубопровода и пешеходного моста через довольно широкую реку. Преподавателя Б. В. Лопатина знали как хорошего лектора и очень требовательного экзаменатора»⁵.

Многих преподавателей отличал высочайший профессионализм и общая культура. «Большое значение в учебном процессе имели конспекты. Тогда по многим дисциплинам не было учебников, — писал в своих воспоминаниях В. И. Коновалов. — В частности, по котельным установкам учебной литературы в нашей библиотеке практически не имелось... Профессор М. С. Масленников готовил свои лекции, используя немецкие, французские, даже итальянские научные журналы...». По ним он «знакомился со всеми новыми идеями и разработками в области котельных установок».

Еще одной отличительной чертой вузовской интеллигенции Иваново-Вознесенска было то, что уже в первые годы существования вуза профессора и преподаватели принимали деятельное участие в культурно-просветительской деятельности. Они вели курсы повышения квалификации для управленцев, а также читали публичные лекции по юридическим и экономическим вопросам. В начале 1920-х годов одной из наиболее сложных проблем в развитии промышленности была организация производства и оптимизация процесса производства. Ученый совет ИВПИ решил создать научный «Институт производительности». Его цель заключалась в том, чтобы совместными усилиями ученых и производственников «всесторонне изучить приемы и обстановку отдельных отраслей труда и затем уже путем лекций, семинаров и опытных работ со студентами распространять новые рационализаторские приемы и условия работ между широкими массами трудящихся»⁶.

Человеком-легендой был доктор технических наук, профессор ИЭИ Дмитрий Павлович Ледянкин. Он участвовал в советско-финской войне (1939—1940), на которой получил серьезные увечья: отморозил обе ноги и пальцы рук. Попал в госпиталь. Ноги пришлось ампутировать, но молодой человек поступил в ИЭИ, успешно его закончил, в 1946 году защитил кандидатскую

диссертацию, а в 1960 — докторскую. Д. П. Ледянкин написал более 100 научных работ, много внимания уделял учебно-методической работе. И это при том, что он читал лекции, стоя на протезах, с трудом держа мел в поврежденных руках.

«При таком авторитете Дмитрий Павлович был человеком исключительно скромным, равнодушным к регалиям, но неравнодушным к людям, с которыми он общался. Тон его разговора был всегда доброжелательный, уважительный, вне зависимости от того, кто перед ним, ректор или студент»⁷.

Анализ архивных документов свидетельствует, что в вузах Ивановского края и в последующие годы работали представители подлинной интеллигенции, способные создать вокруг себя атмосферу творчества и подвижничества. Одним из таких преподавателей был доцент Ивановского педагогического института Виктор Сергеевич Сорокин. Выпускник Ленинградского политехнического института, работавший после его окончания с Ландау, Семеновым, Зельдовичем, он попал в Иваново в 1942 году после тяжелого ранения и проработал здесь с некоторыми перерывами до 1968 года. Он был великолепным преподавателем. Воздействие В. С. Сорокина на окружающих проявлялось во всем. Лекции его читались «на одном дыхании, вдохновенно». Студенты хорошо знали материал, не пропускали занятия. Л. Н. Маурин, выпускник МГУ, в тот период начинающий преподаватель, пораженный его мастерством, попросил поделиться «секретами» педагогического труда: «Рецепт Учителя был прост: следует готовиться не к отдельным лекциям, а по всему читаемому курсу; как симфонию — по Моцарту, нужно уметь слушать весь курс сразу, в одно мгновение»⁸. Неизгладимое впечатление на студентов и преподавателей оказывала личность В. С. Сорокина. Жизнь вокруг него, по словам учеников, «была насыщена творчеством, мыслью». Он обладал высокой культурой, соединенной с цельным, независимым, прямым характером и высочайшей организацией труда. Это была основа, за которой стоял огромный научный и человеческий капитал Виктора Сергеевича.

Люди, подобные В. В. Сушкову, Д. П. Ледянкину, В. С. Сорокину и др., были своего рода камертоном, который задавал тон в работе для коллег. Научно-педагогическая интеллигенция оказывала сильное позитивное воздействие на окружающих,

формируя в вузах края особую социокультурную среду, ориентированную на творческий научный поиск, методическое совершенство, подвижничество. Проходят годы, но традиции вузовской интеллигенции сохраняются, передаваясь от учителей к студентам, которые, повзрослев и став профессорами и доцентами, «впитали» в себя лучшие черты своих наставников.

Серьезное влияние не только на развитие науки, но и формирование социокультурной среды вуза оказал профессор ИГЭУ Виктор Михайлович Черкасский. Коллеги и студенты вспоминают его и как специалиста по гидравлике, талантливого лектора, и как широко эрудированного человека, который мог наизусть прочитать роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», высказать оригинальные суждения о русской живописи. Профессор любил свою страну, родную природу, переживал о будущем молодого поколения. В интервью, опубликованном в 1995 году в многотиражной газете ИГЭУ, на вопрос о том, каким он видит современное студенчество, Виктор Михайлович сказал: «На нынешнюю молодежь смотрю с тревогой и надеждой. С тревогой, потому что вижу разлагающее воздействие начал, чуждых нашему духу. В жизнь идет поколение бездомных и безмятежных. Ядовитое зелье в красивой обертке отравляет юные души... С надеждой, потому что верю: не может кончиться ничем история такого великого народа. <...> У наших студентов живые глаза. В них озабоченность всеми тревогами нашего времени»⁹.

Одной из характерных черт интеллигенции является ее стремление к новаторству, понимание актуальных проблем развития высшего образования. Лучшие преподаватели вузов Центрального района России стремились привести уровень образования в соответствие с требованиями научно-технического прогресса. Например, академик Анатолий Иванович Мальцев отстаивал необходимость создания новых университетских центров и усиления роли университетского образования в подготовке учителей средней школы. Работая в Ивановском педагогическом институте, впервые в стране он начал читать курс математической логики, который впоследствии по его инициативе был включен в учебные планы педагогических институтов, а потом университетов страны.

Продолжая традиции прежних лет, научно-педагогическая интеллигенция уделяла большое внимание учебной и воспитательной работе. Многие преподаватели ивановских вузов не воспринимали студентов в качестве однородной, безликой, усредненной массы. Естественным явлением было то, что преподаватели знали студентов по имени и фамилии, интересовались не только их учебой, но и условиями быта, ситуацией в семье, интересами. В архивных материалах, воспоминаниях приводятся многочисленные факты столь редкого сегодня неформального общения студентов с преподавателями. Зачастую воспитывали не столько беседы, сколько личный пример наставников. Представители научно-педагогической интеллигенции — доценты Ивановского педагогического института М. М. Бизяева, Ф. М. Брескина, А. В. Гуськов считали, что какую бы дисциплину ни вел преподаватель, он, прежде всего, — духовный наставник. Как естественное продолжение своей учебной работы они воспринимали руководство научными кружками, подготовку и проведение научных студенческих конференций, помощь студентам в организации быта и отдыха.

Наибольшие возможности для общения возникали на старших курсах. Обычно к этому времени студенты определялись с научной и профессиональной специализацией, а преподавателям становились ясны их жизненные цели и интересы.

Выпускница Ивановского текстильного института О. А. Кочина вспоминала: «Некоторых преподавателей я помню до сих пор. Например, А. И. Попову, которая читала лекции по математике... Стройная, всегда подтянутая, очень любящая свою математику и очень хорошо относящаяся к студентам, хотя и была требовательной на экзамене... Запомнились занятия “дореволюционных” преподавателей, их строгое, но уважительное отношение к студентам... Они требовали от нас точности и аккуратности в работе»¹⁰. Аналогичные примеры жизнедеятельности научно-педагогической интеллигенции имели место и в других регионах России¹¹.

Естественно, стать подлинными наставниками молодежи могли только люди, увлеченные своим делом, неравнодушные к окружающим, располагающие к себе. Вузовская интеллигенция, с одной стороны, сохранила предшествующие традиции,

а с другой — чутко реагировала на изменения в стране и в мире, выступая инициатором многих инновационных процессов. Можно выделить черты интеллектуально-духовного облика, присущие наиболее ярким представителям вузовской интеллигенции. Это активная общественно-значимая деятельность; высокий профессионализм, основывающийся на требовательности к себе и добросовестном отношении к порученному делу; дисциплинированность, аккуратность; скромность, отзывчивость, доброжелательность, стремление всегда прийти на помощь коллегам и студентам; широкая эрудиция, любовь к искусству.

Одной из важнейших функций вузовской интеллигенции является *научная деятельность*. Например, благодаря исследователям и изобретателям технических вузов в годы Великой Отечественной войны были улучшены характеристики боевой техники, ученые медики разработали принципы и технологию массового внедрения переливания крови и получения сухой плазмы, изготовили различные приспособления для ведения операций и т. д.¹²

В настоящее время ответственность ученых за результаты научных разработок многократно возрастает. Участник научной конференции в Иванове в 2017 году О. Б. Куликова с высокой степенью озабоченности положением в науке сказала в своем выступлении: «Феномен “технонауки” при всех плюсах интеграции технологии и познания в почти стихийном учреждении своей гегемонии по отношению к традиционному научному поиску несет серьезные угрозы для науки, ее идентичности как социально-когнитивной практики и самоидентификации ученых. Наука утрачивает статус самодостаточного и авторитетного социокультурного феномена, становится сферой для удовлетворения разного рода амбиций и организации PR-акций, за которыми часто не стоит ничего продуктивного. Она начинает рассматриваться не столько деятельностью по производству знаний о мире в интересах общества в целом, сколько игрой, “правила которой зависят всего лишь от игроков и от их предпочтений, а вовсе не от природы” (Порус В. Н.)»¹³.

Развивая идеи О. Б. Куликовой применительно к теме данной статьи, считаем необходимым подчеркнуть, что и высшая школа в лице своего «ядра» — научно-педагогической интеллигенции — ни при каких условиях не должна «поступиться

принципами». Как особое сообщество интеллигенции она имеет миссию сохранения социальной памяти и традиций российского высшего образования, преемственности его развития. С этой точки зрения *история высшего образования может быть рассмотрена сквозь призму жизни и деятельности ее отдельных представителей*. Примерами такого рода научных публикаций могут служить статьи Э. Б. Ершовой, О. В. Золотарева и многих других ученых-интеллигентоведов¹⁴.

Итак, высшее образование развивается, с одной стороны, эволюционно, оно консервативно по своей сути, здесь долго сохраняются традиции, а с другой — это инновационная, динамичная структура, чутко реагирующая на изменения в стране. Эффективность ее функционирования напрямую связана с условиями для свободного и творческого развития, для демократичного и инновационно направленного образовательного процесса. Это необходимо учитывать при выработке образовательной политики и ее реализации, особенно в период техногенных, гуманитарных, информационных и других «вызовов», стоящих перед человечеством.

Примечания

- ¹ Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России : материалы съезда / под общ. ред. проф. В. С. Порохня. М., 2017.
- ² См., напр., тезисы выступлений А. М. Журавлева, Т. В. Павленко, Ф. Х. Соколовой на XXV Международной научно-теоретической конференции «Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика». Иваново, 25—27 сентября 2014 г.
- ³ Ленин В. И. К студенчеству. Задачи революционной молодежи : (социал-демократия и интеллигенция) // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 343.
- ⁴ Материалы Музея истории и развития ИГЭУ.
- ⁵ Здесь и далее воспоминания В. И. Коновалова // Музей истории и развития ИГЭУ.
- ⁶ Будник Г. А. У истоков социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918—1922 гг.) // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2011. № 1. С. 134.

- ⁷ Воспоминание А. А. Братолобова, доц. кафедры «Электрические станции» ИЭИ // *Материалы музея истории и развития ИГЭУ.*
- ⁸ *Маурин Л. Н.* К портрету учителя и мастера Виктора Сергеевича Сорокина // *Ивановский государственный университет глазами современников.* Иваново, 1993. Вып. 1. С. 91.
- ⁹ За энергетические кадры. 1995. 22 февр.
- ¹⁰ Воспоминания О. А. Кочиной от 10.10.2001 г. // *Архив Г. А. Будник.*
- ¹¹ *Никонов И. И.* Подготовка военных кадров для подразделений химических войск в годы Великой Отечественной войны // *Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития : материалы XXVI Междунар. науч.-теорет. конф.* Иваново, 2015. С. 114 ; *Константинов С. И.* Интеллигенция вузов Свердловска в годы Великой Отечественной войны // *Интеллигенция / интеллектуалы... С. 101—104 ; Ершова Э. Б.* Вспоминая друзей и коллег поименно : (научно-педагогическая интеллигенция СССР — России во второй половине XX — начале XXI в.) // *Интеллигенция и интеллектуалы на перекрестках пространства и времени в 1917—2017 гг. : материалы XXVIII Междунар. науч.-теорет. конф.* Иваново, 2017. С. 150—156 ; *Пряхин В. М.* Вузовская интеллигенция Урала как феномен советской социалистической интеллигенции // *Интеллигенция и интеллектуалы на перекрестках пространства и времени... С. 183—187.*
- ¹² *Муравьева Л. А.* Наука и производство на службе фронту // *Интеллигенция / интеллектуалы... С. 109—111.*
- ¹³ *Куликова О. Б.* Идея справедливости и научное познание: социокультурные основания деятельности ученых и проблемы современной науки // *Интеллигенция и интеллектуалы на перекрестках пространства и времени... С. 126*
- ¹⁴ *Ершова Э. Б.* Указ. соч. ; *Золотарев О. В.* Он прост и понятен : (к 75-летию юбилею В. С. Меметова) // *Интеллигентоведение: теория, методология и социокультурная практика : материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф.* Иваново, 2014. С. 9—12.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)611-283.2

С. В. Холяев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — БАЗОВЫЙ ФАКТОР ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Любое социальное действие невозможно без своих носителей. Главным носителем революционных идей являлась интеллигенция, по меньшей мере, на протяжении почти целого века борвавшаяся за приход революции в Россию.

Революция 1917 года неотделима от интеллигенции — это ее центральная сокровенная идея, ее проект. У народа, прежде всего его самой значительной части — крестьянства, были принципиально иные представления о социальной справедливости и общественном переустройстве. Пролетарская теория революции, созданная российской социал-демократией в рамках марксистского учения, представляла отдельный вариант видения интеллигенции. Собственно противоречия, возникшие между народом и интеллигенцией, и привели к столь драматичному развитию революции.

Положение, занятое интеллигенцией в рамках дореволюционного общества, вписывается в схему классической теории А. Тойнби о внутреннем пролетариате. Интеллигенция, мечтая о коренной ломке государственных институтов, переходит в его ряды, полностью идентифицируя себя с угнетенным большинством, и надеется стать вождем народных масс. «Истинным признаком пролетария, — пишет Тойнби, — является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законно унаследованного места в обществе»¹. Признание народа необходимо интеллигенции,

---

© Холяев С. В., 2018

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета. holyaevsv@ystu.ru

так как оно видится трамплином для попадания во власть. При этом выбранный российской интеллигенцией путь отличался особой спецификой, выраженной в том, что обычно новые вожди внутреннего пролетариата пытались примирить его интересы с позицией правящих кругов, либо переходили в оппозиционные ряды после выдавливания из элитной прослойки. Здесь же мы имеем дело с добровольным уходом интеллигенции в категорию «лишних людей» ради мечты о возглавлении российского социума.

Как социальная группа интеллигенция возникла в 30—40-е годы XIX века при Николае I на волне разгрома восстания декабристов. Они первыми образовали самостоятельную социально-политическую группировку, ставившую задачу коренного переустройства общества, поэтому их можно считать своеобразной протоинтеллигенцией. Декабристы заложили основы идеологии русского западничества, отлитой позднее, усилиями А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова, В. Г. Белинского и др., в цельную форму интеллигенции. Суть ее сводилась к представлению, что основное препятствие для прогресса в России заключено в деспотизме верховной власти, только ее устранение создаст условия свободного развития общества. Российская монархия несет ответственность за сохранение крепостного права в стране.

Это был ошибочный вывод. В начале XIX века монархия глубоко озаботилась поиском путей к отмене крепостного права. Это касалось обоих императоров — и Александра I, и Николая I. Российские монархи стремились отменить рудиментарный пережиток прошлого. Уже в 1847 году, на 22-м году правления, Николай I, обращаясь к смоленским дворянам, впервые произнес формулу, в дальнейшем повторенную Александром II: «Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли». Многие из армейских офицеров, побывавших в Париже в заграничном походе, были настроены на дальнейшее усиление крепостнической эксплуатации с целью извлечения доходов от принадлежавших им крестьян. Для противодействия им верховная власть остро нуждалась в союзниках. Она искала опоры против консервативного дворянства, категорически не соглашавшегося на отмену крепостного права. Во всё царствование Николая I, как и при его брате, продолжали заседать секретные комитеты по крестьянскому делу, усердно составляя проекты освобождения

крестьян. Государственная власть защищала крестьян от произвола помещиков. Великая княгиня Елена Павловна говорила про Николая I, что он «государь демократ, сам того не подозревая»². Однако вместо помощи радикальные слои дворянства на исходе первой четверти XIX века решили, что пришла пора свергнуть или ограничить монархию, и пожелали посредством армии установить конституционный строй. Возможные союзники стали непримиримыми врагами. Само декабристское движение было подавлено, но его основные установки освоила интеллигенция.

Имелся и еще один важный аспект. Сложились внутренние предпосылки, делавшие возможным и желательным появление интеллигенции. Сегодня, благодаря распространению интеллигентского мировоззрения, доминируют представления о деспотичности власти в России. Но это не в полной мере соответствует реальности. На протяжении российской истории гораздо более сильные позиции занимал средний властный слой, зачастую определявший развитие страны (можно вспомнить 1991 год). Длительное время великие князья и цари управляли на противоречиях между двумя группами господствующего класса — боярством и дворянством. Однако Петр I упразднил боярство, причислив к дворянству всех представителей господствующего класса. В течение целого XVIII века авторитет верховной власти резко слабел. Дворянство диктовало императорам свою волю, добившись при этом для себя главного — отмены обязательности государственной и военной службы. Дворяне освободились от каких-либо обязанностей перед государством, сохранив при этом полную власть над принадлежащими им крестьянами. Интеллигенция изначально была призвана помогать верховной власти в ее борьбе с заинтересованной в усилении крепостничества частью дворянства, заняв место, ранее отводившееся боярству. Не поняв своего предназначения, она вступила в жесткий конфликт с верхним этажом власти, начав при этом регулярное сотрудничество с иностранными государствами, призванное якобы содействовать распространению свобод в стране, а на деле направленное на ослабление геополитического влияния российского государства. Интеллигенция стала союзником сил, стремящихся к ослаблению России³.

В итоге удалось сформировать субкультуру, особый интеллигентский мир, который воспринимал все процессы, происходящие в России и мире, достаточно своеобразно. Мир этот вышел

из дворянской среды. Первоначально в него входило не более одной-двух сотен человек, но к 1917 году численность интеллигенции возросла до нескольких процентов населения⁴. По социальному составу она быстро утратила чисто дворянский характер, вбирая в себя разночинцев. При этом поразительным оставалось то, что, получая высшее образование и пополняя интеллигентский состав, они отрывались от интересов тех слоев, к которым ранее принадлежали — крестьян и мещан, начинали говорить на искусственном и непонятном для народных низов языке, воспринимая чисто книжную культуру. Это доказывало силу сообщества, в условиях сословной России одним из первых перешедшего на положение самоорганизованной общественной группы, наряду со старообрядцами и, в определенной мере, с казачеством, ранее всех провозгласившим принцип «с Дона выдачи нет»⁵.

В XIX веке начинался глубокий дворянский кризис, вопрос о крепостном праве выходил на передний план, причем наиболее жестко его ставили сами крестьяне. Всё чаще разгорались крестьянские волнения, в памяти людей, живших в первой половине XIX века, сохранялись воспоминания о пугачевском бунте. В николаевский период к числу интеллигентов принадлежали преимущественно выходцы из высших кругов, поэтому их голос был сильно заметен. Наиболее известным лицом, из напомиавших о вероятности появления нового Пугачева, являлся А. И. Герцен. «Серьезное слово о русском народе, — писал он, — Екатерина услышала лишь... когда казак Пугачев во главе армии восставших крестьян стал угрожать Москве»⁶.

Примерно полвека, до конца XIX столетия, в деятельности интеллигенции продолжался инкубационный этап. В политической жизни страны она играла всё более заметную роль и при воцарении Николая II закономерно потребовала предоставления ей командных высот⁷.

Важным рубежом в истории оппозиционной общественности оказались 70-е годы XIX века. Военный конфликт России с Турцией за освобождение Болгарии привлек внимание общества. Отказ брать в 1878 году турецкую столицу Стамбул со стороны российского руководства, вызванный шантажом Великобритании начать войну против России, и последующий Берлинский конгресс, обернувшийся провалом русской дипломатии, обусловили

резкий рост антиправительственных настроений. Обвинения самодержавия в неспособности защитить государственные интересы были несправедливы, поскольку «передовая» русская общественность, видя во власти исключительно противника, сама до этого делала всё, чтобы ослабить ее. Но подобная критика вышала их в собственных глазах — когда появляется возможность предстать в образе патриотов, ни одна оппозиция не упустит такого шанса.

Еще один критический псевдоаргумент объяснял борьбу интеллигенции с правящей династией Романовых ее «немецким» происхождением. Русские патриоты вели борьбу с иноземной династией. Внешняя красота этой легенды вызывала интерес молодежи. В 1878 году решения Берлинского конгресса привели к сильному возмущению с ее стороны. Не подлежит сомнению, что в данном случае эта реакция была искренней, 14—15-летние подростки винили власть во всех неудачах. Целое поколение таким путем входило в революцию. А ведь это был стратегический возраст, в 1917 году этим людям будет за 50 лет⁸. Воистину не первая мировая, а русско-турецкая война стоила России короны. Именно тогда, на рубеже 1870—80-х годов, революционный процесс принял необратимый характер. Данная поколенческая генерация станет основой тех интеллигентских сил, которые совершат революцию, будет знаменовать ее старшее и среднее поколение.

Предопределил последующий успех революции период правления Александра III. Пока на правительственном уровне велась борьба с рабочим и социалистическим движением, юное поколение входило в революцию. Американский историк Р. Пайпс полагает, что центрами концентрации оппозиционно-революционных настроений в конце XIX века становились университеты: «Революционеры были либо учащимися, либо выходцами из университетов»⁹. Это не совсем соответствовало действительности. В университеты люди приходили уже с готовыми убеждениями: оппозиционные взгляды складывались раньше, до поступления в университет. Если бы всё дело было в вузах, то меры, которые предпринимало правительство, давали бы результат. Большинство студентов, встретив жесткое противодействие властей, прекращали бы антиправительственную деятельность. А меры были, и правда, крайне суровы — вплоть до отдачи

непокорных студентов в солдаты. Если репрессии оказались неэффективны, значит, причины непокорности молодежи лежали глубже.

В данном случае феномен, с которым сталкивались власти, следовало искать в иных местах. Центры воспитания радикальных настроений находились в гимназиях. Детские убеждения очень прочные, они формируют личность человека на всю оставшуюся жизнь, в отличие от наносных, легко переубеждаемых юношеских впечатлений. Дети, кроме того, способны формироваться и по той программе, которой обучаются в соответствии с пожеланиями взрослых, и, что не менее важно, вопреки ей. Примерно так происходило и с гимназистами, любимые и нелюбимые преподаватели создавали необходимую атмосферу. Ненависть к правительству, чья политика воспринималась подростками как реакционная, и пример «прогрессивных» учителей создавали условия для приобщения детей к политике. Симпатии к оппозиционерам у учащихся гимназий возникли давно, как минимум с начала XIX века, но качественный рывок, превративший гимназии в оплот «прогрессизма», произошел в 1880-х годах.

Политика Александра III в сфере образования максимально благоприятствовала подобным настроениям молодежи. По политическим соображениям власти цензурировали газетно-журнальный рынок. Были запрещены 72 книги, включая произведения консервативного писателя Н. С. Лескова. При наличии сложившейся интеллигентской среды списки запрещенной литературы воспринимались гимназистами и гимназистками как списки обязательного чтения. Общее чтение формировало в интеллигенции сплоченную наднациональную контркультуру. Дискуссии молодежи радикализировались¹⁰. Именно в 1880—90-е годы из гимназий выходит поколение, твердо вставшее на революционный путь. Это не оговорка: либералы для того времени являлись бесспорными революционерами. Позднее, в 1890—1900-х годах из стен гимназий учащиеся будут выходить уже социалистами. Но остов интеллигентского мировоззрения составили выходцы из более старшего, преимущественно либерального поколения. Без них не было бы никаких социалистов.

Другие опорные пункты оппозиции переместились в земства. К моменту гибели Александра II в 1881 году в них преобладали

гласные с консервативными взглядами. Да, они вели борьбу с правительством за усиление роли земств в жизни страны, но их фронда диктовалась не желанием конституционных реформ, характерным для начала XX века, а недовольством отменой крепостного права и стремлением получить хоть какие-нибудь компенсации за утраченные экономические привилегии. «Конституция» 1881 года, подготовленная Александром II, удовлетворяла их скромные запросы. В 1890-х годах молодой император Николай II столкнется с принципиально иной политической конфигурацией в земствах, чем его дед.

Консервативные земства в последние годы правления царя-реформатора пребывали в состоянии конфликта с официальной властью, но сам конфликт приглушался консервативным составом земских учреждений. Проведя контрреформу земств, Александр III заморозил их в воинствующем состоянии, в котором они «застыли», структурно подготовленные к грядущему противоборству. За 13 лет его царствования внутри земских органов произошли кардинальные изменения. Всё больший вес в них начали приобретать земские радикалы, подобные гласному из Твери И. И. Петрункевичу, будущему основателю конституционно-демократической партии. Данные метаморфозы не были случайными. Земства подготовили массовые кадры деятелей эпохи непосредственного «штурма власти» при Николае II. За 13 лет правления Александра III вошло во взрослую жизнь целое поколение людей, для которых критика власти наполняла жизнь смыслом¹¹.

Подпиткой для них станет более молодая генерация активистов. В начале XX века возникнет так называемое Освободительное движение, видящее цель в свержении или ограничении царизма. К 1917 году сформируются две-три тысячи активистов, разделившихся на целый ряд партий. При всей непримиримости по отношению друг к другу их сближала ненависть к власти и стремление прийти к управлению государством путем насильственной ликвидации прежней политической системы. Наиболее емко эту мысль выразил в 1904 году П. Н. Милюков, который писал в журнале «Освобождение», что правительство может переманить кого-либо из представителей интеллигенции на свою сторону, но он перестанет быть «нашим» и не будет нужным обеим сторонам, ни общественности, ни правительству¹². Такой подход

делал революцию в России более чем возможной. Пассионарная часть общества непримиримо относилась к самодержавию. При этом ее поддерживали те, кто не выходил открыто на борьбу с царизмом, но при возникновении революционных потрясений был готов поддержать наиболее смелых товарищей.

Могущество интеллигенции подтверждалось ее весомым успехом 1905 года, когда она в основном собственными усилиями, за счет привлечения различных подведомственных себе «фракций» населения — гимназистов, студентов и преподавателей, госслужащих — организовала в столице империи октябрьскую политическую стачку, приведшую к принятию 17 октября широко известного манифеста о даровании гражданских прав¹³.

Что могли противопоставить идеологическому натиску интеллигенции сторонники власти? Альтернативой интеллигентскому проекту радикального дворянства становится черносотенный проект дворянства консервативного. Дворянский консерватизм упорно старался сохранить «обычай старины». Черносотенное движение возглавили люди, не собиравшиеся менять сформировавшийся еще с XVIII века привычный образ жизни. Они жестко критиковали стремление интеллигенции поднять народ против власти и установить в стране конституционную систему. Вот один из образчиков их критики, во многом справедливой: «Оглянитесь... вокруг себя и... убедитесь, что за полтора года конституции Россия отодвинулась более, чем на полтора столетия назад. Пугачевщина прошла по городам и селам... Тысячи убийств и разбоев, самых невероятных по дерзости и жестокости — вот наши конституционные успехи! И всё это за полтора года... Кроткие россияне и россиянки превратились в волков и волчиц»¹⁴.

Развивает критику современников революции известный литератор конца XX века В. В. Кожинов. «Черносотенцы, — пишет он, — были единственной общественной силой, действительно стремившейся остановить ход революции»¹⁵. В чем можно согласиться с Кожиновым? Черносотенный проект Союза русского народа был прямым ответом, в буквальном смысле *реакцией* (курсив наш. — С. Х.) со стороны консерваторов на политическую инициативу, принадлежавшую интеллигенции. Но он, без всякого сомнения, являлся делом, изначально обреченным на поражение, поскольку его критика только подпитывала интеллигентский

радикализм и никак не могла его остановить. Ругань черносотенцев поддерживала в интеллигенции убежденность, что они идут правильным путем, и, следовательно, объективно благоприятствовала росту радикализма в образованных кругах.

Интеллигенция сделала выбор в пользу революционного слома старой государственной машины. Интеллигентские представления, с приближением 1917 года, неожиданно приобретают определенный авторитет на элитарном уровне. В российских верхах, включая придворную камарилью, формируется мнение, что в случае серьезного кризиса переход на сторону дворянских «якобинцев» не будет зазорным¹⁶. О возможном альянсе с либералами верхов общества писал еще в 1912 году, задолго до революции, левый кадет В. П. Обнинский. Положение чиновников лучше положения царя. Они некоторое время будут необходимы при всяких условиях нового строя и приспособятся к любым изменениям¹⁷.

Проблемой, однако, становилось то, что в 1900—10-х годах мировоззренческая победа интеллигенции на элитарном уровне над старой государственной идеологией «самодержавия, православия, народности» не дополнялась аналогичным успехом в народных низах. В широких массах народа сложилось критичное отношение к образованным народолюбцам, и радикальные общественники не могли не знать об этом, поскольку в 1909 году были вынуждены прочитать предупреждение о грядущих беспорядках в статье М. О. Гершензона из сборника «Вехи». «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — писал он, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹⁸.

Основной угрозой для интеллигенции в лице либералов и умеренных социалистов, ставших в 1917 году новой властью, предстали не участники организованных партий, включая большевиков, а рядовое местное население, крестьяне, особенно солдаты. Со стороны народных масс, считавших себя главными выгодоприобретателями от революции, начался «праздник непослушания». Крестьяне захватили низовые органы новых властных структур, КОБов, сформировавшиеся на волостном уровне, вытеснив оттуда представителей других социальных слоев, и, воспользовавшись образовавшимся большинством, приступили через принимаемые в них решения к одностороннему захвату помещичьих земель¹⁹.

Еще хуже обстояло дело с солдатами, превращавшимися в тыловых гарнизонах в основной источник беспорядков. Они грабили горожан, отказывались подчиняться начальству, игнорируя распоряжения офицеров. Солдатские комитеты решительно боролись с осторожными попытками офицеров восстановить дисциплину²⁰. Отстранение от власти Николая II делало технически невозможным продолжение войны: «самодержавие солдата» было непреодолимо. Развращенная свободой армия уже не защищала страну и была страшнее не для врага, а для собственного населения. В условиях революции она быстро научилась грабить и не желала воевать.

В ходе начавшейся революции интеллигенция оказалась бессильной в противостоянии с получившим свободу народом, что в реалиях февраля приводило страну к национальной катастрофе. В 1918 году вышел сборник «Из глубины», продолжавший линию «Вех». Теперь его авторы оценивали происходящее со страной уже из глубин начавшейся русской революции. Вывод получался неутешительным: диагноз предыдущего сборника подтверждала практика революции. Обретя власть, разрушив старое государство, интеллигенция не нашла общего языка с народом. О путях и задачах русской интеллигенции писал П. И. Новгородцев. В дореволюционных представлениях интеллигенции, напоминал кадет, народ всегда выглядел зрелым и совершенным. Стоит разрушить прежний государственный порядок, как тотчас станет возможным проведение коренных реформ, грандиозная перестройка общественного здания.

Русская интеллигентская мысль ставила принципиальной задачей разрушение существующего порядка. Когда старый строй падет, всё свершится само собой. Эта вера являлась чистейшей иллюзией, ложной теоретически и губительной практически. Беда интеллигенции в том, полагал Новгородцев, что она создавала искусственные теории, а ее понятие о народе было отвлеченным. Русскому общественному сознанию в его господствующих течениях принадлежала печальная роль разрушительной силы — в борьбе с догматизмом старых основ оно отвергло реальные основы истории. А когда интеллигенции предоставилась свобода действовать и властвовать, она привела Россию на край гибели²¹.

Существует точка зрения, утверждающая, что интеллигенция непримиримостью к самодержавию создала необходимые

предпосылки для победы большевиков, но при этом сами большевики ее частью не являлись. И оцениваются действия интеллигенции на основании хорошо известного принципа: «За что боролись, на то и напоролись»²². Думается, что это не так. Большевики, хотя и обособленная, то есть периферийная, но всё же неотъемлемая часть интеллигенции. Более того, если бы не решительность, проявленная большевиками в ходе революции 1917 года, приход интеллигенции к власти в феврале приобрел бы фатальные последствия для российского государства, приведя к разделу его территории странами обоих военных блоков Первой мировой войны — Антанты и Четверного союза. Большевики — единственная из интеллигентских групп, преодолевшая безначалие, воцарившееся в революционной России.

По существу, две главные действующие силы, обретшие свободу по мере развития революции — интеллигенция и народ, привели в расстройство властно-государственный механизм. На этом могла, и должна была, завершиться история страны. Сами интеллигенты, оценивая из 1918 года происшедшее за восемь революционных месяцев между февралем и октябром, достаточно хорошо это понимали. В послеоктябрьский период казалось, что теперь с интеллигенцией будет навсегда покончено. По мнению представителей сменовеховского направления, антибольшевистские силы дискредитировали себя в глазах народа, в то время как большевики заслужили национальное доверие. Авторы сборника «Смена вех», изданного в Праге в 1921 году, делали вывод о том, что самостоятельно интеллигенция больше не сможет выполнять существенной роли в России. Творческая задача российской интеллигенции — служить народу и режиму, выбранному данным народом. Только в этом случае она преодолеет отщепенство от государства и народа²³.

Однако интеллигенция сохранилась в социальной структуре советского общества. Более того, именно большевикам, Советской власти, интеллигенция обязана тем представлениям о ней, которые войдут в сознание каждого советского, а позднее и российского человека, характеризующего данную социальную группу как соль земли российской и ее народа. Когда оформилось такое представление — ведь не при царе, когда это был костяк оппозиционной общественности? Параллельное, дополняющее мнение, согласно которому интеллигенция объединяет всю

образованную часть общества, а каждый образованный человек априори интеллигент, также исходит из XX века и перетекло в век XXI. Все подобные подходы немислимы без изменений, случившихся с интеллигенцией в советский период.

Почему большевики придали интеллигенции столь важное значение? Лишь потому, что нуждались в поддержке образованной части общества? Наверное, и поэтому тоже. Но главное, потому что относились к этой общности сами. При всей враждебности к ее основному спектру, поставлявшему кадры во враждебные к ним партии, от кадетов до меньшевиков, большевики чувствовали и ощущали собственную принадлежность к социальной когорте интеллигенции. Она не была для них абсолютно чуждой. Было лишь решено наполнить интеллигентские ряды приверженцами собственной позиции, постепенно изменив их состав. Выполнить эту задачу удалось только частично. Конечно, трансформация, происшедшая с интеллигенцией в советскую эпоху, кардинально изменила ее облик, но затем восторжествовал единый менталитет данной общности. В итоге советская интеллигенция, естественно со спецификой, накладываемой временем, продолжила линию прежней интеллигентской традиции. Наглядным свидетельством чему стала Перестройка, вновь неотделимая от деятельности и стремлений интеллигенции.

В заключение необходимо отметить: деятельность интеллигенции, разрушая социальную структуру дореволюционного общества, создавала предпосылки для появления малоизвестного человека во главе государства. Первым таким человеком стал А. Ф. Керенский. Немало других людей желало повторить его опыт — возглавить государство. Очень жаростно хотел этого выходец из кадетской партии Н. В. Некрасов. У него это не получилось, но в итоге Россию возглавил другой «Виссарионович» — И. В. Сталин. Без феномена интеллигенции появление Сталина во главе государства было бы просто невозможно.

Примечания

¹ *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 346.

² *Данилов Ф.* Общая политика правительства и государственный строй к началу XX века // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Кн. 2, т. 1, ч. 2. С. 423.

- ³ *Нефедов С. А.* История России : факторный анализ. М., 2010. Т. 2. С. 232, 234.
- ⁴ *Шевченко М. М.* Конец одного Величия : власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 200—201 ; *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России, XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 645, 646—647, 663.
- ⁵ *Шириняниц А. А.* Нигилизм или консерватизм? : (русская интеллигенция в истории политики и мысли). М., 2011. С. 116—117, 126.
- ⁶ *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия : секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать. М., 1984. С. 302.
- ⁷ *Васильев Л. С.* Метаморфозы истории России. М., 2017. Т. 2. С. 449.
- ⁸ *Шарапов С. Ф.* После победы славянофилов. М., 2005. С. 9—10.
- ⁹ *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 13.
- ¹⁰ Новая имперская история Северной Евразии / под ред. *И. Герасимова*. Казань, 2017. Ч. 2. С. 276.
- ¹¹ *Петрункевич И. И.* Воспоминания // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 9. Л. 447—448, 648—649.
- ¹² *Миллюков П. Н.* Воспоминания (1859—1917). М., 1990. Т. 1. С. 251.
- ¹³ *Павлов С. Б.* Опыт первой революции : Россия, 1900—1907. М., 2008. С. 348—349.
- ¹⁴ Русское знамя. 1907. 28 марта.
- ¹⁵ *Кожин В. В.* Россия. Век XX (1901—1939) : история страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года : опыт беспристрастного исследования. М., 2002. С. 22.
- ¹⁶ *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 47—49.
- ¹⁷ *Обнинский В. П.* Последний самодержец : очерк жизни и царствования императора Николая II. М., 1992. С. 4.
- ¹⁸ *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 89.
- ¹⁹ *Герасименко Г. А.* Первый акт народовластия в России. М., 1992. С. 93, 94, 112.
- ²⁰ *Головин Н. Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2006. С. 471.
- ²¹ *Новгородцев П. И.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины : сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 212—213, 216.
- ²² *Андрушкевич И. Н.* Революция 1917 года как измена русскому государству // Революция 1917 года и Нижегородская губерния : сб. ст. / сост. и отв. ред. *С. А. Смирнов*. Н. Новгород, 2017. С. 29—30.
- ²³ *Квакин А. В.* Между белыми и красными : русская интеллигенция 1920—1930 годов в поисках Третьего Пути. М., 2006. С. 56, 58—59.

Н. В. Кабакова

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(На примере Сибирского
автомобильно-дорожного института)**

Длительное время в разработке исторической тематики, раскрывавшей события Великой Отечественной войны, приоритетными являлись описания фронтовой героики, подвигов партизанского и подпольного движения, оценки грандиозной промышленной эвакуации и деятельности экономического производства, направленной на разгром гитлеровской Германии. При этом вне поля исследовательского внимания оставались сюжеты, иллюстрирующие бытование простых людей, которые продолжали жить и работать в условиях сурового времени, особенно в далекой провинции. Тенденция к изменению исторического вектора в изучении военной тематики и углубление фокуса интересов в рассмотрении провинциальной повседневности наметились в последние десятилетия, определив появление новых исследований, характеризующих многообразные аспекты жизнедеятельности различных социальных слоев и их отдельных представителей, как коренных жителей периферии, так и тех, кто оказался вдали от центра страны в силу определенных обстоятельств¹. Обозначив подобную перспективу как «прагматический поворот», Л. П. Репина отметила, что современная историография ориентируется «на синтез социальной и культурной

© Кабакова Н. В., 2018

Кабакова Наталья Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета (Омск). natalya-kabakova@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования Омской области в рамках научного проекта № 17-11-55006 «Повседневная жизнь в Западной Сибири накануне и во время Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.)».

истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания», подчеркнув, что «личностный и глобальный аспекты истории имеют нечто существенное в своих теоретических обоснованиях»².

При обращении к повседневности немаловажен отбор исторических источников. Используя их при оценивании разноплановых сфер жизни, исследователь получает в обозрение самый широкий спектр документов — архивные записи, личные материалы, устные воспоминания и пр. При этом если эго-документы непосредственно раскрывают реалии жизни их авторов, то сведения общего характера вызывают необходимость наиболее скрупулезного поиска характеристик бытования определенной эпохи, открывая при их изучении новые грани существования обычных людей. Отталкиваясь от изложенных теоретических оснований, определим целью данного исследования погружение в повседневную жизнь преподавательского состава Сибирского автомобильно-дорожного института (далее — СибАДИ) как представителей советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны.

Источники, способствующие реконструкции бытийности преподавателей СибАДИ, содержатся в фондах нынешнего Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета и Государственного исторического архива Омской области. В университетском архиве хранятся приказы по личному составу, отражающие деятельность руководства вуза, его научно-педагогических кадров. Данные материалы, позволяющие рассмотреть различные области жизнедеятельности — от проблем дисциплинарного характера, изменения условий труда и до обязанностей, исполняемых сотрудниками института, не могут быть отнесены к широко используемым историческим документам в силу их дислокации. При этом автор настоящего исследования неоднократно обращался к приказам СибАДИ как к историческим источникам, что повлекло публикацию работ, освещающих историю института первых лет его существования³. Материалы о функционировании автодорожного института включены в отдельный фонд Исторического архива Омской области, поскольку партийная, комсомольская и профсоюзная организации вуза обязаны были отчитываться о собственной деятельности, в результате чего стенограммы, протоколы, иные сведения составили отдельный ресурс областного хранилища документов. Омские

историки, используя эти источники, воссоздали общий ход развития СибАДИ⁴. В то же время потенциал названных материалов еще далеко не исчерпан, поскольку содержит разностороннюю информацию, в частности раскрывающую повседневную жизнь институтского сообщества. Подобные сведения могут игнорироваться в процессе создания обобщенного исследования, но способны стать предметом рассмотрения для понимания индивидуальных и неповторимых проживаний исторических событий.

22 июня 1941 года стало днем, разорвавшим привычные связи и отношения, изменившим устоявшиеся жизненные структуры. В восприятии современного исследователя этот рубеж определил совершенно новую грань бытийности, выразился в пафосе коллективных действий, направленных на разгром врага. Профессорско-преподавательский состав СибАДИ, как и весь советский народ, был охвачен патриотическим порывом встать на защиту Родины, что нашло отражение в резолюциях, сохранившихся в череде отчетов партийной и профсоюзной организаций. С началом войны первые изменения в институтской жизни выразились в отзыве из отпусков преподавателей и сотрудников. Это обуславливалось необходимостью спешного переезда вуза в новое, не приспособленное для занятий помещение. К 1 августа 1941 года, когда начинался первый военный учебный год, весь профессорско-преподавательский состав присутствовал на рабочих местах. Одновременно многие представители вузовской интеллигенции призывались в действующую армию или на военные сборы. Всего в первые месяцы Великой Отечественной войны в РККА ушли 19 преподавателей СибАДИ. Среди них был директор Ф. М. Дробышев, подписавший 25 ноября 1941 года свой последний приказ: «В связи с мобилизацией меня в РККА все дела и имущество института по инвентаризации на 1 ноября с. г. передал своему заместителю по научно-учебной части тов. Быкову А. Я.»⁵ Мобилизация профессорско-преподавательского состава серьезно усложнила начало первого военного семестра, но кафедры доукомплектовывались кадрами из омских вузов и эвакуированными преподавателями из других городов. В начале следующего учебного года директор института А. Я. Быков отмечал, что хотя штат по-прежнему недостаточен в количественном отношении, его качественный состав улучшился. Так,

профессоров в 1941—1942 учебном году стало 4 вместо 1 в 1940—1941 учебном году, доцентов — 17 вместо 12, кандидатов наук — 12 вместо 6, впервые появилось 2 доктора наук⁶. В дальнейшем на протяжении 1942 года кадровый потенциал вуза ослаблялся, поскольку преподаватели и сотрудники продолжали уходить на фронт.

Однако действительность оказалась сложнее: повседневные практики демонстрируют отдельные примеры уклонения от военной службы. На партийном собрании автодорожного института 10 июля 1942 года обсуждался вопрос о поступлении заявлений в сталинскую добровольную стрелковую дивизию. Всего из СибАДИ студентами, преподавателями и сотрудниками было подано 84 заявления. На заседании давалась оценка поступку членов ВКП (б) товарищей Буль и Полещук (в документах имя и отчество не названы. — *Н. К.*), которые отказались вступить в ряды РККА. Буль объяснил свое нежелание боязнью, что «в армии его используют не по специальности», а Полещук — отсутствием согласия на его уход на фронт со стороны жены и зятя. Партсобрание расценило подобные факты как проявление трусости, исключив этих коммунистов из партии⁷.

Экстремальный период Великой Отечественной войны обусловил рост функций интеллигенции, которая помимо своих традиционных профессиональных обязанностей была поставлена перед необходимостью освоения новых видов деятельности. Преподаватели СибАДИ активно включились в процесс приемки нового здания, где ныне разместился институт: осматривали и оценивали состояние электропроводки, отопительной и водопроводной систем. В последующие месяцы администрация института, испытывавшая недостаток квалифицированной рабочей силы, неоднократно обращалась к помощи преподавателей. Об этом, к примеру, свидетельствовал приказ директора, подписанный в августе 1943 года: «...в соответствии с решением общего собрания коллектива, приказываю мобилизовать на работу по подготовке к зиме учебного корпуса и общежитий преподавателей на вывозку, складирование, ошкуривание, распиловку дров, заготовку чурок на механической пиле; мытье, обтирку, обметание стен и потолков, мытье полов, окон, мебели после побелки; плотничные и столярные работы, подсобные работы при малярной бригаде;

ремонт водопровода, канализации и отопления, налаживание электроосвещения и проводки»⁸.

В конце лета особую значимость для тыловых районов страны приобрела уборка урожая. Последовали призывы государственных и партийных органов к населению оказать всемерную помощь сельскому хозяйству. Образец подобного обращения к жителям Омска областного комитета ВКП (б) от 25 августа 1941 года гласил: «На колхозных и совхозных полях созревает богатый урожай, уборка которого в сжатые сроки в условиях Отечественной войны с гитлеровской Германией приобретает исключительно важное хозяйственно-политическое значение. В этих целях партийные и советские организации должны добиться *поголовного* выхода на уборочные работы не только колхозников, работников МТС, совхозов и членов их семей, но и широкого привлечения населения городов и райцентров области»⁹. Преподаватели СибАДИ вместе со студентами направлялись на полевые работы, продолжавшиеся до середины ноября, в ходе которых задействовалось более половины списочного состава научно-педагогических кадров. Отметим, что в приказах сохранились распоряжения о том, что привлечение к подобной деятельности влекло снижение на 50 % заработной платы для преподавателей. Не случайно, по-видимому, в дальнейшем при организации таких работ местному и профсоюзному комитетам давалось со стороны администрации СибАДИ указание проводить разъяснения среди тех, кто привлекался к сельскохозяйственному труду.

К новым функциям, обретенным преподавателями института в условиях Великой Отечественной войны, относится и их работа на предприятиях, которая производилась помимо основной научной и учебной деятельности, во вторую или третью смену. Среди них — оборонные заводы, эвакуированные в Омск, подшефный Сибзавод. Примерно каждый четвертый преподаватель СибАДИ (всего 12 человек) был занят на подобном производстве, и большинство не просто справлялось с заданиями, но и перевыполняло норму выработки. Помимо этого, профессорско-преподавательский состав трудился на строительстве аэродрома, расчистке дорог и подъездных путей от снега и пр.

Суровые обстоятельства войны повлекли ухудшение условий труда. Необходимость жесткой экономии привела к тому, что в осенне-зимний период занятия в институте стали проводиться в более позднее время. Так, с 22 октября 1941 года первая пара начиналась с 8.45, а с 7 декабря 1942 года, когда электричество в здании отключалось вовсе — с 10.00, вторая смена отменялась. Такие перемены были связаны не только с необходимостью ограничить потребление электроэнергии, но и с серьезными проблемами в обеспечении помещений отоплением. Уже в сентябре 1941 года в СибАДИ устанавливались нормы расходования угля, определялась средняя температура для всех помещений вуза +16° (в дальнейшие зимние месяцы она нередко фиксировалась как нулевая!). Однако во всем здании института ее поддерживать не получалось, потому студенческие группы укрупнялись, занятия проводились в небольших помещениях (аудиторий в выделенном вузу здании не было); в приказах названы «комнаты деканов», «комната преподавателей», «комната кассира». Доцент Д. Р. Трифонов характеризовал существующее положение следующим образом: «...в тесноте, да не в обиде, зато теплее так, хоть и сидят студенты в верхней одежде и где попало, пишут на коленках. Но ведь мало их на занятия приходит, хорошо, если треть от списка присутствует — многие работают»¹⁰.

С пониманием относились преподаватели к отсутствию студентов на занятиях еще и потому, что очень остро для всех стояла проблема питания. С 1 сентября 1941 года в Омске вводилась карточная система на хлеб, сахар, кондитерские изделия. На общеинститутском собрании, где обсуждался вопрос о порядке выдачи карточек, была принята резолюция, в которой отмечалось, что научные работники приветствуют это решение правительства, поскольку «для победы над коварным врагом необходим учет и правильное распределение продовольственных ресурсов». В дальнейшем нормы выдачи товаров по карточкам сокращались, что вызывало определенные опасения среди руководящих структур, упоминавших о «нездоровых толках». Для пресечения таких настроений власти призывали помнить «о тех, кто на фронте», «о ленинградцах», разъяснять, что «судьба не решается ста граммами». Областное и городское руководство признавало трудности продовольственного плана, пытаясь,

насколько возможно, наладить поставку товаров в магазины, обеспечить их выдачу хотя бы по карточкам (в конце декабря 1941 года не было продуктов за ноябрь), навести порядок в торговле. Все подобные обстоятельства приводили к тому, что многие горожане предпочитали обедать в столовых, а это обусловило нехватку пунктов питания. Так, студенты и преподаватели СибАДИ получали обеды в здании мединститута, тогда как в их собственный буфет продукты часто не завозились. Преподаватели сетовали на то, что обеденный перерыв занимал подчас по 3—4 часа, а качество пищи оставляло желать лучшего. Поэтому администрация института добилась разрешения на строительство собственной столовой, которую планировалось запустить в эксплуатацию 27 сентября 1942 года. Была налажена пропускная система для получения обедов, установлен жесткий график их выдачи. Сотрудники, замеченные в столовой в неустановленные сроки, привлекались к ответственности как прогульщики. Но и в дальнейшем не прекращались жалобы на нехватку обедов и посуды. Нередко столовая не работала из-за отсутствия топлива.

5 сентября 1941 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП (б) «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной армии». Документы свидетельствуют о том, что жители Омска в целом и преподаватели СибАДИ как представители интеллигенции поддержали данное мероприятие. В отчетах местных партийных органов указаны перечисления, произведенные коллективом института в первые месяцы войны: теплых (чаще — бывших в употреблении) вещей — 429 штук, среди них — 2 полушубка, 20 пар валенок, 1 куртка, 1 брюки (стегаемые) и многое другое, облигаций на сумму более 23 тыс. руб., драгоценные вещи, денежные средства (в фонд обороны, на эскадрилью «Омский комсомолец», танк «Боевые подруги») — более 25 тыс. руб.¹¹ Преподаватели вуза приняли решение о ежемесячном отчислении однодневного заработка в фонд обороны, подписывались на государственные займы, собирали посылки для госпиталей, отправляли подарки бойцам, проводили воскресники. Даже поверхностный перечень пожертвований позволяет судить о значимом материально-вещественном вкладе, выделяемом научно-педагогическими кадрами для нужд военного времени. Обратим внимание на то, что исследуемый

период, безусловно, характеризовался как этап дефицита вещей, когда в условиях скудности быта советского человека, особенно живущего в провинции, побуждение сохранять вещи, заботиться о них, чувствовать дискомфортные ощущения при их лишении либо необходимости расставания — оставались очевидными практиками. Отсюда проистекала и особая «ценность» вещей, равнодушное отношение к ним, боязнь утраты, особенно в экстремальное время, что позволяет вычлени не только материальную, но социально-психологическую обусловленность взаимоотношений человека и вещи, поведение индивида по поводу вещей.

Общественное собрание 14 сентября 1941 года констатировало, что «товарищ Горбунов... ничего не принес из теплых вещей для Красной армии»¹². Сам Горбунов объяснил, что ничего предоставить не смог, поскольку «условия не позволяют, у него на иждивении родители. На закрытом партсобрании автодорожного института 20 марта 1942 года обсуждалось поведение члена ВКП (б) Андрея Федоровича Бехера, в семье которого было 6 человек, который также не принимал участия в сборе теплых вещей, ссылаясь на их отсутствие. Впоследствии А. Ф. Бехер отчитался, что «вещи для Красной армии он сдал — снял фуфайку с жены, отдал собственные штаны»¹³. В то же время документы сохранили множественные альтернативные примеры того, как преподаватели, находившиеся в скованных материальных обстоятельствах, отдавали одежду и обувь для того, чтобы обеспечить воинов-красноармейцев. Приведенные случаи свидетельствуют о том, что, став своего рода проверкой на материалистичность, сбор вещей для фронта обнаружил, с одной стороны, масштабность данной акции и реальную поддержку населения, с другой — объективные трудности собственно вещного обеспечения, приводившие подчас к попыткам уклониться от участия в данном мероприятии.

Значительные материальные издержки, сложные условия труда, морально-психологические переживания военного времени необходимо учитывать в совокупности с дискомфортным состоянием жилищных условий преподавателей СибАДИ. Специально созданная в институте в 1943 году комиссия

для обследования материально-бытового положения научных работников доносила о том, что сотрудникам не хватало воды, топлива, мыла, обуви. Доцент Трифонов с семьей из четырех человек проживал в двух комнатах в 25 кв. м; доцент Кудрявцев с семьей из пяти человек — там же, в одной комнате. На эти две семьи имелась одна общая неотапливаемая кухня. Оба преподавателя получали от института по 1 куб. м дров, которые закончились на момент обследования. Помещения освещались коптилками. Температура в комнатах составляла + 8—10°¹⁴. В докладе подчеркивалось, что талонов по продовольственным карточкам сотрудникам хватало на полмесяца, потому продукты они покупали на рынке. Оценив сложившееся положение, руководитель партбюро М. Я. Гончарок отметила верность выводов комиссии о тяжелом материально-бытовом положении преподавателей института, обратив внимание на то, что «наше поколение выросло в условиях процветания, потому пасует перед нынешними трудностями военного времени. Надо понимать, что государство не может выделять больше, чем есть»¹⁵. Данная реплика выявляет многомерность восприятия экстремальной повседневности в массовом сознании военного времени.

Тяжелые материальные условия, скудное питание, труд на пределе возможностей — все эти обстоятельства бытийности преподавательского состава СибАДИ не могли не вызывать отдельных негативных откликов и настроений, которые не исказили общую направленность морально-психологической атмосферы коллектива вуза, главным вектором которой было достижение скорейшей Победы невзирая ни на какие трудности. Таким образом, практика исследовательского перехода от общесобытийной истории к канве повседневной жизни, предпринятая в данной статье на примере изучения бытования преподавателей СибАДИ как представителей советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны, способствует обогащению деталями страниц прошлого, что, в конечном счете, позволяет воссоздать полновесную картину пути, пройденного советским обществом.

Примечания

- ¹ *Козлова А. А.* Особенности крестьянского быта сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 119—125 ; *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш.* Интеллигенция в эвакуации: настроения, труд и быт : (по источникам личного происхождения) // Культурное наследие Сибири : электрон. науч. изд. URL: <http://sibnasledie.omsu.ru/page.php?id=58> (дата обращения: 28.02.2018) ; Устная история : жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сб. науч. ст. и источников / сост. *Т. К. Щеглова* ; отв. ред. *Т. К. Щеглова*. Барнаул, 2016 ; *Фоминых С. Ф., Степнов А. О.* Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 132—142.
- ² *Репина Л. П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // Историческая наука сегодня : теории, методы, перспективы / под ред. *Л. П. Репиной*. М., 2012. С. 14.
- ³ *Кабакова Н. В.* Завтра была война : страницы повседневной истории СибАДИ // Развитие дорожно-транспортного и строительного комплексов и освоение стратегически важных территорий Сибири и Арктики : вклад науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2014. С. 188—191. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22725613> (дата обращения: 28.02.2018) ; *Она же.* Исторический портрет преподавателей и студентов СибАДИ, 1930-е гг. // Архитектура, строительство, транспорт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2015. С. 1652—1658. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25530914> (дата обращения: 28.02.2018).
- ⁴ *Очерки истории СибАДИ* / под ред. *Н. Г. Якушиной*. Омск, 2000.
- ⁵ Архив СибАДИ. Ф. К-9. Оп. 14. 1941 г. Л. 154.
- ⁶ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. 701. Оп. 1. Д. 65. Л. 14.
- ⁷ Там же. Д. 63. Л. 174—176.
- ⁸ Архив СибАДИ. Ф. К-9. Оп. 14. 1943 г. Л. 127.
- ⁹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2619. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Ф. 701. Оп. 1. Д. 61. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Д. 65. Л. 42.
- ¹² Там же. Д. 61. Л. 32.
- ¹³ Там же. Д. 68. Л. 6—14.
- ¹⁴ Там же. Д. 72. Л. 4—9.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.

О. А. Яновский

КАК ШЛИ БЕЛОРУСЫ К СВОЕМУ УНИВЕРСИТЕТУ

...Наше государство является научно-обоснованным, и общественности его можно строить только на научном методе...

Б. М. Беркенгейм¹

В эпиграфе данной публикации — строки из речи профессора-химика Бориса Моисеевича Беркенгейма, произнесенной во время торжеств по поводу первого выпуска молодых специалистов, подготовленных в первом по-настоящему белорусском университете. Весь пафос выступления одного из профессоров первого поколения Белорусского государственного университета должен был закрепить мысль о неразрывности интересов и существенных характеристик всех составляющих советского белорусского государства (а равно и белорусского общества) и его университета. Университета государственного, но прежде всего — университета белорусского и тем самым ориентированного на «строительство» нового социума белорусов с привлечением огромного потенциала высшего образования и науки.

В основе данных констатаций лежало уже прежде закрепленное убеждение и его реальные воплощения, что только глубокое, профессиональное во всех измерениях интеллектуальное наполнение как жизни общественно-политической, так и научно-образовательной в конечном итоге позволит наконец-то сформировать и новое государство на многострадальной земле, и новый «рассадник» высших знаний. Эту неразрывность, казалось бы, двух несопоставимых по масштабности и предназначению

Яновский О. А., 2018

Яновский Олег Антонович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Белорусского государственного университета, заслуженный работник Белорусского государственного университета. helgoleg@mail.ru

субъектов цивилизационного состояния изначально, то есть с момента победы Октябрьской революции, понимали те, кого ныне в Беларуси чтут как основателей белорусской государственности и научно-образовательных институций.

Сегодня в Беларуси как само собой разумеющееся, по привычке, не задумываясь, произносят и полное название ее первого университета, и его аббревиатуру — Белорусский государственный университет, БГУ. Не задумываясь, что это «Белорусский» и что это «Государственный» университет. В теперь уже далекие начальные 1920-е гг. все три слова этого названия писались с большой буквы, и с естественным, осознанным пиететом велась на всех уровнях, всеми, кто хоть в малейшей степени был причастен к нему, пропаганда его Идеи и Смысла, его предназначения.

Тем более печально, что сегодня, в условиях углубляющегося ниспровержения многих прежних интеллектуальных приоритетов, подкрепляемого «кликерной» вседоступностью как бросовой, так и научно-образовательной информации, настоящее содержание этих Идеи и Смысла первого университета Беларуси уже мало для кого значимо и даже понятно. А во многом и безразлично — от рядового гражданина до властных инстанций. Это при том, что рейтинги качественной состоятельности БГУ в мировом университетском сообществе несравнимо высокие, если брать во внимание иные в более чем 50 высших учебных заведениях страны. В массовом сознании Белорусский государственный университет неуклонно превращается в рядовую образовательно-научную институцию среди прочих подобного рода. В этом, конечно, можно видеть тяжелое наследие интернационализации всех сторон жизни советских республик, приведшее к девальвации собственно национального (хотя и под громохание лозунгов о гармоничном сочетании и того, и другого). Но следует также понимать, что без корпоративной консолидации и отстаивания общих университетских интересов в современном мире сложно быть Первым. Первым не только по праву историческому, но именно постоянно подкрепляя всеми составляющими своей деятельности это первенство в нарастающей конкурентной среде. В том числе и среде внутренней, а не только на большой мировой арене.

Поучительно обращение к примерам прошлых лет, когда и коллектив интеллектуалов БГУ, и государственные лидеры различных политических пристрастий, обладавшие достойным образовательным уровнем, были солидарны в продвижении по всем направлениям понимания исключительной важности многообразной деятельности в полной мере «своего» для граждан Беларуси университета. Ключевой парадигмой в его восприятии являлась неразрывная связь между выстраиванием государства и квалифицированным, научным сопровождением политической, экономической, культурной государственной политики, более того — непосредственное участие в выработке главных концептов этой политики.

Вот почему, вновь обращаясь к терминологии, в словах «Белорусский» и «Государственный» изначально был заложен глобальный смысл создания с помощью интеллектуального общества наконец-то своего белорусского государства. При том, что сам университет, миссия которого определялась столь значимо и многовекторно, должен был создаваться с нулевых организационных, финансово-материальных, кадровых и прочих позиций. Попросту говоря — на белорусской земле, очерченной весьма ужатыми границами новой советской государственности, с XVI в. не было ни университета, ни иной формы получения высшего образования.

Беларусь, а точнее доминирующая территория Великого княжества Литовского расчлененной Речи Посполитой, ставшая после ее включения в состав России «Северо-Западным краем» империи, оказалась в сфере новой государственной системы, в том числе ее образовательной составляющей. «Новоприсоединенные» территории не вызвали доверия царского правительства, которое хорошо понимало силу воздействия на молодых людей образования высшего уровня: оно раскрепощает внутренний мир человека, развивает аналитические, интеллектуальные способности, что усиливает стремление к свободе самовыражения, к неприятию насилия в любых формах. Но главное — способствует побуждению вести борьбу за свободу личную и общественную.

Допустить формирование студенчества как специфичной социальной данности в проблемном во всех отношениях регионе, наполненном устремлениями к возрождению разрушенной

государственности, не могло входить в планы Петербурга. Интеллектуализация населения, мягко говоря, нетрадиционно присоединенного к противоречивой громаде российской государственности, могла привести к непредсказуемым последствиям. События антиросийских восстаний 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. тому были яркими примерами, и не удивительно, что хорошо известный в Европе Виленский университет уже в 1832 г. был уничтожен в условиях подавления первого масштабного восстания на белорусских землях. Варшавский университет, к которому стремилась молодежь из Беларуси, российские власти также закрыли. Правда, несколько позднее указом Александра II от 8 июня 1869 г. он был воссоздан и приобрел статус «императорского», «русского», а значит — особо контролируемого на предмет лояльности. Восстание же первой половины 1860-х гг. привело к закрытию Горы-Горещкого земледельческого института.

Тем не менее, время требовало людей образованных, специалистов нового уровня знаний, новой ментальности. Поэтому в конце XIX в. российское правительство вынуждено было всё чаще обращаться к вопросам просвещения и науки, обсуждать планы создания новых учебных заведений, в том числе университетов. К этому подталкивали запросы с мест, от губернских и городских властей. Например, витебское дворянство поднимало вопрос о необходимости открытия университета в белорусских губерниях. Но даже обращение к царю со стороны министра народного просвещения на этот счет осталось без внимания. В начале XX в. решить положительно наболевший вопрос не удалось, хотя местные власти убедительно заверяли, что университет станет «прочным оплотом русского начала против иноплеменного влияния» и «правадніком расійскае грамадзкасьці і расійскае палітыкі»².

Однако царские власти побоялись пойти на создание университета в «Северо-Западном крае», прежде всего, из-за возможности разбудить здесь через студентов заглушенные рецидивы национально-политической борьбы. К этому выводу пришла в 1906—1907 гг. специальная комиссия Министерства народного просвещения. Попытки со стороны властей Смоленска, Минска, Витебска убедить в том, что университет станет

«могучим рассадником русской культуры на Белоруссию», в который раз были отвергнуты³.

И только события 1917 г. способствовали революционным решениям, в том числе и в части очевидной для большинства перспективно мыслящих белорусов проблемы. Уже между февралем и октябрём ее актуализировали, хотя и без конкретики действий. Так, в марте 1917 г. на съезде белорусских партий и организаций было лишь заявлено о необходимости при первой возможности открыть в Беларуси высшее учебное заведение. Но не более того.

В первых постоктябрьских условиях в советской Беларуси университет должен был сыграть роль не только интеллектуального, образовательного, многопрофессионального центра, но одновременно центра выработки важнейших концептуальных идей политического свойства. Университет виделся и «рассадником» знаний, и выразителем интересов национального государства, очертания которого вполне реально стали проявляться в обстановке ниспровержения старого режима власти, и мощнейшей скрепой обновляемого социума с его древней историей, культурой, традиционными и модерными устоями экономики.

Первое осмысление идеи и необходимых действий по созданию именно «Белорусского университета» сфокусировалось в процессе подготовки и проведения Всебелорусского съезда в первой половине декабря 1917 г. Этот съезд, призванный решить коренной вопрос — быть или не быть белорусской государственности, а если быть, то в какой форме, — естественным образом рассмотрел и пути создания Белорусского университета как органичной составляющей будущего политического, экономического, культурного развития нового государства. На обсуждение был вынесен университетский проект, подготовленный академиком Е. Ф. Карским. Делегаты съезда овациями встречали ученого, более чем тысячей голосов приветствуя его: «Да здравствует профессор Белорусского университета!»⁴

В это время профессор-историк М. В. Довнар-Запольский также готовил к рассмотрению свой вариант структуры и учебно-методического наполнения будущего университета. Оба являлись уроженцами соответственно западной и восточной частей Беларуси, оба в дореволюционные годы состоялись как выдающиеся

ученые и организаторы высшей школы Российской империи. Их богатейший научный и административный опыт был абсолютно востребован в разрешении проблемы. Однако дальше заслушивания интеллектуальных пропозиций дело не пошло, так как съезд был грубо разогнан большевиками. В скором времени Е. Ф. Карский, российский академик и бывший ректор Императорского Варшавского университета, подготовил проект устава Белорусского университета для публичного обозрения⁵.

Следующий шаг к университету сделало правительство Белорусской Народной Республики (БНР). Эта впервые декларированная белорусская государственность через Народный секретариат, как воплощение власти, в первые месяцы 1918 г. взяла под свой контроль и организационное сопровождение разработки университетского проекта. Первый народный секретарь просвещения в правительстве провозглашенной в марте 1918 г. БНР А. А. Смолич (в последующем профессор-географ БГУ) инициировал создание в апреле 1918 г. подготовительной комиссии для открытия в Минске Белорусского университета⁶. В состав комиссии вошли многие из тех, кто уже горячо агитировал за эту идею во время революционных событий 1917 г., — сам А. А. Смолич, названные выше Е. Ф. Карский, М. В. Довнар-Запольский и др. Продолжилась «доводка» предложений Е. Ф. Карского, а М. В. Довнар-Запольский 10 мая 1918 г. вынес на обсуждение свой проект существенных параметров Белорусского университета.

Среди 19 пунктов как пространно, так и лапидарно обозначенных вопросов-предложений он, прежде всего, указал на необходимость выяснить, насколько земства и города заинтересованы в университете и «могут ли его субсидировать». Как опытный организатор российской высшей школы, профессор предложил руководству БНР ориентироваться на создание шести факультетов (историко-филологического, физико-математического, юридического, коммерческо-экономического, медицинского и богословского) и особо отметил, что при создании историко-филологического факультета, несмотря на скудость средств, придется «допустить на нем известного рода роскошь преподавания» — организовать кафедры белорусские, польские и литовские, что обусловлено «национальным характером

университета». Характерно, если «для практического осуществления проекта» университета предлагалось сформировать комитет «из своих коллег» и обязательно «снестись по всем вопросам с профессорами-белорусами: Завитневичем, Карским, Лаппо, Жуковичем и др.», то языком преподавания историк-белорус определял русский «с допущением в известных случаях польского»⁷.

Однако в условиях немецкой оккупации все усилия создать университет были тщетными, также неудачей окончились и попытки закрепления внутренних и внешних позиций Белорусской Народной Республики. В сложившейся политико-военной ситуации, когда значительная часть белорусских территорий была оккупирована кайзеровской Германией, когда правительство БНР не воспринималось взявшими власть в свои руки большевиками, расчеты на реализацию университетских планов снова оказались призрачными. Не мог реализоваться и замысел большевиков 1918 г. о переводе в один из не занятых немцами городов (Витебск или Смоленск) Юрьевского университета. Усилиями Белорусского национального комиссариата в Витебске были организованы несколько лекций по белорусоведению (читали В. И. Пичета, М. В. Мелешко, П. П. Демидович), собравших не так уж много заинтересованных, а в Москве — как бы прообраз столь желанного университета — Белорусский народный университет. Но в реальности это были лишь некие курсы, а не настоящий университет. И были они в Москве, проработав лишь с 11 июля по 12 августа 1918 г.⁸

Тем не менее, весьма суматошная и разновекторная работа, в том числе и проведенная правительством БНР, не могла остаться без последствий. Большевикам при распоряжении властью необходимо было учитывать стремление народов бывшей Российской империи к реализации своих национальных задач, сохранению и обогащению национальных особенностей. Этому в полной мере соответствовала миссия университета. Вот только следовало удерживать процесс создания и последующую деятельность университетов в русле общих и особых установок, диктуемых из политического Центра, который воплощал Россию, точнее — уже Советскую Россию в ее быстро оформленном федеративном устройстве. В нем достаточно продолжительное

время подразумевалась и белорусская составляющая. Нельзя не отметить, что в российском федерализме видели Беларусь и многие фигуры из первого состава белорусского руководства (партийного, правительственного, Советов разных уровней).

Если определить этапы становления Белорусского и одновременно Государственного университета, то знаковым следует считать одно из первых постановлений Советской Социалистической Республики Беларусь — декрет от 25 февраля 1919 г. Им Центральный исполнительный комитет только-только (1 января 1919 г.) объявленной в Смоленске белорусской государственности наметил конкретные меры по созданию в Минске университета. Были выделены некоторые деньги и организована специальная Комиссия из семи человек при губернском (Минском) комиссариате народного образования под руководством Е. Ф. Карского. Для согласования в Москву выехал председатель ЦИК ССРБ А. Ф. Мясников. Его миссия заключалась в обосновании правомерности февральского декрета, и совершенно прагматично, но точно среди прочих аргументов перед российским Наркомпросом прозвучали «соображения экономического, технического и культурно-бытового характера»⁹.

Эти доказательства опровергнуть было сложно да и незачем. Важной проблемой являлся вопрос о приоритетности для западных губерний советской России (несмотря на провозглашение ССРБ!) университета в Смоленске или в Минске. Следовало также принять в расчет факт слияния советской Беларуси и советской Литвы в единую Социалистическую Советскую Республику Литвы и Беларуси с центром в Вильно. Партийное решение-«рекомендация» о создании этого политического двуумвирата состоялось 16 января 1919 г. в Москве. Затем руководство двух недавно провозглашенных республик без особых препирательств 27 февраля 1919 г. оформило полученную установку на совместном заседании ЦИК ССРБ и ЦИК ССРЛ. Тогда же центральное большевистское руководство «изъяло» у ССРБ в пользу РСФСР Витебскую и Могилёвскую губернии и белорусскую часть Смоленской губернии¹⁰.

Единый СНК и 16 совместных наркоматов, в том числе просвещения (его возглавил Ю. М. Лещинский), должны были теперь учитывать конкретику интересов исторически и географически

близких, но всё же весьма разных народов. Ожидать, что поляк-большевик Юлиан Лещинский проникнется идеей Белорусского университета, не приходилось¹¹. Приоритетность Виленского университета была неоспоримой — старейший в Восточной Европе университет образован в далеком 1579 г. по указу короля польского и великого князя литовского Стефана Батория, но в 1832 г. закрыт по указу императора Николая I. В условиях интервенции и Гражданской войны председатель СНК Литовско-Белорусской республики, литовец по факту рождения В. Мицкявичюс-Капсукас, ставя цель возродить Виленский университет, смог лишь инициировать открытие в Вильнюсе Трудового университета. Немногим ранее намерения воссоздания Вильнюсского университета под польской аурой и с пропольским содержанием также более походили на «политические игры», чем на реальные шаги по возрождению если не прежних интернационально-интеллектуальных основ этого уникального для всей Восточной Европы университета, то хотя бы по созданию нового университета — литовского¹². В ряду «университетских решений» правительства Литовско-Белорусской ССР можно назвать и политически мотивированное удаление в мае 1919 г. из Минского пединститута одного из самых продуктивных идеологов и инициаторов Белорусского университета — профессора Е. Ф. Карского. Его подвергли обыску и аресту, что вынудило академика обратиться к своим коллегам-ученым ходатайствовать о том, чтобы бдительные новые власти оставили его в покое, ибо он не занимается политической деятельностью¹³.

Но подобные действия и решения в тогдашних политических и военных условиях никоим образом не могли повлиять на уже запущенный процесс создания Белорусского университета. Он если и отошел на второе место у политиков, но в планах белорусской интеллигенции всё более конкретизировался. Прежде всего следовало разобраться с финансовыми возможностями как самой Москвы (оказание помощи, сопровождение проекта в различных плоскостях), так и местных бюджетов — Минска и Минской губернии (а это и были столь урезанные масштабы тогдашней Беларуси). Центральные органы власти, предоставляя широкие полномочия местному руководству, держали ситуацию под своим контролем. При Наркомпросе РСФСР

вслед за «Минской комиссией», сформированной почти сразу после издания февральского 1919 г. декрета ЦИК ССРБ, 22 марта 1919 г. была образована еще и комиссия «Московская».

Обе комиссии в течение весны 1919 г. разрабатывали учебные планы, подбирали научно-педагогические кадры, обсуждали структуру будущего университета. Без совместных активных и настойчивых действий решать большие и малые вопросы не представлялось возможным. Поэтому члены комиссий — известные ученые и педагоги стремились не столько руководствоваться политическими мотивами, но действовать в конструктивном, творческом направлении. После оккупации Минска польскими войсками летом 1919 г. Минская комиссия продолжала существовать, хотя занималась лишь обдумыванием вариантов продолжения своей работы в случае изменения политической обстановки. Комиссия же в Москве фактически распалась.

После освобождения Минска 11 июля 1920 г. частями Красной армии и повторного провозглашения ССРБ Минская комиссия вновь инициировала шаги к восстановлению работы по открытию университета (она продолжила свою деятельность при Минском губернском отделе народного образования). Об этом писал в «Докладной записке» народному комиссару просвещения ССРБ заместитель председателя комиссии Д. М. Мейчик (уроженец Беларуси, выпускник юридического факультета Московского университета)¹⁴. Будучи в солидных годах, Давид Маркович с искренним энтузиазмом в официальной бумаге эмоционально отметил: «Комиссия по организации Белорусского Государственного Университета, возобновив свою деятельность после ухода польских войск из гор. Минска в августе 1920 г., тотчас приняла целый ряд решительных мер к созданию в сердце Белоруссии Научного Центра, который служил бы средоточием культурных ценностей молодого народа»¹⁵. Но всем было понятно, что решения могли приниматься только в Москве. Тем более, что политически, а тем самым и юридически ССРБ всецело находилась в подчинении РСФСР. Безусловной данностью была и полная финансовая зависимость от России советской вообще и в том числе в части университетского проекта.

Поскольку реальные возможности для его реализации находились в Москве, небезосновательным выглядело желание

вновь подтвердить решение о продолжении подготовительных мероприятий. Показательна в этом отношении командировка в августе 1920 г. в Москву делегации членов Минской комиссии, состоявшей из достаточно разных людей, которых объединил Белорусский университет (Е. Ф. Карский, Л. Б. Слепян, С. Д. Каминский, Н. К. Ярошевич). О каждом из них можно рассказать многое. Разным был их путь к университету, разной оказалась и последующая судьба. Например, Никанор Казимирович Ярошевич во время польской оккупации возглавлял Минскую губернскую земскую управу, тяготел к правым эсерам и по убеждениям был федералистом и приверженцем теснейших связей с РСФСР. В скором времени после приезда из Москвы он в ноябре 1920 г. станет заведующим Минским политехникумом и будет предпринимать попытки превратить его в Белорусский государственный политехнический институт. Но уже в марте 1921 г. последует арест ЧК ССРБ за якобы антисоветскую деятельность, а в начале 1923 г. высылка в Ташкент¹⁶.

Делегация из Минска предполагала в «высоких властных кабинетах» договориться о восстановлении работы Московской комиссии, согласовать перечень факультетов, обсудить вопросы привлечения к работе в БГУ профессоров и преподавателей из РСФСР, просить оказать финансово-материальную поддержку и др., поэтому поездка в Москву растянулась на целую неделю (11—18 августа 1920 г.). Главное было удостовериться в позиции российских властей по факту «декретирования открытия» БГУ.

Правда, оказалось, что чиновники Наркомпроса РСФСР были и более демократичны, и более безразличны к проблемам своих белорусских коллег, чем это виделось из Минска. Во время приема 11 августа 1920 г. белорусской делегации заведующим отделом высших школ наркомата просвещения Советской России В. Т. Тер-Оганезовым на просьбу уточнить юридический статус задуманного университетского проекта был дан совсем конкретный ответ: «Вопрос о декрете, ввиду объявления независимости Белоруссии и сохранения фактической связи ее с Россией, может быть решен так же, как относительно Туркестанского университета». Как именно, не было уточнено Вартаном Тиграновичем (по крайней мере, не удалось выявить документально подтверждаемые комментарии армянского по происхождению, грузинского

по месту рождения, астронома по научным увлечениям важного российско-советского чиновника, назначенного одним из главных сопроводителей проекта Белорусского университета). Через несколько дней (14 августа 1920 г.) на аудиенции у заместителя наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровского русский историк и одновременно революционер-большевик официально констатировал, что Москва согласна с идеей открытия университета в Минске, но должны быть продемонстрированы возможности «местных сил». Тем более, что «декрет об учреждении университета был в прошлом году опубликован в нормальном законодательном порядке», и это является юридическим основанием для того, чтобы вопрос об университете мог «двигаться местной властью»¹⁷.

Следует отметить, что среди членов белорусской делегации не было единства даже по принципиальным вопросам — что же необходимо предпринять, чтобы университет состоялся, и каковым он должен быть по своей структуре и направлениям деятельности. Более того, Л. Б. Слепян накануне поездки в Москву написал семистраничное обоснование с однозначным по смыслу названием «К вопросу об учреждении Университета в Минске». Но в нем он, пространно обозначив все «за» и «против», объективно оценив колоссальные проблемы финансового, кадрового и даже ментального характера, вышел с предложением оставить на время идею университета и заняться укреплением позиций уже имеющегося пединститута, который пока не обрел статуса высшего учебного заведения. Тем не менее, секретарь Минской комиссии поддерживал идею Белорусского университета и исходил не из его «обычного вида» — «научный и научно-учебный центр области», но видел в нем полноценный «научный центр», «живой научный круг», так как «жизнь выдвигает потребность в интеллигентных работниках не узкой практической специальности, но с более широкой научной подготовкой...»¹⁸. Уже вскоре Л. Б. Слепян поставил свою подпись в полномесном обосновании скорейшего открытия в Минске университета.

Это обоснование, в развитие прежних, было дано в «Докладной записке для Московской Комиссии по открытию Государственного Университета в городе Минске». Не вдаваясь в конкретику искренних и убедительных предложений и пояснений

минчан своим московским коллегам, обратим внимание лишь на то, как сложно давалась белорусским интеллектуалам, возвращенным и образованным в условиях Российской империи, осознание приоритетности нового политического положения, в котором с начала 1919 г. пребывала хотя и небольшая, но всё же центральная часть этнических белорусских территорий. В записке указывалось, что «из всех областей Российской Республики Белоруссия с населением до 15 миллионов человек (в том числе до 10 миллионов белорусов) не имеет до сих пор ни одного Высшего Учебного Заведения», что «Белоруссия одна из самых обездоленных областей России во всех отношениях». Хотя насчет миссии университета — в политическом, социальном, образовательно-культурном предназначении сомнений не было: «Задача Правительства развить производительные силы страны, просветив народ и учредив такие центры, около которых сгруппировались бы все работники на указанных поприщах, а это может дать только Университет...»¹⁹

Белорусская делегация, удовлетворенная ответами, констатировала результаты своей поездки тем, что смогла прояснить «юридическое положение вопроса о декретировании открытия Университета в Минске».

Опустив детали весьма сложной и противоречивой деятельности двух комиссий по учреждению Белорусского университета, оставив без подробностей политические и военные обстоятельства, в которых более года находилась провозглашенная белорусская советская государственность (оккупации кайзеровскими, а затем польскими войсками значительной части территории), следует акцентировать внимание на значимости личностного фактора. Он, в многообразии проявлений, и позволил в конце концов состояться Белорусскому университету в его государственной принадлежности и национальном предназначении. Приходится отмечать, что чуть ли не каждый — будь то политик или ученый-интеллектуал, белорус или революционными вихрями унесенный в малознакомую Беларусь русский, украинец, еврей, поляк, латыш и т. д., — все они внесли свою достойную лепту в дело создания «с чистого листа» классического университета в Беларуси и для белорусов.

Многочисленные факты говорят о том, что реальная помощь исходила от тогдашних российских ученых с мировым именем — К. А. Тимирязева, Д. М. Прянишникова, А. Ф. Фортунатова и др. В конце 1920 г. 12 ученых из Москвы (историк В. И. Пичета, химик А. М. Беркенгейм (старший брат Б. М. Беркенгейма), зоолог Н. М. Кулагин, этнограф Н. А. Янчук, медики Л. С. Минор и М. Б. Кроль и др.) приехали в Минск, чтобы на месте завершить подготовительные работы и обеспечить открытие университета. На четырех совместных заседаниях двух комиссий, прошедших 28—30 декабря 1920 г. и 3 января 1921 г., были выработаны первоочередные предложения поэтапных действий для открытия в «особой в культурном и бытовом отношении области» своего университета²⁰. Однако опыт собравшихся мог быть реализован лишь в условиях проявления инициативного понимания местных политических и интеллектуальных сил. В данном случае непреходящая роль принадлежит фактическому главе государства А. Г. Червякову, наркому просвещения и профессору БГУ В. М. Игнатовскому, партийному лидеру и также профессору БГУ В. Г. Кнорину и др. Этот властно-интеллектуальный сплав и позволил состояться Белорусскому Государственному Университету.

Совместным решением Минской и Московской комиссий 7 марта 1921 г. было создано Временное правление БГУ, которое в составе В. И. Пичеты, Ф. Ф. Турука и З. Г. Гринберга начало свою деятельность 16 марта 1921 г. Уже 18 апреля 1921 г. специальным постановлением Президиума ЦИК ССРБ был официально утвержден список зданий, земель и инвентаря, которые переходили в пользование университета.

Молодая республика в те годы остро нуждалась в высококвалифицированных кадрах: врачах, учителях, экономистах, юристах. Именно на их подготовку и был сделан упор. Учитывая общий не очень высокий образовательный уровень тех, кто намеревался учиться в БГУ, как и во многих иных университетах советской России был предусмотрен особый рабочий факультет для подготовки рабоче-крестьянской молодежи к учебе по университетским специальностям. В специальную комиссию по созданию рабфака вошли представители центральных органов партии

и правительства (В. Г. Кнорин, зам. наркома просвещения и впоследствии ректор БГУ И. П. Корневский и др.).

Коллегия Наркомпроса ССРБ 8 июля 1921 г. официально назначила руководство БГУ — Правление, которое возглавил ректор, выдающийся историк В. И. Пичета. Торжественное открытие БГУ прошло в годовщину освобождения Минска от польской оккупации — 11 июля 1921 г. В здании Минского городского театра собрались члены правительства белорусской республики, представители общественности, ученые, подготовившие открытие университета в составе пока всего лишь медицинского факультета, факультета общественных наук и рабфака.

На заседании Совета ФОН 16 октября 1921 г. было принято решение определить 30 октября днем начала учебного года. Открытие занятий в БГУ в торжественной обстановке провели в полдень этого октябрьского дня. И вновь столь знаковое событие собрало всех первых профессоров (около 15), преподавателей (около 50), студентов (около 1300), а также представителей партийно-государственного руководства республики. После выступлений официальных лиц и оглашения приветственных телеграмм от университетов и научных учреждений России и Украины, с докладом, констатирующим проделанную работу и определяющим первоочередные задачи, выступил ректор В. И. Пичета. На следующий день профессор-москвич Д. П. Кончаловский прочитал первую лекцию²¹.

Долгожданная мечта о создании Белорусского университета, к которой, преодолевая военное лихолетье, разруху, национальное унижение, так настойчиво шли представители различных социальных слоев, политических партий и движений, ратовавших за общественный и цивилизационный прогресс в Беларуси, воплотилась в жизнь. Всеми осознавался непреложный факт — общими усилиями был возведен не только «храм науки», но и один из столпов белорусской государственности — Белорусский государственный университет.

Характерно, что в первые годы его деятельности неременной учебной дисциплиной стала в различных смысловых модификациях тема «История образования» — в целом и в частности на белорусских землях. Даже в день торжественного открытия занятий в университете одним из двух научных докладов, произнесенных

перед собравшимися, был доклад (вскоре опубликованный в виде научной статьи) профессора-педагога И. М. Соловьева «Школа и задачи научной педагогики». В нем ученый акцентировал внимание на непреложном тезисе, что «только объединение, близость и связь наук дают истинное знание», и поэтому «школа по самому смыслу своему является лабораторией первого научного труда своих питомцев»²². Он, как и его коллеги-гуманитарии, затем читал общие и специальные курсы по различным сюжетам истории образования. Например, профессор-историк А. А. Савич знакомил университетских гуманитариев с особенностями, этапами светского и церковного образования на белорусских и украинских землях в XVI—XVII вв. Студентам еврейской секции педфака преподаватель Г. С. Александров читал курс «История еврейского народного просвещения и современная система просвещения БССР и СССР»²³.

Сразу после открытия БГУ один из его активнейших организаторов, Ф. Ф. Турук, в первом номере научного журнала университета представил пространную «Университетскую летопись». В ней автор рассмотрел путь от закрытия в 1832 г. Виленского университета до открытия 30 октября 1921 г. Белорусского университета. Он, хотя и белорус по происхождению, тогда еще не смог усмотреть в первую очередь национальное, общественное и государственное предназначение того университета, к созданию которого приложил свою руку. Констатируя, что БГУ «является одним из самых молодых в семье русских университетов с некоторыми особыми чертами, обусловленными местными этнографическими и политическими условиями и историческими причинами жизни края», он был вынужден признать, что «вся работа по организации велась главным образом на средства, отпускаемые Наркомпросом РСФСР. Особых сумм на строительство университета не было, равно как и фонда “патриотического приношения”»²⁴.

Но более всех посвящал белорусскую общественность в исключительность предназначения Университета ректор БГУ В. И. Пичета. В 1920-е гг. он не раз выступал в республиканской прессе с публикациями о трудном пути, пройденном белорусами к своему Университету, о непреходящей роли интеллектуалов

и интеллигенции в жизни общества и государства, об очевидной значимости государственной поддержки и понимания значения высшего образования во всех сферах жизни социума²⁵. В 1928 г. в научном журнале университета В. И. Пичета опубликовал обобщенное научное исследование по истории становления на белорусских территориях именно высшей школы²⁶.

И в публикациях, и в научных работах, и в реальной деятельности первого поколения интеллектуалов советской Беларуси «красной нитью» проходила убежденность в том, что понятия «государство» и «университет» неразделимы в своих смысловых дефинициях и своем предназначении — служить интересам развития общества и каждого его члена, служить интересам как национальным, так и интернациональным. В данном случае ярким подтверждением и условием формирования подобной убежденности были этапы, пройденные Белорусским университетом в процессе своего становления: 1) от закрытия в 1832 г. Виленского университета до революционных бурь 1917 г.; 2) обсуждение проекта Университета наряду с проектами белорусской государственности на Всебелорусском съезде в декабре 1917 г.; 3) попытка глубокой проработки путей и возможностей реализации университетского проекта, наряду с архиактуальными политическими вопросами, правительством Белорусской Народной Республики весной — летом 1918 г.; 4) декретирование и реальные шаги по созданию условий организации деятельности Университета правительством ССРБ в феврале — марте 1919 г.; 5) проработка деталей университетского проекта членами Минской комиссии по созданию Университета в условиях польской оккупации летом 1919 г. — летом 1920 г.; 6) создание правительствами РСФСР и ССРБ полноценной материально-финансовой, кадровой, методической базы для начала работы Белорусского государственного университета летом 1920 г. — осенью 1921 г.; 7) 30 октября 1921 г. — торжественное открытие членами белорусского правительства, представителями белорусской общественности, университетской профессурой и преподавателями, интеллектуальной элитой Белорусской советской республики регулярных занятий в БГУ.

Примечания

- ¹ *Беркенгейм Б. М.* Секция научных работников // Першы выпуск Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту, 20 Лютага 1925 году. Витебск, 1925. С. 27.
- ² *Иванов А. Е.* География российских университетов: реальность и планы (конец XIX — начало XX века) // Российские университеты в XVIII—XX веках : сб. науч. ст. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 89—90 ; *Пічэта У. І.* Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым. Мінск, 1991. С. 30, 34.
- ³ *Иванов А. Е.* Указ. соч. С. 97.
- ⁴ Стэнаграма першага Усебеларускага з’езда // Беларуская Народная Рэспубліка — крок да незалежнасці : да 100-годдзя абвясчэння : гістарычны нарыс / *А. А. Каваленя* [і інш.]. Мінск, 2018. С. 49.
- ⁵ *Турук Ф.* Университетская летопись // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 1. С. 180.
- ⁶ *Ходин С. Н.* Аркадий Антонович Смолич // Интеллектуальная элита Беларуси : основоположники белорусской науки и высшего образования (1919—1941) / науч. ред. *О. А. Яновский*. Минск, 2017. С. 295.
- ⁷ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 15 об. ; *Доўнар-Запольскі М.* Выбранае / укладанне, прадмова *В. Лебедзевай*. Мінск, 2017. С. 565—568.
- ⁸ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об., 88, 95 об.
- ⁹ *Яноўскі А. А.* Беларускі унівэрсітэт: ад ідэі да ўвасаблення // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага унівэрсітэту. Мінск, 2001. Т. 2. С. 11.
- ¹⁰ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. / *А. А. Каваленя* [і інш.]. Мінск, 2011. Кн. 1. С. 405 ; Літоўска-Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1997. Т. 4. С. 382—383.
- ¹¹ Там же. С. 350.
- ¹² *Кудаба Ч.* Годы возрождения и расцвета // Вильнюсскому университету — 400 лет. Вильнюс, 1979. С. 28 ; Political Games about the Restoration of the University // *Bumblauskas A.* [etc.]. Uneversitas Vilnensis. Vilnius, 2004. P. 42—43.
- ¹³ *Шишкина К.* Хроника деятельности Е. Ф. Карского в Петербургской Академии наук : протоколы заседаний Общего собрания и отделений из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2016. Вып. 31. С. 31.

- ¹⁴ *Сидляревский Л. Д.* Мейчик. Некролог // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 2—3. С. 365—366.
- ¹⁵ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ¹⁶ *Кукса А. Н.* Н. К. Ярошевич — первый ректор Белорусского государственного политехнического института. Минск, 2011. С. 32, 41, 48, 64.
- ¹⁷ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 17—22; Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921—1941 / склад.: *С. М. Ходзін і др.* Мінск, 2006. С. 54, 57.
- ¹⁸ НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 13.
- ²¹ *Вальфсон С. Я.* Адрыўкі з успамінаў і думкі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 1921—1927: да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 54.
- ²² *Соловьев И. М.* Школа и задачи научной педагогики // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 1. С. 72.
- ²³ Агляд выкладання на пэдагогічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту у 1927—28 ак. г. Менск, 1927. С. 35.
- ²⁴ *Турук Ф.* Указ. соч. С. 175, 207.
- ²⁵ *Пічэта В.* Интеллигенция и Октябрьская революция // Звезда. 1922. 7 нояб.; *Пічэта У.* Наш першы выпуск // Савецкая Беларусь. 1925. 20 лют.; *Пічэта У.* Беларускае адраджэньне XVI веку і сучаснае беларускае нацыянальна-культурнае адраджэньне // Савецкая Беларусь. 1925. 4—12 жніўня; *Пічэта У.* Юбілей Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту // Маладняк. 1926. № 7—8. С. 166—171; *Пічэта У.* Юбілей Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту — сьвята працоўных мас // Савецкая Беларусь. 1926. 5 снеж.; *Пічэта У.* Савецкая ўлада і пытаньне аб адчыненні ўніверсітэту на Беларусі // Савецкае будаўніцтва. 1928. № 6. С. 137—144; *Пічэта У.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт і Кастрычнік // Савецкая Беларусь. 1928. 7 ліст.
- ²⁶ *Пічэта У.* Пытаньне аб вышэйшай школе Беларусі ў мінулым // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1928. № 19. С. 3—19.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК 63.3(2)535-283.2

Ф. Х. Соколова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ, 1914—1918 гг.

Революционные процессы 1917 года проявили себя на глобальном, национальном, региональном, локальном уровнях и оказали существенное влияние на ход развития мира, страны, судеб конкретных людей. Даже по прошествии 100 лет этот сложный многогранный социальный феномен продолжает тревожить умы общественных деятелей и исследователей в плане осмысления его причин, предпосылок, истоков, оценки итогов и последствий. В канун столетнего юбилея активизировались попытки нового прочтения революционных процессов 1917 года через призму жизненного опыта, приобретенного в период кардинальных трансформаций 1980—90-х годов в России.

Массив современных публикаций по обозначенной теме огромен и представляет широкую палитру концептуальных подходов, взглядов и мнений в интерпретации февральских

© Соколова Ф. Х., 2018

Соколова Флера Харисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. f.sokolova@narfu.ru

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917—1918 гг.»).

и октябрьских событий 1917 года, их причин, степени объективной обусловленности и последствий¹. Однако в осмыслении места и роли интеллигенции, ее политической позиции и поведения в период от Февраля к Октябрю 1917 года на протяжении многих десятилетий преобладают негативные коннотации. Сторонники веховской интерпретации интеллигенции и их последователи 1990-х годов возлагают ответственность за разжигание революционной стихии на интеллигенцию социал-демократического толка, которая якобы не позволила утвердиться в стране либеральным ценностям. В настоящее время акценты сместились в противоположную сторону, обвинения посыпались в адрес либеральной интеллигенции, которая, оказывается, организовала свержение самодержавия без объективных на то оснований², тогда как большевистским политическим лидерам присваивается заслуга в спасении территориальной целостности и независимости страны.

Вне всякого сомнения, не без участия российской интеллигенции и, в частности, ее политизированной части революционные процессы 1917 года приняли столь масштабный характер и в конечном итоге имели следствием кровопролитную гражданскую войну. Интеллигенция с ее способностью к аккумулярованию социального опыта, теоретическому осмыслению действительности, выявлению противоречий и несоответствий, прогнозированию, выступала идеологом и лидером политических партий, конструировала новые модели социального устройства, воздействовала на общественное сознание, вовлекая народ под свои политические знамена.

Вместе с тем вряд ли следует абсолютизировать политическую составляющую в деятельности интеллигенции. Интеллигенция не мессия и не может выполнять божественную функцию духовно-нравственного эталона общества, как пытаются ее представить сторонники народнической интерпретации интеллигенции³. Равно как отнюдь не вся и даже не большинство интеллигенции могут быть отнесены к профессиональным революционерам, «объявляющим миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные материальные нужды», как ее пытаются представить сторонники веховской традиции⁴. Заметим, что на Европейском Севере России

политически активное ядро интеллигенции в 1917 году не превышало 200—300 человек, это чуть более 3 % от общей численности работников интеллектуального труда.

Интеллигенция — это социальная группа, профессионально занимающаяся интеллектуальным трудом и выполняющая общественно-значимую функцию в сфере сохранения, создания и трансляции культуры в широком смысле этого слова. Интеллигенция — объект и субъект социальной реальности, носитель духа и материи, связей и ценностей, одновременно продукт и создатель культуры своего народа, ее сущностной чертой является профессиональная, образовательная, интеллектуально-творческая, духовно-нравственная, социальная, идейно-политическая и мировоззренческая разнородность⁵. В данном контексте интеллигенция страны проявляла себя чрезвычайно многообразно в революционных процессах 1917 года.

Следует также признать, что столичная либерально-радикальная интеллигенция внесла существенный вклад в низложение существующего режима, а ее провинциальные группы различными пасквилями и критикой в адрес императора расшатывали устои святости власти в общественном сознании, что обусловило относительно спокойное отношение к свержению самодержавия на местах. Вместе с тем восприятие революции региональными и локальными сообществами, отношение к ней интеллигенции политизированной и далекой от нее, столицы и регионов, города и села, даже отдельных населенных пунктов имело множество проявлений, что было обусловлено комплексом факторов: местом и ролью регионов в жизни страны (в том числе обеспечением геополитических преимуществ страны), спецификой экономического и культурного развития региона, социального состава населения, сложившихся стереотипов мышления и мировосприятия. Соответственно реконструкция достоверной панорамы событий 1917 года и выявление места и роли интеллигенции в этих процессах требует изучения проблемы на макро-, мезо- и микроуровнях.

В свете вышесказанного попытаемся представить динамику взглядов и линии поведения интеллигенции Европейского Севера в революционных процессах 1917 года, где власть Советов смогла утвердиться на короткое время лишь к маю — июню 1918 года.

Уже с августа 1918 года по март 1920 года регион оказался расколот на два противоборствующих лагеря: «Красный Север» (часть Архангельской, Вологодская и Северо-Двинская губернии) и «Белый Север» (северные уезды Архангельской губернии, включая Мурманский край).

В начале XX века Европейский Север России представлял отдаленную провинцию страны, которая воспринималась многими общественными деятелями как край «доски, тоски и трески» и была привлекательна центру лишь в качестве места высылки политически неблагонадежного элемента. Но с другой стороны — это приграничный регион, имевший контакты с зарубежными странами начиная с XVI века. Игравший важную роль в XVI—XVII веках как единственный морской торговый порт страны, он утрачивает былую значимость с основанием Петербурга, однако налаженные веками торговые и экономические связи с зарубежными странами хотя и в усеченных масштабах продолжали сохраняться. 88 % населения проживало в сельских районах, большинство из которых были труднодоступны в силу неразвитости путей сообщения. Однако среди населения региона, не знавшего крепостного права, активно занимавшегося торгово-промышленной деятельностью, что предопределялось неблагоприятными климатическими условиями для земледелия, были сильны демократические установки⁶.

Удельный вес интеллигенции к 1917 году не превышал 0,4 % в Вологодской и 0,7 % в Архангельской губерниях, это в два раза меньше, чем в среднем по России⁷. Лишь в губернских центрах концентрация была в два раза выше. Сельская интеллигенция: священнослужители, учителя и фельдшеры — преимущественно выходцы из крестьянской среды, имели образование на уровне низших и средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. В противоположность им городская интеллигенция на 25 % была представлена выходцами из других слоев общества и имела более высокий уровень образования⁸. Ее мировоззренческие установки развивались в условиях контактов с представителями зарубежных стран и политических ссыльных.

Для Европейского Севера России была характерна слабая политизация регионального социума, отсутствовал ярко выраженный антагонизм с властью. Сводки об общественных настроениях фиксировали лишь единичные проявления недовольства

существующим политическим режимом. Так, в фонде Архангельского губернского жандармского управления сохранились сведения о том, что некоторые педагоги гимназий в беседах с учениками негативно отзываются о русском государе, «сравнивают Россию с Европейскими государствами, отдавая предпочтение последним»⁹. В целом необходимость реформирования существующей политической системы осознавалась преимущественно городской интеллигенцией, но не в качестве самоцели, а лишь как серьезное препятствие на пути социально-экономической и культурной модернизации региона по образцу европейских стран и возвращения былой значимости региона в государственной политике.

На волне первой русской революции в регионе создаются отделения партии кадетов и эсеров, но они были немногочисленны, что позволяло полицейским структурам жестко контролировать каждого члена и пресекать любые противогосударственные акции. Вскоре после 1907 года они приостановили свою деятельность¹⁰. Архивный фонд Архангельского губернского жандармского управления изобилует документами, которые свидетельствуют об осуществлении детального повседневного негласного контроля над лицами, замеченными в политической неблагонадежности. Свою лепту в выявление оппозиционеров нередко вносило местное население, прежде всего крестьяне, которые доносили на таких возмутителей спокойствия. Как отмечает Т. И. Трошина в своей монографии, в губернаторские канцелярии зачастую приходили прошения убрать за «антиправительственные разговоры» учителя, чиновника, иногда даже священника¹¹.

Процессы социально-профессиональной самоидентификации находились в зачаточном состоянии. Не увенчались успехом попытки политически активных учителей создать в регионе, особенно на уровне уездов, группу Всероссийского учительского союза, в уставе которого в числе прочих звучали политические требования. Материалы переписки региональных активистов с петербургскими членами Всероссийского учительского союза в 1912 году гласят, что «удалось организовать маленькую группу учащихся, желающих примкнуть к Союзу», группы учительского союза есть в Емецке, в Мезени, на Печоре, в Онеге и Холмогорах, но численность каждой из них не превышает 6—8 человек.

«Союз наш считаю мертвым», «не может даже собраться для суждения о текущих делах»¹².

Первая мировая война кардинально изменила место и роль Европейского Севера России в жизни страны. В связи с военными действиями в Черном и Балтийском морях возросла значимость Архангельска как единственной морской артерии страны, через него осуществлялись поставки военно-стратегических грузов из союзнических стран. Внимание к Северу проявляла и Германия, которая всячески стремилась ослабить позиции своего противника, в том числе на северных рубежах.

Некогда гомогенное пространство региона стало интенсивно пополняться выходцами из других стран и регионов: иностранные моряки, зарубежные представители торговых компаний, крупный контингент войск, немецкие военнопленные (в Вологодской губернии), беженцы из прифронтовой полосы, преимущественно из Прибалтики, рабочие, прибывшие в регион для осуществления погрузочно-разгрузочных работ. В отдаленный регион бежали притесняемые в центре евреи, скрывались дезертиры. Под видом представителей Красного Креста, обслуживающего персонала, работников железной дороги в край проникали немецкие шпионы.

В губерниях, живших на привозном хлебе, из-за перегруженности транспортных сетей военными поставками уже в 1915 году разразился продовольственный кризис, что обусловило рост цен на них. С декабря 1916 года начались задержки заработной платы, стали обостряться социальные противоречия, которые были обусловлены возросшей имущественной дифференциацией регионального социума. Всё явственнее звучали голоса, что предприниматели наживаются, искусственно завышая цены на товары первой необходимости и поставки товаров военного значения. Среди общественности Архангельска активно будировалась тема, что на военных поставках «Данишевский заработал чистоганом полмиллиона, Шмидт — 300 тыс. руб., а Мартенс — 15 млн руб.». По итогам официального расследования фиксировалось, что действительно «благодаря необорудованности Архангельского порта и неподготовленности его к принятию и отправке такого количества грузов, какое идет во время войны, казною тратятся колоссальные суммы на перевозку этих

грузов в самом районе порта и до железнодорожной станции, и конторы Данишевских, Мартенса и других наживают большие деньги особенно в зимний период»¹³.

Проявлялись натянутые отношения между русскими и лицами иностранного происхождения, несмотря на то что последние длительное время проживали в регионе и занимались предпринимательской деятельностью. С одной стороны, иностранцы, особенно немцы, нередко открыто выражали симпатии Германии, считая, что в конце концов она «победит Россию»¹⁴. С другой стороны, среди русских усилились антинемецкие настроения. В частности, группа граждан Архангельска планировала 7 июня 1915 года представить губернатору прошение с просьбой изгнать из города немцев по следующим соображениям: «В нашем городе, теперь единственном порте России, не должны находиться натурализованные немцы, их конторы и предприятия. Долой! Изгнать их. Мы боремся не с одним Вильгельмом, его шайкой и Германией. Мы боремся со всеми немцами. Изгнать их»¹⁵. Подобные акции могли быть продиктованы стремлением устранить экономических конкурентов, хотя они и были обоснованы. Так, по результатам дознания подтвердилось, архангельские немцы предупреждали торговые суда соотечественников, шедшие в Архангельск, о скором объявлении войны и помогали спешно покинуть порт недогруженным судам после ее объявления¹⁶.

Проявлялись признаки усталости от войны и отклики о ней в следующем ключе: «Всем надоела как горькая редька эта война или бойня, вернее всего бойня, а не война... лишения несет только простой народ, а состоятельный класс и миллионеры набивают себе карманы... на народ смотрят как на пушечное мясо. Где же наконец справедливость и наше право, как человека или гражданина свободной России»¹⁷.

С лета 1916 года на Европейском Севере стали нарастать революционные настроения. В сводках о происшествиях в губернии фиксировалось, что с «прибытием маршевых рот, в городе усилились признаки социалистической пропаганды»¹⁸. Обеспокоенность региональных органов управления вызвал приезд группы социал-демократов в составе транспортных рабочих из Прибалтики — М. С. Новова, О. И. Валюшиса,

Я. А. Тимме и др., которые в конце 1917 года инициировали создание большевистской организации в регионе¹⁹.

В целом на фоне военных тягот и под воздействием внешнего фактора энергетика социального напряжения в региональном обществе нарастала, однако февральские события 1917 года скорее явились для него неожиданными.

Среди части интеллигенции, особенно сельской, крах самодержавия вызвал растерянность и даже ошеломление. Священник Исакогорского района г. Архангельска Павел Ильинский так описывает состояние многих в эти дни: «Совершилось что-то такое совсем необычное, совершенно неожиданное. Может быть, люди, внимательно наблюдавшие общественную жизнь, ожидали этого, но для нас, захолустных жителей, для нас, воспитанных на идеях монархизма, святости и неприкосновенности царской власти, события, которые мы переживаем, явились громовым ударом, сразу выбили нас из обычной колеи жизни»²⁰.

Вместе с тем заявленные цели и намерения Временного правительства импонировали демократическим устремлениям регионального социума и его интеллигенции. В течение марта — апреля 1917 года все профессиональные группы как городской, так и сельской интеллигенции Европейского Севера выразили готовность работать «в соответствии с видами нового правительства». Архангельские учителя, приветствуя события февраля 1917 года, отмечали, что русский народ «сдал первый экзамен на право свободной человеческой жизни». Члены Архангельского общества изучения Русского Севера выражали надежду, что «наконец-то в России спадут многолетние путы, и на Севере зацветет ключом торгово-промышленная жизнь». Северное духовенство призвало народ к единению с Временным правительством²¹.

С новой властью связывались надежды на преодоление политического, экономического и культурного кризиса, вызванного Первой мировой войной. С крахом абсолютизма ассоциировалось ускорение темпов модернизации края, возрождение былого величия Севера как центра международной торговли. Февраль 1917 года давал надежду на совершенствование системы местного самоуправления, в частности на учреждение земских представительных органов, которые в силу малочисленности дворянского сословия не были созданы в Архангельской губернии.

На волне демократических лозунгов возрастает общественная активность интеллигенции. Она принимает участие в конструировании новых органов власти, вовлекается в деятельность и, как правило, возглавляет политические партии, общественные организации. В ее среде усиливается стремление к профессиональной самоорганизации. О возросшей активности интеллигенции свидетельствовали результаты выборов в земские и городские органы самоуправления, прошедших летом 1917 года. До 50 % состава губернских, 30—40 % уездных земских собраний северных губерний представляли работники интеллектуального труда. В волостных земствах 24 % гласных были учителями, духовенством, торговцами и хуторянами. В городских думах губернских центров представительство интеллигенции достигало 60—70 %²².

В течение 1917 года в регионе быстро растет численность профессиональных организаций, призванных защищать социально-экономические, культурные и правовые интересы различных общественных групп и слоев. Тенденция к профессиональной самоорганизации проявляется и среди интеллигенции. В апреле — мае 1917 года были учреждены Архангельское и Вологодское отделения Всероссийского учительского союза. Свой устав 1913 года подтвердило Архангельское общество врачей, 20 июля 1917 года объединились в союз врачи Вологодской губернии. В марте — апреле 1917 года чиновничество Севера учредило союзы служащих правительственных учреждений и служащих общественных, земских и городских учреждений. Начали функционировать Архангельское и Вологодское отделения Всероссийского союза ветеринарных врачей и фельдшеров. В Вологодской губернии самостоятельные организации оформили агрономы, землемеры, фармацевты, помощники врачей. В Архангельске открылись отделения Всероссийского союза юристов, инженеров и техников, лесоводов и лесных техников, технического персонала г. Архангельска и его районов, служащих лесопромышленных предприятий г. Архангельска и его районов. Вышеназванные профессиональные союзы объединили в своих рядах более 40 % региональной интеллигенции²³.

Весной — летом 1917 года на Европейском Севере активизируется деятельность губернских организаций партии кадетов,

эсеров и социал-демократов. К осени 1917 года некоторые из них имели свои отделения не только в губернских центрах, но и уездных городах, сельской местности²⁴. Их состав был представлен различными профессиональными группами интеллигенции. Среди кадетов, эсеров, социал-демократов встречаются и юристы, и инженеры, и врачи, и учителя, и специалисты сельского хозяйства²⁵. То есть политические предпочтения интеллигенции не были жестко детерминированы социальным происхождением, уровнем образования и профессиональной принадлежностью и определялись множеством факторов общественного, группового и личного свойства. Вместе с тем в крае с преобладающим составом сельского населения особой популярностью пользовались социалисты-революционеры. На выборах в Учредительное собрание за них отдали голоса более 56 % избирателей, против 40 % в среднем по России. В сельских местностях кандидаты от партии эсеров получили голоса 70—80 % избирателей. Программу социалистов-революционеров широко поддерживала значительная часть сельской интеллигенции²⁶. В эсеровском духе были приняты резолюции губернских учительских съездов, состоявшихся весной 1917 года. Архангельское губернское собрание союза духовенства 23 мая 1917 года большинством голосов поддержало эсеров и призывало сельское духовенство объяснять прихожанам «значимость Учредительного собрания для народной жизни, давать разъяснения по политическим вопросам». В составе новых властных структур, особенно земских собраний всех уровней, было много учителей, фельдшеров, агрономов, лесных специалистов, являвшихся членами партии социалистов-революционеров²⁷.

Влияние кадетов на население Европейского Севера было значительно выше, чем в среднем по России. На выборах в Учредительное собрание они получили 7,3 % голосов против 4,7 % в целом по России. Однако их поддерживало в основном городское население. Популярностью они пользовались среди врачей, юристов, педагогов средних общеобразовательных и профессиональных школ, инженеров. Кадетов поддерживали члены Архангельского и Вологодского обществ изучения Русского Севера, объединявшие весь цвет региональной интеллигенции²⁸.

Часть интеллигенции примкнула к меньшевикам, среди них: работники печатного труда, мастера и техники, часть городских учителей начальных школ, лесная стража, служащие речного и морского флота. На выборах в Учредительное собрание они получили 23,1 % голосов избирателей в Вологодской и 29,3 % голосов в Архангельской губерниях²⁹. Однако преимущество меньшевикам всё же отдавали рабочие, так как данная партия видела возможность союза с интеллигенцией лишь при условии осознания ими «целей и интересов рабочего класса»³⁰.

Практически до конца 1917 года влияние большевиков на Севере было несущественным. На выборах в Учредительное собрание за них проголосовали 15,4 % избирателей против 24 % в среднем по России. Незначительной была их численность и в Советах рабочих и солдатских депутатов. Фракция большевиков, созданная в сентябре 1917 года при Архангельском Совете, имела всего 17 из 400 депутатских мест. Часть интеллигенции Европейского Севера солидаризировалась с большевиками, но ее удельный вес в составе РСДРП (б) не превышал 3 % против 10 % в среднем по России³¹.

Несомненно, стремительный водоворот событий вовлекал в политическую орбиту даже тех, кто ранее был далек от нее. Однако политическая составляющая в деятельности интеллигенция региона была второстепенной, она отдавала предпочтение профессиональной, культурно-созидательной работе. Об этом свидетельствуют уставы региональных отделений профсоюзов, резолюции съездов и совещаний, представленные в местные органы самоуправления программы и предложения, где излагалось видение перспектив развития региона. Среди них конкретные проекты по эффективному использованию природных ресурсов, развитию промышленности и сельского хозяйства, совершенствованию транспортной системы, расширению социально-культурной инфраструктуры, улучшению медицинского обслуживания населения, которые легли в основу преобразований региона в 1920—30-х годах.

Октябрьские события в Петрограде, равно как и свержение самодержавия, застали региональное сообщество врасплох. Реакция на них явственно обнаружилась лишь в ноябре — декабре 1917 года и была преимущественно негативной. Захват власти

большевиками осудили практически все профессиональные группы городской и сельской интеллигенции. В принятых резолюциях отмечалось, что «большевики ведут страну к гибели, вызывая всюду братоубийственную бойню и разрушение культурных ценностей»³². Однако вплоть до разгона Учредительного собрания ситуация казалась обратимой, поэтому первое Архангельское губернское земское собрание, открывшееся 14 декабря 1917 года, в своей резолюции «Об организации власти в настоящий момент» постановило, что в условиях, когда «центральная власть парализована», «погибает свобода и страна», необходимо «впредь до образования власти Учредительным собранием, принять участие в конструировании власти в пределах Архангельской губернии... дабы не допустить дальнейшего развития анархии». Согласие с данным решением выразили практически все группы интеллигенции³³.

Советская власть на Европейском Севере утвердилась с большими трудностями и установилась лишь к концу мая — июню 1918 года. Это стало возможным во многом благодаря деятельности Советской ревизии во главе с М. С. Кедровым, которой были предоставлены широкие полномочия в «борьбе с контрреволюцией и за упрочение Советской власти». В Архангельской и Вологодской губерниях она работала в июне 1918 года. За это время были арестованы видные деятели всех оппозиционных партий и общественных организаций, в том числе и представители интеллигенции, открыто вставшие в оппозицию власти³⁴.

Большевикам также удалось внести раскол в региональное сообщество и декларативными обещаниями привлечь на свою сторону рабочих и сельское население. Они же развернули мощную антиинтеллигентскую пропаганду. Периодическая печать региона начала 1918 года пестрит тревожными сообщениями, что «деревня гонит учителя в шею, обвиняя его чуть ли не во всех смертных грехах», что среди народа звучат голоса: «сельская интеллигенция обманывала народ, извращала факты, переманивала его свою сторону... глаза крестьянам открыли солдаты»³⁵. Хотя следует признать, что отношение сельского населения региона к власти большевиков и интеллигенции в это время не отличалось устойчивостью и напрямую зависело от проводимой политики.

Как только начались реквизиции продовольствия и была объявлена обязательная мобилизация в Красную армию, в ряде северных уездов вспыхнули антисоветские вооруженные восстания, где крестьяне и интеллигенция выступали консолидированным фронтом. Крупнейшее из них состоялось в июле 1918 года в Шенкурске. В «Воззвании населению Шенкурского уезда» отмечалось: «Власть, назвавшая себя рабочей и крестьянской, нагло обманула народ. Вместо хлеба, мира и воли она дала измученному народу голод, братоубийственную бойню и вконец растоптала все свободы»³⁶.

Представляется, что исход событий был предрешен и позицией самой интеллигенции Европейского Севера России, которая стремилась дистанцироваться как от политики, так и от народа. В частности, видя свое предназначение в повышении культуры народа, она пыталась делать это не в гуще низов, а вне их. Под предлогом невмешательства в жизнь народа, интеллигенция отказалась от участия в деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сузив тем самым возможности для воздействия на общественное сознание. За исключением учителей сельских школ, фельдшеров, акушеров, фармацевтов от вхождения в состав Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов отказалась интеллигенция Вологодской губернии. Своих представителей в Архангельский Совет направили лишь Союз младших служащих, Союз техников, губернское общество помощников врачей³⁷.

По вышеназванным причинам региональная интеллигенция дистанцировалась от участия в деятельности губернских отделений Центрального бюро профсоюзов, куда отказались войти профессиональные союзы учителей, врачей и городских чиновников Вологодской губернии³⁸, все профессиональные группы интеллигенции Архангельской губернии, за исключением ветеринарно-фельдшерского общества. Интеллигенция Архангельской губернии консолидировалась вокруг регионального отделения Совета депутатов трудовой интеллигенции, созданного летом 1917 года³⁹.

Резюмируя, в целом следует отметить, что в революционную стихию 1917 года преобладающее большинство интеллигенции Европейского Севера России во многом вовлекалось помимо

своей воли. Как отмечалось ранее, удельный вес политизированной интеллигенции не превышал нескольких сотен человек, хотя именно они влияли на формирование политических предпочтений других групп населения. Программа Временного Правительства импонировала интеллигенции региона прежде всего тем, что давала надежду на демократизацию общественной жизни, повышение роли и значимости регионального сообщества в решении местных проблем, на ускорение темпов социально-экономической и культурной модернизации региона на основе новейших технологических разработок, в том числе заимствованных у северо-европейских соседей. Октябрь 1917 года был воспринят ею негативно, но его исход был в основном предreshен внешним фактором и одновременно общественно-политической позицией самой интеллигенции. Благодаря наплыву транспортных рабочих из других регионов на Европейском Севере возросло влияние большевиков. В свою очередь основная масса интеллигенции дистанцировалась от политики и регионального социума, в условиях незавершенности процессов профессиональной самоидентификации она не смогла выступить консолидированным фронтом. Методы установления Советской власти в регионе хорошо представлены в докладе председателя Архангельского губисполкома в СНК «Историческое прошлое Северного края, особенно поморского его населения, экономическое тяготение к Западной Европе, вызываемое торговыми сношениями, создавало хорошую почву для англо-французской ориентации... При отрицательном отношении населения... нужен был кулак»⁴⁰. И он был успешно применен, но, как отмечалось ранее, его эффективность измерялась двумя месяцами. Тот же внешний фактор, а именно начавшаяся англо-французская интервенция на Север, поверг регион в новые испытания.

Примечания

¹ Булдаков В. П. Красная смута: природа революционного насилия. М., 2010 ; Марченя П. П. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный

- мир. 2008. № 4 (61). С. 82—99 ; *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // *Общественные науки и современность.* 2013. № 2. С. 72—84 ; О причинах русской революции : сб. ст. / отв. ред. *Л. Е. Гринин и др.* М., 2010 ; *Турчин П. В.* Историческая динамика: на пути к теоретической истории : пер. с англ. М., 2010.
- ² *Булдаков В. П.* Указ. соч. С. 71 ; *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 г. в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? // *Отечественные записки.* 2012. № 1 (46). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/russkaya-revoluciya-1917-g-v-usloviyah-ekonomicheskogo-chuda-po-klassicheskomu-scenariyu> (дата обращения: 27.02.2018).
- ³ *Богачкий П. И., Николаева Л. С.* О нравственности российской интеллигенции // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее : тез. докл. междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 1998.* С. 59 ; *Кузин Ю. Д.* Благородство в системе моральных ценностей российской интеллигенции // Там же. С. 104—105.
- ⁴ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // *Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции / под ред. А. В. Данилова.* Свердловск, 1991. С. 6—25 ; *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество // Там же. С. 26—68 ; *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Там же. С. 166—198.
- ⁵ *Соколова Ф. Х.* Интеллигенция Европейского Севера России: формирование, динамика взаимоотношений с властью, 1917—1930-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2005. С. 40.
- ⁶ *Попов А. Н.* Архангельский край : стат.-экон. очерк. Архангельск, 1923. С. 7 ; *Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917—1924 гг.* Вологда, 1926. С. 4.
- ⁷ Выявлено автором по: *Гуркина Н. К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX — начале XX веков. СПб., 1998. С. 46—152 ; *Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 гг.* Архангельск, 1925. С. 220—221 ; *Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917—1924 гг.* С. 112—114, 118—130.
- ⁸ Подсчитано автором по: *Гуркина Н. К.* Указ. соч. С. 61, 131, 139—140.
- ⁹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1323. Оп. 1. Д. 510. Л. 21.
- ¹⁰ *Безбережьев С. В.* Вологодские эсеры в период подготовки и проведения Октябрьской революции (март 1917 — февраль 1918 г.) // *Вопросы истории Европейского Севера : межвуз. сб. Петрозаводск, 1984.* С. 28 ; *Егоров А. Н.* Кадетские организации Вологодской губернии в 1917—1918 гг. // *Европейский Север: история и современность :*

- тез. докл. всерос. науч. конф. Петрозаводск, 1990. С. 42—43 ; *Овсянкин Е. И.* Архангельск: годы революции и военной интервенции, 1917—1920. Архангельск, 1987. С. 14—15.
- ¹¹ *Трошина Т. И.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск, 2011. С. 272.
- ¹² ГААО. Ф. 1323 Оп. 2 Д. 951. Л. 1г, 1е, 1м, 1с.
- ¹³ Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 83—96.
- ¹⁴ Там же. Д. 602. Л. 274 ; Оп. 2. Д. 925. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Оп. 7. Д. 33. Л. 24—25.
- ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 603. Л. 96.
- ¹⁷ Там же. Оп. 7. Д. 36. Л. 25—26.
- ¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 601. Л. 25.
- ¹⁹ *Овсянкин Е. И.* Огненная межа. Архангельск, 1997. С. 16 ; ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 29. Л. 18.
- ²⁰ Архангельские епархиальные ведомости. 1917. № 8. С. 11—15.
- ²¹ *Силин А. В.* Отношение архангельского учительства к революционным событиям 1917—1918 гг. // Россия 1917 : взгляд сквозь годы : сб. ст. / отв. ред. В. И. Голдин. Архангельск, 1998. С. 37 ; Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС). 1918. № 1—2. С. 3 ; Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 11. Л. 328—329 ; Архангельск. 1917. 15 апр.
- ²² ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—80 ; ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3498. Л. 11—12 ; Воля Севера. 1917. 30 авг. ; Архангельск. 1917. 14 июня ; 1 авг.
- ²³ ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 3. Л. 1—15 ; Д. 5. Л. 1—44 ; Д. 22. Л. 3—4 ; Д. 29. Л. 7—12 ; Ф. 272. Оп. 1. Д. 18. Л. 132—190 ; Д. 19. Л. 64—198 ; Д. 36. Л. 378 ; Ф. 1865. Оп. 1. Д. 110. Л. 213—214 ; Оп. 4. Д. 2. Л. 4—11 ; Ф. 4097. Оп. 1. Д. 19. Л. 51—166 ; ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 125. Л. 6—39 ; Ф. 294. Оп. 1. Д. 10. Л. 30—89 ; Д. 1231. Л. 10—32 ; Оп. 7. Д. 1. Л. 16 ; Архангельск. 1917. 5 сент.
- ²⁴ *Овсянкин Е. И.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁵ Воля Севера. 1917. 3 авг. ; Архангельск. 1917. 18 марта.
- ²⁶ *Безбережьев С. В.* Указ. соч. С. 38 ; *Киселев А. А., Климов Ю. Н.* Мурман в дни революции и Гражданской войны. Мурманск, 1977. С. 106 ; Гражданская война и военная интервенция в СССР : энцикл. М., 1987. С. 631 ; ИАОИРС. 1917. № 9—10. С. 376—382 ; Архангельск. 1917. 14 июня ; Воля Севера. 1917. 9 июля.

- ²⁷ *Силин А. В.* Учительство Европейского Севера в годы российской революции и гражданской войны, 1917—1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2000. С. 14—15 ; Архангельск. 1917. 17, 31 мая ; 14 июня ; ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 15. Л. 108.
- ²⁸ ИАОИРС. 1917. № 9—10. С. 376—382 ; Архангельск. 1917. 8 окт. ; 17 нояб.
- ²⁹ ИАОИРС. 1917. № 9—10. С. 376—382 ; Воля Севера. 1917. 3 авг.
- ³⁰ Северный Луч. 1918. 31 марта ; 17 апр. ; 8 июня.
- ³¹ *Федюкин С. А.* Октябрь и интеллигенция // Интеллигенция и революция : XX век : сб. ст. / отв. ред. *К. В. Гусев*. М., 1985. С. 21 ; Архангельская областная организация КПСС в цифрах, 1917—1981 гг. / под ред. *И. А. Наумова, Е. Г. Аушева*. Архангельск, 1982. С. 35, 159.
- ³² Архангельск. 1917. 27 окт. ; ГАВО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 22. Л. 3—4.
- ³³ 10 лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. Вологда, 1927. С. 16 ; ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 4. Л. 40—41 ; Воля Севера. 1918. 4 янв.
- ³⁴ *Шебалин В. Д.* Былое не вычеркнуть : страницы истории о малоизвестных событиях 1917—1920 гг. в Вологодском крае. Вологда, 1993. С. 4—17 ; Волна. 1992. 26 сент.
- ³⁵ Воля Севера. 1918. 21 янв.
- ³⁶ См.: *Овсянкин Е. И.* Указ. соч. С. 65.
- ³⁷ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 10. Л. 30—32 ; Д. 1231. Л. 31—32 ; Ф. 585. Оп. 3. Д. 1. Л. 66—67, 184 ; ГААО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 1—222.
- ³⁸ ГАВО. Ф. 294. Оп. 1. Д. 774. Л. 1—3 ; Оп. 7. Д. 1. Л. 1 ; Д. 1231. Л. 58—59.
- ³⁹ Архангельск. 1917. 11 нояб. ; ГААО. Ф. 218. Оп. 2. Д. 8. Л. 150—151.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 20а. Л. 2—3.

Л. А. Бушуева

**«СТАРАЯ» ПРОФЕССУРА
И «ОТЛИЧНЫЕ ТЕХНИКИ»:
НАУЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАЗАНИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

До Октябрьской революции 1917 г. главным научным центром Казанской губернии являлся Казанский университет. Он был не только одним из старейших в стране провинциальных научно-педагогических центров, но и единственным вузом в Казанском учебном округе, имевшем право присваивать ученые степени и подготавливать научные кадры через институт так называемых профессорских стипендиатов. Поэтому подавляющее большинство представителей научного сообщества Казани являлись выпускниками, преподавателями университета или членами городских научных обществ, функционировавших под его эгидой — Общества археологии, истории и этнографии, Общества естествоиспытателей, Общества врачей и др.

Тесные контакты научной интеллигенции Казани с большевистскими властями начались в конце 1918 г. после сдачи города армией Комитета членов учредительного собрания. Казанский университет, Ветеринарный институт, Высшие женские курсы и местные научные общества оказались подведомственными образованному в 1918 г. Казанскому губернскому комисариату народного просвещения¹. Последний, в свою очередь, подчинялся Наркомпросу РСФСР во главе с А. В. Луначарским.

Одной из первых мер большевистской власти, значительно повлиявших на состояние вузовской интеллигенции, стало упразднение научной иерархии путем отмены ученых степеней

© Бушуева Л. А., 2018

Бушуева Людмила Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, bushueva9@mail.ru

и присуждения профессорского звания младшим преподавателям, проработавшим в вузах более трех лет. Однако настоящим испытанием для казанского научного сообщества стало реформирование Наркомпроса в области гуманитарного образования. Еще в 1918 г. на заседании ВЦИК военный комиссар Казани И. И. Межлаук возмущался, что преподаватели юридического факультета университета продолжают читать лекции студентам по полицейскому и церковному праву и другим «архаичным» предметам². В 1919 г. в Казанском университете, как и в других вузах страны, закрылся юридический факультет. Взамен был создан факультет общественных наук (ФОН), состоявший из трех отделений — юридического, экономического и политического. Некоторое время историко-филологическому факультету университета удавалось существовать самостоятельно, но в июне 1921 г. он также был влит в состав ФОН вслед за юридическим факультетом. Большинство преподавателей ФОН скептически относились к новой власти, но и они всё же попытались соответствовать предъявляемым к ним требованиям, предложив Наркомпросу РСФСР сразу несколько проектов создания при факультете прикладных научных институтов языка, литературы и истории³. Однако уже через год ФОН был признан «самым консервативным факультетом университета» и закрыт⁴. Его профессоров и преподавателей перевели в недавно образованный Восточно-педагогический институт. С упразднением факультета общественных наук в Казанском университете было ликвидировано гуманитарное образование, а казанские историки и филологи лишились своей давней институциональной научной базы.

В попытках сохранить нормы былой научной культуры гуманитарии переключились на деятельность в Обществе археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Подавляющее большинство бывших преподавателей историко-филологического факультета университета являлись членами этого общества, среди его руководителей были такие ученые, как известный востоковед Н. Ф. Катанов, члены-корреспонденты Академии наук Н. М. Петровский, профессор С. П. Шестаков и др.⁵

Нужно отметить, что первые годы советской власти благоприятствовали развитию краеведческого движения, в рамки которого вполне вписывалась деятельность ОАИЭ. Краеведческие

исследования были необходимы в условиях передела прежних губернских границ и складывания новых местных автономных республик и областей. Деятельность краеведов поддерживалась государством и была организована на самом высоком уровне⁶. Академия наук курировала Центральное бюро краеведения, которое возглавил академик Д. Н. Анучин, после его смерти в 1923 г. — академик С. Ф. Ольденбург. Кроме того, краеведческие общества, в том числе и ОАИЭ, частично финансировались Наркомпросом РСФСР, что было немаловажно для местных интеллектуалов, вынужденных в тяжелые годы Гражданской войны искать дополнительные источники доходов.

Несмотря на то что Общество археологии, истории и этнографии подчинялось губернскому Наркомпросу, оно было слабо с ним связано. На первых порах у местного комиссариата просвещения едва хватало ресурсов контролировать высшие учебные заведения и вести работу по организации национального образования. Поэтому в первые годы советской власти руководству ОАИЭ удавалось сохранить дореволюционный формат организации, выборность своих членов и придерживаться независимой редакторской политики в издании печатного органа — «Известий общества археологии, истории и этнографии». Показательно, что именно в этот период тематика научных статей издания расширилась за счет появления работ по всеобщей истории. В 1919 г. к Обществу примкнуло не менее 25 человек⁷, а его председателем стал Н. А. Бобровников — бывший попечитель Оренбургского учебного округа, ученик и соратник автора методики обучения инородцев Н. И. Ильминского. Николай Алексеевич вернулся в Казань из Петрограда для того, чтобы пережить революционное лихолетье в семье дочери Екатерины и зятя — профессора Казанского университета Н. М. Петровского⁸; неожиданно для семьи он сумел найти себе применение в изменившихся социально-политических условиях.

В своей работе это ученое сообщество пыталось опереться не на местных чиновников Наркомпроса, а на поддерживающую краеведческое движение Петроградскую Академию наук через личные знакомства и связи с академиками С. Ф. Ольденбургом и А. А. Шахматовым⁹.

Однако уже в начале 1920-х гг. относительно независимое существование ОАИЭ было нарушено. В это время в только что образовавшейся Татарской автономной республике началось формирование новой системы органов, контролировавших научную сферу. В 1920 г., в составе местного Наркомата просвещения был образован Научный отдел, который должен был заниматься организацией исследований по изучению края и его «производительных сил». В 1921 г. по образцу Академического центра РСФСР в ТАССР был создан свой Академцентр. Согласно уставным документам его целью являлось «общее теоретическое и программное руководство научной, учебной (учебно-педагогической и учебно-технической), просветительской и художественной деятельностью» в республике¹⁰.

Одной из ключевых структур Академцентра стала краеведческая организация — Научное общество татароведения (НОТ), ориентированное на «всестороннее научное изучение татар и татарской культуры»¹¹. Оно имело сходные с ОАИЭ задачи, однако отличалось по своему составу и организации. Влияние университетских ученых здесь не было подавляющим. Особую роль в деятельности НОТ играли представители татарской интеллектуальной элиты, тесно связанные с местными руководящими органами. Среди членов-учредителей этой организации значились нарком просвещения ТАССР М. Ю. Брундуков и председатель Академцентра Г. Г. Максудов¹².

В то время как деятельность Научного общества татароведения набирала обороты, начались первые серьезные попытки Академцентра перестроить работу Общества археологии, истории и этнографии. В мае 1923 г. Наркомпросом ТАССР была задержана публикация второго выпуска XXXII тома Известий общества¹³. В нем планировался выход статей известного византиниста профессора С. П. Шестакова «Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков», А. И. Никифорова «Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славяно-русской письменности», В. Н. Соколова «Иконографический и живописно-формальный методы изучения русской иконописи», К. В. Харламповича «Н. М. Петровский в его отношениях к Обществу археологии, истории и этнографии», И. М. Покровского «Памяти профессора Николая Федоровича Катанова»¹⁴. Выпуск

получил одобрение местного отделения Главного управления литературы и издательств. Однако оценка содержания этого номера авторитетным представителем татарской литературы и общественной мысли Галимджаном Ибрагимовым, назвавшим его «антисоветским и контрреволюционным», обернулась для ОАИЭ началом серьезных конфликтов с властями¹⁵.

Вначале республиканский Академический центр попытался путем настоячивых «рекомендаций» изменить состав редколлегии Известий общества¹⁶. После отказа Совета снять с редакторского поста профессора К. В. Харламповича чиновники Академцентра назначили своих редакторов — председателя Научного общества татароведения профессора Н. Н. Фирсова и секретаря НОТ недавнего выпускника Казанского университета историка М. Г. Худякова. Как отмечалось в обосновании этого назначения, «рекомендация тт. Фирсова и Худякова... преследует цели более успешного проведения в жизнь тех директив, которые уже не раздавались редакции Известий»¹⁷. В ответ последовала жалоба председателя ОАИЭ профессора К. В. Харламповича на местный Академцентр в Главнауку Наркомпроса РСФСР¹⁸. В итоге Харлампович остался на посту главного редактора Известий, так как Н. Н. Фирсов отказался от неожиданного назначения. XXXII том Известий ОАИЭ был всё-таки полностью опубликован. Однако уже вскоре после его выхода началось преследование членов ОАИЭ со стороны татарского ОГПУ.

В 1924 г. Татотдел ОГПУ начал следствие по делу председателя общества К. В. Харламповича, а также И. И. Сатрапинского, С. П. Шестакова, И. М. Покровского и др. Его проведение мотивировалось поступлением «сведений о группировке черносотенного элемента <...>, противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими “чистую науку”, в которой преобладали элементы рутин, отсталых идей, для чего использовались легальные возможности»¹⁹. В разгар проведения следствия было выбрано новое руководство Общества. Его председателем стал профессор Н. Н. Фирсов, товарищем председателя Г. С. Губайдуллин. Репрессии ОГПУ, направленные против бывших руководителей ОАИЭ, и последующие события полностью поменяли формат организации. Общество окончательно вошло в систему советских научных учреждений республики.

К этому времени потеряли самостоятельность и другие академические учреждения, созданные казанскими гуманитариями на волне учредительства новых научных центров. В начале 1920-х гг. в состав Восточно-педагогического института вошли Северо-восточный археологический институт и Восточная академия. Историкам и филологам пришлось доказывать свою нужность и лояльность новым властям в рамках работы в этом вузе или в комиссиях Академического центра. Те же, кто не смог (или не хотел) приспособиться к новым социально-политическим условиям, попали в число пассажиров «философских» пароходов. Среди них оказались профессора И. А. Стратонов, А. А. Овчинников, Г. Я. Трошин.

Большевистская политика в области науки и высшего образования, направленная на сближение научных исследований и производственной практики, а также стремление властей как можно быстрее создать новое поколение специалистов из рабочей и крестьянской молодежи, способных в будущем заменить «буржуазных спецов», привело к реорганизации всей структуры университета, а также к появлению в Казани высших учебных заведений нового типа — практических институтов.

В 1919 г. в Казанском университете были открыты рабочий и лесной факультеты. В конце 1919 — начале 1920-х гг. в структурах Казанского губернского отдела народного образования начал разрабатываться проект, согласно которому в университете вместо факультетов планировалось создать целый ряд специальных институтов по отраслям промышленности²⁰. Таким образом, «классический» университет должен был стать университетом «политехническим». Однако из-за начала тяжелейшего периода голода в Поволжье этим планам не суждено было сбыться. В Казани высшее профессиональное образование пошло по пути развития в рамках отдельных специализированных институтов.

В 1919 г. на базе Казанского промышленного училища создается Политехнический институт. В 1922 г. лесной факультет был выведен из состава университета и вместе с сельскохозяйственным факультетом Политехнического института преобразован в Институт сельского хозяйства и лесоводства²¹. В отличие от университета, который воспринимался как безнадежно устаревшее учреждение, не поддающееся реконструкции, новые

казанские институты объявлялись «единственными» учебными заведениями республики, «обслуживающими интересы промышленности ТССР и окружающих автономных областей»²².

Кроме технических вузов, с 1922 г. в Казани для подготовки учителей функционировал вышеупомянутый Восточный педагогический институт. Таким образом, в Казани в начале 1920-х гг. появились три новых «практических» вуза, а от «классического» университета осталось всего два факультета, не считая рабфака, — физико-математический и медицинский.

На первых порах в прикладные учебные заведения Казани для чтения лекций приглашалась «старая» университетская профессура²³. Однако кадровый костяк этих институтов составили недавние приват-доценты, ассистенты, лаборанты, не успевшие до революции получить ученые степени доктора или магистра²⁴, а также преподаватели Казанского промышленного училища, бывшего Казанского учительского института, средних и даже начальных школ²⁵. Здесь они в одночасье становились профессорами²⁶. Карьера «новых» профессоров была поистине головокружительной. К примеру, проректор Восточного педагогического института В. Т. Дитякин в 1917 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Уже на следующий год в возрасте 22 лет он назначается профессором университета, а в начале 1920-х гг. становится руководителем кафедры всеобщей истории и проректором Восточного педагогического института²⁷.

Ликвидация в 1918 г. дореволюционной иерархии научных степеней также позволила попробовать себя в высшей школе амбициозным молодым людям, ранее не имевшим опыта академической или преподавательской работы. К примеру, декан лесного факультета профессор А. А. Юницкий — выпускник Петроградского лесного института до революции являлся организатором и первым лесничим Казанской опытной лесной станции²⁸.

Преподаватели казанских институтов, в отличие от своих коллег из университета, нередко испытывали недостаток профессионализма. Однако они быстрее приспосабливались к стремительно меняющимся социально-политическим условиям, лояльнее относились к происходящим вокруг переменам. Многие

из них были молоды, полны оптимизма и энтузиазма. Под их влиянием в Политехническом и Ветеринарном институтах, Институте сельского хозяйства и лесоводства почти безболезненно прошла реформа по внедрению пролетарского студенчества в систему управления вузами²⁹. Да и сами представители власти испытывали к ним больше доверия. Корреспондент газеты «Известия ТатЦИК», подводя итог трехлетию развития в республике советского профессионально-технического образования, весьма лестно отзывался о казанской высшей технической школе и ее работниках. Здесь отмечалось, что для них характерны «высокие жизненные ценности в организации профессионального образования», «практические и точные методы преподавания, ценные навыки учета, распределения и идейная непосредственная связь с производствами и профсоюзами», наконец, «воспитание советских социалистических убеждений» и «широко и глубоко проводимый лозунг дороги и первое место рабоче-крестьянской молодежи»³⁰.

Из «отличных техников»³¹ охотно рекрутировались управленческие кадры. Так, профессор Института сельского хозяйства и лесоводства А. И. Луньяк с 1925 г. являлся ректором Казанского университета, секретарь лесного факультета профессор К. В. Войт в конце 1920-х гг. возглавил один из отделов Всесоюзного научно-исследовательского института древесины. Профессор Ветеринарного института К. З. Клепцов некоторое время руководил ветеринарным отделом Казанского губздрави³², профессор кафедры земледелия Института сельского хозяйства В. П. Мосолов впоследствии стал академиком, вице-президентом ВАСХНИЛ, депутатом Верховного Совета РСФСР³³.

В это же время в республике начала складываться новая профессиональная элита в такой социально значимой сфере, как медицина. До революции главным поставщиком врачебных кадров в губернии был медицинский факультет Казанского университета — самый сильный и многочисленный в этом учебном заведении. Здесь преподавали такие известные ученые, как Л. О. Даркшевич, Н. А. Миславский, А. Ф. Самойлов, Е. В. Адамюк и др. В ведении преподавателей медицинского факультета находился крупный городской больничный комплекс, расположенный на Арском поле. Сотрудники факультета руководили отделениями в городских больницах.

После завершения Гражданской войны на территории Казанской губернии перед местным губздравотделом встали серьезные задачи. Нужно было приводить в порядок оказавшиеся в его ведении больницы города, пришедшие в полную негодность — бывший лазарет Красного Креста, Губернскую больницу, Александровскую больницу и др. Кроме того, в городе во время Гражданской войны из-за мобилизации студентов последних курсов медицинских факультетов оказалось большое количество врачей. Многие из них только что окончили медицинские факультеты по ускоренному курсу и поэтому нуждались в улучшении профессиональной подготовки³⁴.

Тогда в структурах Казанского губздрава родилась идея создания специального медицинского учреждения, которое занималось бы и реконструкцией больниц, и переподготовкой фактически недоучившихся молодых врачей. Она принадлежала врачам Р. А. Лурии, В. И. Иорданскому и В. П. Первушину. Инициатива была поддержана местными властями. В 1920 г. в Казани открылся Клинический институт для усовершенствования врачей. Заняться восстановлением системы здравоохранения в городе было поручено этому «советскому» учреждению, а не медицинскому факультету университета с его именитыми, но «буржуазными» специалистами.

Первым директором Клинического института для усовершенствования врачей стал известный врач-терапевт Роман Альбертович Лурия — выпускник Казанского университета, ученик известного физиолога Н. А. Миславского и профессора Н. А. Засецкого. После блестящего окончания университета Р. А. Лурия был оставлен медицинским факультетом для подготовки к профессорскому званию. Однако его кандидатуру не утвердил попечитель учебного округа. Возможность научной и педагогической карьеры в университете оказалась для него закрытой. До 1917 г. он служил военным врачом, являлся руководителем одного из казанских госпиталей, а после революции попал в Казанский губздравотдел.

Соратниками Р. А. Лурии по Клиническому институту стали врачи М. Фридланд, Е. М. Лепский и др. Нужно отметить, что у педиатра Е. М. Лепского так же, как и у Р. А. Лурии, не сложилась университетская карьера, хотя медицинский факультет

и желал видеть его в числе своих сотрудников. В 1909 г. он не был утвержден попечителем учебного округа в качестве ассистента кафедры детских болезней. В 1915 г., будучи вольнопрактикующим врачом, он защитил докторскую диссертацию. После революции Е. М. Лепский возглавил подотдел Охраны материнства и младенчества Казанского губздравицы³⁵.

Так же как и техническим вузам, Клиническому институту не удалось обойтись без университетских специалистов. Здесь работали профессора В. С. Груздев, С. С. Зимницкий и др. Однако для развития этого учреждения гораздо важнее оказалась помощь местных органов власти, а также поддержка наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко, в 1921 г. лично осмотревшего институт в рамках своего визита в Казань. Казанский наркомздрав передал в ведение Клинического института лучшие здания, надеясь в будущем «получить новую хорошо поставленную городскую сеть лечебных заведений»³⁶. В тяжелейший период 1921—1922 гг. комиссариат здравоохранения ТАССР взял на себя финансирование института, выделял инвентарь, продовольствие для больных и пайки для персонала, в то время как медицинский факультет университета тщетно пытался добиться от Наркомпроса РСФСР хоть какого-нибудь обеспечения университетских клиник³⁷.

Финансовая поддержка Клинического института стала поводом для возмущения университетской профессуры, находящейся в это время в крайне бедственном положении. В резолюции, составленной университетскими медиками на заседании факультета в феврале 1922 г., констатировалось: «Медицинский факультет находится на краю гибели... преподаватели, не получая жалованья, едва влачат существование... Клинический институт... за два года... не имел ни одного слушателя, кроме собственных ординаторов... содержит громадный персонал и непроизводительно тратит массу средств». На этом же заседании было принято решение отозвать из Клинического института профессоров В. С. Груздева, В. Л. Боголюбова, А. В. Вишневого, А. Г. Агабабова и др.³⁸

Возникший конфликт между двумя медицинскими центрами республики активно подогревался статьями в местной прессе. Так, постоянный автор «Известий ТатЦИКа» М. К. Корбут

связывал протест университетских медиков со статьей «Разгром высшей школы» в парижских «Последних новостях», принадлежащей перу бывшего лидера партии кадетов П. Н. Милюкова³⁹. «Казань — старый университетский город, профессура которого имеет тяготение к московской кадетской клике, — писал М. К. Корбут. Что может быть общего между нотой Милюкова и казанским Клиническим институтом? Дело в том, что Клинический институт работает в самом тесном контакте с советскими учреждениями и пролетарскими организациями Казани, в противоположность университету, который от советской власти смотрит в лес. Поэтому первый развивается, второй, главным образом, в лице медицинского факультета, чахнет»⁴⁰. Автор статьи также возлагал на университетских медиков ответственность за несостоявшуюся академическую карьеру Р. А. Лурии и Е. М. Лепского: «Кроме того, медицинский факультет терпеть не может... евреев и старательно проваливает их всех, пытающихся после университета заниматься научной работой. И совершенно понятно, почему кое-кто из евреев нашел себе приют в институте»⁴¹.

К лету 1922 г. при вмешательстве наркоматов просвещения и здравоохранения конфликт разрешился. В борьбе за государственное обеспечение безоговорочную победу одержал Клинический институт. Уже в августе 1922 г. он начал получать субсидию Наркомздрава РСФСР, а с 1923 г. напрямую ему подчинялся. Он был переименован в Казанский государственный институт для усовершенствования врачей (ГИДУВ). С этого времени на переподготовку сюда стали отправляться не только местные врачи, но и специалисты со всей восточной территории России⁴². Так, при содействии Народного комиссариата здравоохранения РСФСР казанский Клинический институт для усовершенствования врачей стал одним из крупнейших медицинских центров в регионе⁴³.

Нужно отметить, что ни перед преподавателями специализированных вузов Казани, ни перед Клиническим институтом научные задачи не ставились, однако их сотрудники вели исследовательскую работу. Институт сельского хозяйства превратился в площадку для селекционного экспериментирования, его преподаватели трудились над выведением новых сортов зерновых культур⁴⁴. Сотрудники Ветеринарного института работали

над проблемой предотвращения различных заболеваний и развития эпидемий у домашних животных не только в ТАССР, но и в соседних областях⁴⁵.

За три года своего существования прикладные вузы Казани добились внушительных результатов, сумев наладить бесперебойный выпуск специалистов по самым разным отраслям народного хозяйства. Преподаватели технических учебных заведений выпустили около 10 тыс. специалистов, в том числе и из татар. Однако оборотной стороной этих успехов было практически полное прекращение в республике фундаментальных исследований.

Фундаментальная наука, развивавшаяся на базе сформировавшихся еще до революции научных школ Казанского университета, испытывала серьезные трудности⁴⁶. В результате большевистских преобразований в высшей школе постепенно ликвидировался принцип единства научной и преподавательской деятельности⁴⁷. Научная жизнь страны всё больше концентрировалась в специализированных НИИ Москвы и Петрограда, никак не связанных с образовательным процессом. Именно здесь протекало сложнейшее становление советской науки и делались научные открытия. Уделом же провинциальных университетских центров оставалась подготовка «широкого слоя специалистов для социалистического строительства». Университетских ученых упрекали в отсутствии связи между научными исследованиями и производственной практикой. Против них в ход активно шла классовая риторика, их называли «несознательными или сознательными врагами и вредителями» или в лучшем случае «чужаками»⁴⁸. В своем стремлении к «отехничению, опрактичению и орабочению»⁴⁹ высшей школы Наркомпрос РСФСР даже посчитал излишним наличие в Казанском университете физико-математического факультета, попытавшись в 1919 г. закрыть его.

Из-за отсутствия финансирования казанские ученые очень мало выезжали в научные командировки, испытывали большие трудности с публикацией результатов исследований, страдали из-за нарушенных научных связей не только с зарубежными коллегами, но и с исследовательскими центрами Москвы и Петрограда, часто оставаясь в стороне от главных процессов «большой науки» того времени.

К примеру, профессор физико-математического факультета по кафедре ботаники В. В. Лепешкин в письме к академику И. В. Бородину от 10 ноября 1920 г. оценивал научную жизнь в Казани следующим образом: «Мы живем здесь как на необитаемом острове. Научная работа почти остановилась. Я не говорю, конечно, про себя. Для меня она — хлеб насущный. Но молодежь разрывается на посторонней работе»⁵⁰. Известного биохимика тяготили не только материальные лишения, но и практически полное отсутствие контактов с Русским ботаническим обществом и невозможность опубликоваться ни в Советской России, ни за границей. В 1921 г. В. В. Лепешкин принял предложение стать профессором только что открытого Белорусского университета и покинул Казань. С трудом удалось удержать в Казани известного физиолога профессора А. Ф. Самойлова, в 1921 г. он был избран на кафедру Московского ветеринарного института. Среди ученых, стремившихся переманить казанского профессора в Москву, был и основатель советской школы экспериментальной биологии академик Н. К. Кольцов⁵¹. В течение почти 10 лет, вплоть до своей смерти в 1930 г., ученый одновременно руководил казанской лабораторией и кафедрой физиологии физико-математического факультета Московского университета. В Москву он ездил два раза в год для прочтения курса лекций по электрофизиологии в каждом семестре⁵².

Только после переезда в Москву удалось в полной мере реализоваться молодым перспективным казанским гуманитариям. Здесь состоялись научные карьеры крупнейшего советского историка, академика М. В. Нечкиной, влиятельного советского психолога А. Р. Лурии, А. М. Селищева. Будучи преподавателем Казанского университета, А. М. Селищев — один из крупнейших славистов XX в., писал в 1921 г. академику Е. Ф. Карскому после смерти своего учителя профессора Н. М. Петровского: «Со смертью Нестора Мнемоновича я совсем осиротел здесь. Мне так тяжело здесь в одиночестве, что хотелось бы перейти в другой университет»⁵³. В 1921 г. он получил приглашение возглавить кафедру славянской филологии в Московском университете. Позднее, став членом РАНИОН, он выступил в качестве оппонента «нового учения о языке» академика Н. Я. Марра, повлияв на становление советской лингвистики.

Таким образом, до прихода к власти большевиков большинство представителей казанского научного сообщества было связано с Казанским университетом. Преобразования новой власти, затронувшие это учебное заведение, в значительной степени повлияли и на городскую научную интеллигенцию. После экспериментов Наркомпроса в области высшего гуманитарного образования казанские историки и филологи попытались сконцентрироваться на научной работе в рамках Общества археологии, истории и этнографии. Однако ОАИЭ в своем «дореволюционном» формате было ликвидировано, поскольку уже в начале 1920-х гг. любые попытки академического сообщества существовать в рамках автономных организаций начали пресекаться. Ведущей научной организацией, проводившей краеведческие исследования и занимавшейся проблемами истории татар, стало Научное общество татароведения, вписанное в жесткую структуру Академцентра Народного комиссариата просвещения республики.

Упразднение ученых степеней, ликвидация научной иерархии в высшей школе способствовали изменениям состава ученой корпорации Казани. Данная мера в одночасье уравнила дореволюционных профессоров, прошедших долгий путь написания и защит диссертаций, и не успевших «остепениться» приват-доцентов. Наибольшее количество «новых» профессоров было в технических и специальных высших учебных заведениях города, а также на рабочем факультете университета. Вчерашние младшие преподаватели, обязанные советской власти стремительной карьерой, гораздо терпимее, по сравнению с университетской профессурой, относились к большевистским преобразованиям. Под их влиянием в Казани удалось создать целую сеть профессиональных учебных заведений, благодаря которым в республике появился широкий слой специалистов в различных отраслях народного хозяйства из рабочих, беднейших слоев крестьянства и татар, а также формировалась новая лояльная научная элита в противовес «буржуазной» университетской профессуре.

В рамках Казанского политехнического института, Института сельского хозяйства и лесоводства, Ветеринарного института, Казанского клинического института для усовершенствования врачей развивались прикладные исследования, направленные на решение текущих проблем, вызванных разрухой после Гражданской

войны, жесточайшим голодом и эпидемиями. Фундаментальная наука, развивавшаяся преимущественно в университете, испытывала трудности в связи с недостатком финансирования, разрушением прежних связей ученых с дисциплинарными сообществами, резким ограничением возможности публикаций исследований и постановкой перед вузами в первую очередь образовательных задач. С одной стороны, в республике стал формироваться слой советской научной интеллигенции, а также целая плеяда научных специалистов из татар, с другой стороны, в это время наблюдался отток из Казани перспективных научных кадров в столичные исследовательские учреждения, где протекали основные процессы становления «большой» советской науки.

Примечания

- ¹ *Латыпова Г. М.* Деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг. Казань, 2013.
- ² *Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.* Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 131.
- ³ Государственный архив РФ (далее — ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 605. Л. 2.
- ⁴ Национальный архив Республики Татарстан (далее — НА РТ). Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.
- ⁵ Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1919. Т. 30, вып. 2. С. 3.
- ⁶ *Лоскутова М. В.* «Наука областного масштаба»: идея естественных районов в российской географии и истоки краеведческого движения 1920-х гг. // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 83—121.
- ⁷ Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1920. Т. 30, вып. 3—4. С. 16.
- ⁸ *Петровская М. Н.* О моих предках // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — ОРПК НБЛ К(П)ФУ). Ед. хр. 10007. Л. 320—321.
- ⁹ Там же. Л. 321.
- ¹⁰ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 2. Д. 432. Л. 388.

- ¹¹ *Фирсов Н. Н.* Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // *Новый Восток : журн. Ассоциации востоковедения Союза ССР.* 1928. № 20—21. С. 1.
- ¹² ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Д. 7.597. Л. 5—6.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.* Казань, 1923. Т. 32, вып. 2.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 344. Л. 160.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Сидорова И. Б.* Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» : (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917—1924 гг.) // *Гасырлар авазы — эхо веков.* 2003. № 3—4. С. 65—81.
- ²⁰ *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05—1929/30 : в 2 т. Казань, 1930. Т. 2. С. 310.
- ²¹ *История татар с древнейших времен : в 7 т.* Казань, 2013. Т. 7. С. 352.
- ²² *Корбут М. К.* К вопросу о высшем техническом образовании в Татарской Республике // *Известия ТатЦИК.* 1922. 12 февр.
- ²³ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4911. Л. 1—13.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А.* Указ. соч. С. 134.
- ²⁶ ОРРК НБЛ К(П)ФУ. Ед. хр. 4911. Л. 1—20.
- ²⁷ Профессора исторического факультета Казанского университета (1939—1999) : биобиблиограф. слов. Казань, 1999. С. 23—25.
- ²⁸ Казанский сельскохозяйственный институт им. М. Горького. Казань, 1972. С. 60.
- ²⁹ «Большой день» в университете // *Известия ТатЦИК.* 1922. 19 июля. С. 5.
- ³⁰ *Неболюбов.* «Профтехническое образование : к трехлетию Татглавпрофобра» // *Известия ТатЦИК.* 1923. 3 февр.
- ³¹ *Корбут М. К.* Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие. Казань, 1930. С. 330.
- ³² *История Казанского государственного ветеринарного института им. Н. Э. Баумана (1873—1973) : очерки.* Казань, 1973. С. 68.
- ³³ Казанский сельскохозяйственный институт им. М. Горького. Казань, 1972. С. 19.

- ³⁴ Государственный институт для усовершенствования врачей имени В. И. Ленина в г. Казани, 1920—1925. Казань, 1925. С. 1.
- ³⁵ Казанский ГИДУВ им. В. И. Ленина, 1920—1990. Казань, 1990. С. 12.
- ³⁶ Государственный институт для усовершенствования врачей... С. 13.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 65. Л. 109.
- ³⁸ *Иванов А. Ю.* Казанский государственный медицинский университет в зеркале социокультурной истории. Казань, 2014. С. 214.
- ³⁹ См.: *Сальникова А. А.* Революционные потрясения, 1917—1922 гг. // *Очерки истории Казанского университета.* Казань, 2002. С. 163.
- ⁴⁰ *Корбут М. К.* Вокруг высшей школы // *Известия ТатЦИК.* 1922. 21 марта. С. 2.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Государственный институт для усовершенствования врачей... С. 11.
- ⁴³ Культурное строительство в Татарии, 1917—1941. Казань, 1971. С. 157.
- ⁴⁴ Там же. С. 221.
- ⁴⁵ История Казанского государственного ветеринарного института... С. 68—69.
- ⁴⁶ См.: *Бикташева А. Н.* Вместо Императорского — государственный, 1922—1929 гг. // *Очерки истории Казанского университета.* С. 166—181.
- ⁴⁷ Наука и кризисы : историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 473.
- ⁴⁸ *Корбут М. К.* Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет : речь на открытии Татарского научно-исследовательского экономического института. Казань, 1930. С. 1.
- ⁴⁹ Цит. по: *Дмитриев А. Н.* Статусы знания : (о социальных маркерах эволюции российского университета первой половины XX века) // *Новое литературное обозрение.* 2013. № 4. С. 108—133.
- ⁵⁰ Цит. по: *Манойленко К. В.* В. В. Лепешкин: путь к эмиграции // *Историко-биологические исследования.* 2010. № 2. С. 25—42.
- ⁵¹ *Григорян Н. А.* А. Ф. Самойлов. М., 1963. С. 38.
- ⁵² Там же. С. 42.
- ⁵³ *Петровская М. Н.* О моих предках // *ОРРК НБЛ К(П)ФУ.* Ед. хр. 10007. Л. 189.

О. Н. Ерошкина

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Революционный кризис 1917 года и Гражданская война потребовали от российской интеллигенции политического самоопределения. Значительная часть ее представителей не захотела признать Советскую власть и к началу 1920-х годов покинула Россию. Однако подавляющее большинство специалистов, деятелей науки, культуры и искусства остались в стране с целью способствовать ее возрождению. Демократические убеждения и любовь к Родине были для них главными критериями в сложном жизненном выборе. «Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал. Я хотел, чтоб вокруг меня были здоровые, цветущие люди. Никаких так называемых “социальных расхождений” я не испытывал. Я приветствовал новую жизнь, которая сулила лучшее. И понимал, что пользу людям можно принести через литературу», — объяснял свою общественную позицию М. Зощенко¹. Непоколебимое желание служить Отечеству высказывал и художник С. Бережков: «...не работал ни для Николая, для Ленина, для кого бы то ни было; работал и работаю только для людей, для народа, для человечества. Только так оправдана вся моя жизнь»². Более сложным было принятие политического решения для привилегированных, имевших широкую известность представителей дореволюционной интеллигенции. Н. П. Анциферов в своих воспоминаниях свидетельствовал: «С. Ф. Ольденбург принял революцию как новую эпоху. Его друзья каждый

© Ерошкина О. Н., 2018

Ерошкина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. o.eroshkina@mail.ru

по-своему приняли революцию, в основном они приняли ее как заслуженное возмездие за грехи старого режима»³. Главный мотив для многих подобных специалистов заключался в профессиональном долге, как они его понимали. «...я уже неоднократно говорил о своем решении держаться в стороне от политики и политических деятелей; вступил же я с ними в контакт исключительно с целью охраны художественных ценностей», — так объяснял свое намерение остаться в Советской России известный художник, музейвед и коллекционер А. Н. Бенуа⁴.

Огромную роль в привлечении дореволюционной интеллигенции к совместной деятельности по обновлению России сыграла проводимая Советской властью политика. Дореволюционные специалисты не могли не оценить по достоинству заботу о себе советского государства. Убедиться в этом позволяет дневниковая запись К. И. Чуковского, посвященная открытию Дома искусств. Писатель участвовал в этом событии, которое состоялось в ноябре 1919 года, в разгар Гражданской войны. Чуковский не скрывал своего удивления от увиденного: «Огромная холодная квартира, в которой каким-то чудом натопили две комнаты — стол с дивными письменными принадлежностями, всё — как по маслу: прислуга, в уборной графин и стакан. Все были так изумлены, когда им подали карамельки, стаканы горячего чаю и булочки»⁵. Дом искусств со временем превратился в очаг сосредоточения петроградской интеллигенции. Многие в нем не только проводили время, но нашли в полном смысле слова приют, в котором жили, кормились, укрывались в непогоду.

Переход Советской власти в 1921 году к нэпу большинство дореволюционной интеллигенции, оставшейся в России, восприняло с воодушевлением. «Пайковая селедка, дымящаяся печурка, валенки, очередь за молоком для дочурки... — и вдруг счастливо украденное время для заседания в италофильском нашем кружке “Студио Итальяно”, где холод не мешал возрождать любимые образы. Дорогим визитером приехал А. Блок прочесть свои итальянские стихи за несколько месяцев до смерти», — такие воспоминания об этом периоде оставил писатель Михаил Осоргин⁶. Еще более ярко свои впечатления о начале 1920-х годов передала литературовед и критик Евгения Книпович: «Когда меня спрашивают сейчас, как я, человек, переживший Окт. Революцию

и двадцатые годы в сознательном возрасте, могу кратко определить свои ощущения, я отвечаю: “Холодные мокрые ноги и восторг”. Ноги мокрые от прохудившихся подметок и восторг от того, что впервые в жизни всё стало видимо кругом, во всю широту света. Свирепые споры Маяковского с Есениным, молодых “серапионов” между собой, всё это знак времени, знак творческих возможностей тех поднятых революцией сил, которые хотели себя осуществить. И это ощущение полной свободы высказывания мнений, это глубокое доверие друг другу не ложилось чертой между западничеством Каверина и Лунца и русскими традициями Федина, потому что все они стремились к одной цели⁷.

Нэп действительно предоставлял интеллигенции большую свободу, как в общественной жизни, так и в творчестве. Тех же, кто волею судьбы оказался за пределами России, новая экономическая политика подтолкнула к возвращению домой. Так, преподаватель философии И. А. Боричевский, находившийся в Швейцарии, услышав о переменах в стране, решил вернуться на Родину. О главном мотиве своего поступка он написал в дневнике: «Россия единственная страна, где я могу научно работать не для одного себя»⁸.

Безусловно, среди дореволюционной интеллигенции было немало тех, кто вынашивал сменовеховские настроения, надеялся в условиях нэпа на перерождение Советской власти, возврат России к рыночным отношениям и порядкам. В этой связи примечательна жизненная история экономиста Д. А. Лутохина. После октябрьских событий 1917 года он остался в Советской России и советовал своим знакомым не отстраняться от активной общественной жизни, ибо, по его мнению, «бороться с захватившими власть можно только политическими средствами»⁹. Свои советы он подкреплял личным примером. Не скрывая оппозиционных взглядов, работая в бумажном производстве, «боролся с ком. чванством, увертками прежних хозяев, которые проникли на новое производство и добились лучшего положения для “своих” фабрик»¹⁰. В начале нэпа Лутохин вошел в редакционную коллегию журнала «Экономист», занялся лекционной работой, получил ученый паек. Вспоминая это время, он отмечал: «Высказываться по текущим вопросам довольно откровенно мне удавалось в разных аудиториях (и рабочих, и интеллигентских), но это было танцем среди мечей»¹¹. За оппозиционную деятельность Лутохин был подвергнут репрессиям:

лишился возможности заниматься журналистикой, уволен со службы, а в 1923 году выслан из страны.

Следует отметить и тот факт, что переход Советской власти к нэпу вызвал некоторую растерянность и непонимание у части дореволюционной интеллигенции, которая воспринимала политику военного коммунизма как программу большевиков по социалистическому переустройству России. Так, например, С. Бережков отмечал: «Коммунизм, как ни плох был эксперимент, работал для будущего. Сейчас в страстных прениях о свободном товарообмене мне, прежде всего, бросается в глаза эта будничность и эгоистичность»¹².

Тем не менее, большинство представителей дореволюционной интеллигенции в начальный период нэпа, не задаваясь вопросом о соответствии нового курса устремленности Советской власти к социализму, честно и добросовестно участвовали в налаживании мирной жизни в РСФСР, а с 1922 года и СССР, ярко проявив себя в самых разных сферах общественной деятельности.

Учительское сообщество прививало советским детям интерес к лучшим произведениям мировой культуры. Актриса Нина Николаевна Черкасова, жена известного артиста Н. К. Черкасова, оставила об этом очень яркие впечатления: «С любовью и благодарностью вспоминаю я свою 15-ю трудовую школу. Здесь двенадцатилетними ребятами мы в нашем актовом зале уже играли в спектакле “Дюймовочка”, поставленном известным режиссером Н. Евреиновым. Пьесу по сказке Андерсена написал для нас К. И. Чуковский, декорации делал Ю. Анненков. Мы росли в жарких спорах об искусстве и жадно смотрели всё»¹³.

В. А. Десницкий, друг Горького, активно участвовал в революционном движении, являлся сотрудником газеты «Новая жизнь». В советское время он отошел от политической деятельности и полностью отдался научной и педагогической работе. В. А. Десницкий был одним из создателей педагогического института в Петрограде, являлся автором первого учебного плана института, организатором и долгие годы деканом литературного факультета, заведующим кафедрой русской литературы. Его школу прошли многие не только учителя литературы, но и известные ученые: А. С. Бушмин, Г. А. Гуковский, С. В. Касторский и др. Однако этим не исчерпываются заслуги В. А. Десницкого. В те

годы, когда литературные произведения стремились превратить в иллюстративный материал для обществоведения, он отстаивал необходимость литературы как самостоятельной учебной дисциплины. Совместно с коллегами В. А. Десницкий подготовил труд по методике преподавания литературы в средней школе, не пугаясь осуждения, призывал к изучению творчества непопулярных тогда Ф. Достоевского и Н. Лескова.

О. А. Добиаш-Рождественская, выпускница Сорбонны, Советскую власть приняла сразу и безоговорочно. Как и прежде, она не состояла ни в какой партии. Однако программа новой власти по преобразованию России была созвучна ее убеждениям. В 1918 году О. А. Добиаш-Рождественская участвовала в съезде высшей школы и выступала на нем с докладом, которому рукоплескал А. В. Луначарский. В 1919 году Наркомпрос утвердил ее в звании профессора кафедры средних веков Петроградского университета. Одновременно она работала в Археологическом институте и ученым сотрудником Академии истории материальной культуры. После окончания Гражданской войны О. А. Добиаш-Рождественская активно занялась организацией исторического образования и развитием исторической науки в Советской России. В 1921 году она создала первый в истории отечественной высшей школы кабинет вспомогательных исторических дисциплин. Ее огромный вклад в подготовку советских историков отмечал академик Н. П. Лихачев. Кроме того, О. А. Добиаш-Рождественскую можно по праву считать одним из организаторов отечественного архивного дела. Как специалиста-источниковеда ее пригласили в 1921 году в качестве консультанта в российско-польскую комиссию для отбора рукописей из Публичной библиотеки для последующей передачи их Польше, как было предусмотрено советско-польским договором 1921 года. Она боролась за каждый документ, стремясь сохранить целостность фонда древних рукописей. Зарекомендовав себя прекрасным ученым-палеографом, О. А. Добиаш-Рождественская в 1924 году была приглашена на работу в Рукописный отдел Публичной библиотеки. После закрытия исторического факультета Рукописный отдел стал основным местом ее работы.

Профессиональное становление художника-графика В. И. Курдова пришлось на 1920-е годы. В своих воспоминаниях

о времени учебы он создал замечательные словесные портреты преподавателей Академии художеств, ярко описал обстановку, царившую в ней. По свидетельству В. И. Курдова, в Академии был введен так называемый объективный метод преподавания: на курсе одновременно делались постановки по живописи профессорами различного толка и направления. Приверженцы традиционной академической школы — Рылов, Савинский, Радлов, Карев, Савинов преподавали вместе с художниками нового революционного направления — Петровым-Водкиным, Филоновым, Матюшиным. «Для нас это была трудная, но и хорошая пора. Молодому художнику предоставлялась возможность самому разобраться во всех несогласиях, происходящих вокруг, активно определить свое отношение к искусству и жизни», — замечал Курдов¹⁴.

К. И. Чуковский, замечательный знаток и пропагандист поэзии Н. А. Некрасова, один из создателей советской детской литературы, с радостью наблюдал оживление культурной жизни в Советской России в начале нэпа, вовлеченность в нее дореволюционной интеллигенции. После посещения в 1922 году кружка почитателей Уитмена, он с восхищением записал в своем дневнике: «Нет, цела Россия!.. здесь сидели — истомленные бесхлебьем, безздоровьем, безденежьем... и жаждали — не денег, не дров, не эстетических наслаждений, но — веры»¹⁵.

Таким образом, дореволюционная интеллигенция, в большинстве своем, не принимая социалистическую идеологию и не разделяя идейных, политических устремлений Советской власти, принимала активное участие в возрождении России. При этом она не ограничивалась только формальным выполнением профессиональных обязанностей в различных советских учреждениях. На страницах вузовских газет тех лет нередко можно было встретить свидетельства неравнодушного отношения старой профессуры к жизни высшей школы. По воспоминаниям ректора Ленинградского технологического института Л. Веллера, опубликованным 7 ноября 1927 года газетой «Ленинградский технолог», в тяжелое послевоенное время профессура отчисляла из заработной платы средства на восстановление института. В выпусках той же газеты за 18 февраля и 18 марта 1927 года сообщалось о передаче преподавателями личных книг в дар библиотеке института, об их инициативе по созданию листка «Наука и техника» в качестве приложения к газете.

В процессе своей профессиональной деятельности дореволюционные специалисты нередко сталкивались с тем, что советская система организации интеллектуального труда строилась на других принципах. Они носили бюрократический характер, что оскорбляло старую интеллигенцию в ее искреннем желании отдать свои знания и опыт делу возрождения страны. Известный востоковед академик В. В. Бартольд в письме к академику А. Н. Самойловичу возмущенно жаловался на «странный стиль» обращения к нему начальства, где говорилось о чтении лекций как о «поручении»¹⁶. Сетовал на новые нравы, утверждавшиеся в советской высшей школе, профессор Ленинградского университета В. А. Вагнер. По его наблюдениям, для нового поколения студентов «университет не более как двери в комнату, где выдают свидетельства на получение мест с определенным заработком», в то время как для него университет оставался храмом науки¹⁷.

Однако, несмотря ни на что, интеллигенция старой формации стремилась преодолевать бюрократические препоны, работать творчески, использовать разные подходы в преподавании, в передаче своих знаний и опыта новым поколениям специалистов. О. А. Добиаш-Рождественская, например, в 1924—1927 годах организовала у себя на квартире исторический кружок. Ей импонировали встречи со студентами дома, за чашкой чая. Принимая во внимание тот факт, что исторический факультет в это время не функционировал как самостоятельное подразделение, можно в полной мере по достоинству оценить значение кружка для подготовки историков.

В. И. Курдов с благодарностью вспоминал о чаепитиях на квартире у М. В. Матюшина — его наставника по ВХУТЕИН: «Вокруг учителя всегда ученики... В доме постоянные сборища за чашкой чаю... После чая беседа продолжалась в кабинет-мастерской... С жадностью, как губка, хочу впитать в себя всё»¹⁸. Философ И. А. Боричевский также собирал у себя на квартире учеников. «По воскресеньям у меня бывают “эпикурейцы”. Только среди молодежи и можно их найти», — записал он в 1924 году в своем дневнике¹⁹.

Общение с дореволюционной интеллигенцией помогало молодому поколению советских специалистов усваивать не только профессиональные знания, но и хорошие манеры, правильную речь, прививало интерес к искусству, приобщало к чтению классической

литературы, в том числе не поощряемой властью. В этом заключалась огромная гуманизирующая роль специалистов старой формации, особенно в условиях нарастающей бюрократизации советского общества, насаждения грубого, прямолинейного стиля общения и поведения советских людей.

Между тем, успехи нэпа в деле восстановления страны после революционных потрясений дали основание советскому политическому руководству изменить курс развития СССР. В 1925 году на XIV съезде правящей коммунистической партии было заявлено о переходе страны к социалистической реконструкции. Утвержденный в 1929 году V съездом Советов Первый пятилетний план придал этим установкам силу закона. Нэп был с ним несовместим и оказался по сути отвергнутым.

Неподкрепленный зрелыми предпосылками новый политический курс в итоге привел страну к множеству болезненных, нередко трагических деформаций, ошибок и потерь. Одна из них заключалась в том, что общественная жизнь в СССР стала постепенно меняться, приобретая более формальный характер, наполняясь командными, директивными установками, обязательными к выполнению. Свободы для творческого поиска становилось всё меньше. Особенно большой урон понесла при этом интеллигенция. Ее интеллектуальный потенциал, духовный подъем, пробужденный нэпом и принесший замечательные плоды, теперь становился не востребуемым, а любая инициатива, начинание, открытая и честная общественная позиция были чреватые сокращением по службе или увольнением с места работы, обвинениями в симпатиях к капитализму, во вредительстве, а то и политическими, уголовными преследованиями. К тому же, в условиях перехода к социалистической реконструкции дореволюционные специалисты рассматривались как чуждая и даже враждебная сила, которой нет места в светлом будущем страны.

Философ И. А. Боричевский по поводу сложившейся ситуации с горечью записал в своем дневнике: «...меня упраздняют в университете... такова судьба ученого-революционера, непонятого. И всё это лишь потому, что он позволил себе роскошь независимой мысли»²⁰.

По воспоминаниям Н. П. Анциферова, в этот период историк нового времени Н. И. Кареев «как идеалист-эклектик, много

писавший против марксизма, был отрешен от кафедры. За ним остался лишь курс исторической географии»²¹.

Известный историк И. М. Гревс на торжественном праздновании его 80-летия в 1940 году, оглядываясь назад, оценивая удивившиеся к тому времени официальные критерии отношения к дореволюционной интеллигенции, с сожалением заметил: «Ведь я не материалист, а следовательно, с принятой нынче точки зрения, я буржуазный ученый. Но ведь это неправда. Я никогда не был сторонником капитализма. Он всегда был мне враждебен. И я советую вам пересмотреть эту точку зрения: она ошибочная»²².

Ощущение нестабильности своего положения и чувство неуверенности в завтрашнем дне всё более охватывали интеллигенцию. Она пыталась найти объяснения происходящему, определить свою линию поведения в новых условиях. «...в психологии рядового коммунара, добросовестно желающего служить делу, должно играть большую роль сознание своего невежества, и это сознание — питать классовую ненависть к интеллигенции, которую он может пытаться заглушить, зная, что лишь от интеллигента получит знания», — такое предположение о причинах растущего негативного отношения в обществе к старым специалистам высказал С. Бережков²³. Внимательный анализ политических установок советского руководства привел его к дальнейшим неутешительным выводам: «Среди многих высказываний политических наших заправил задержала мое внимание одна мысль; речь шла об отношении к различным группам населения; признавалось наличие слоя капиталистического... по отношению к ним проводится, говорили ответственные лица, такая политика: “из них выжимают всё, что можно, оставляя лишь столько, чтобы сохранить их для выжимания в будущий год”»²⁴.

Теория «выжатого лимона», недоверчивое отношение среди трудящихся к дореволюционной интеллигенции как к временному попутчику, а не равному участнику процесса обновления России существовали и раньше. С учетом этого, определяя свое место на литературном поприще, М. Зощенко заметил: «Я — пролетарский писатель. Вернее, я пародирую того воображаемого, но подлинного пролетарского писателя, который существовал бы в теперешних условиях жизни и в теперешней среде. ...интеллигенты сейчас не характерны для нашего времени. Они меня

не интересуют»²⁵. В период перехода к прямому социалистическому строительству враждебное отношение к старым специалистам получило официальную поддержку и широкое распространение.

Справедливости ради следует отметить, что часть вины за недружественное отношение в обществе к дореволюционной интеллигенции лежала на ней самой. Антисоветские, антибольшевистские настроения, значительно распространенные в ее среде в дооктябрьский период, саботаж, широкое участие в вооруженной борьбе с Советской властью в годы Гражданской войны и последующая эмиграция немалого числа ее представителей в полной мере повлияли на формирование среди трудящихся недоверия и враждебности к старым специалистам. В результате им отводилась роль временных попутчиков в деле построения новой России, пока не будет подготовлена советская интеллигенция, вышедшая из трудящегося народа и преданная ему.

С началом форсированной социалистической реконструкции и неизбежных при этом срывов и неудач, ответственность за них откровенно возлагалась на старых специалистов. Именно их всё чаще обвиняли во вредительстве. Подобная лицемерная официальная политика оскорбляла и возмущала дореволюционную интеллигенцию. «“Принимая во внимание пролетарское происхождение — от наказания освободить”. Такая фраза теперь не редкость в газетах в отчетах о суде», — отметил С. Бережков²⁶.

Таким образом, от идеологического контроля за поведением и настроениями дореволюционной интеллигенции советское политическое руководство в конце 1920-х годов стало переходить к откровенным репрессиям по отношению к ней. В 1928 году на всю страну прогремело Шахтинское дело. В 1929 году подверглись преследованиям и арестам представители академической науки. Советский физик, создатель оптического института в Петрограде, академик Д. С. Рождественский в составленной им хронологии собственной жизни записал под 1929 годом: «24/XII — обыск», а под 1930 годом оставил такую пометку: «Чистка ГОИ 18/VI — 19/VII; подал в отставку в ЛГУ 10/VI и второй раз 19/VII. Статья в газете. Подал в отставку в ГОИ — не принята»²⁷.

В удушливой и всё более опасной атмосфере политических и уголовных преследований дореволюционная интеллигенция вынуждена была определять новую линию своего поведения. Некоторые

ее представители после нелегких размышлений приняли решение уехать из страны. Так, например, в 1926 году поступил А. Н. Бенуа.

Однако большинство старых специалистов всё же остались в СССР. Они руководствовались прежним мотивом: быть со своей страной, народом даже во время тяжелых испытаний. Жизненных сил придавали наблюдения за позитивными переменами вокруг. И. А. Боричевский с удовлетворением отмечал: «Рабочие покупают абонементы на бетховенские концерты. В университетских коридорах — не прежние люди. Новые. Страна идет вперед»²⁸. С. Бережков хоть и сдержанно, но тоже обращал внимание на прогрессивные изменения: «Несомненно, рождение новой культуры»²⁹. Д. А. Лутохин после возвращения в 1927 году из эмиграции написал книгу «Зарубежные пастыри». В ней он яростно критиковал обличителей СССР, отмечая значительные достижения в деле обновления страны. Академик А. Н. Самойлович, сотрудник Института востоковедения, во время экспедиции по Алтаю в 1927 году записал в своем блокноте: «...количественный рост школ хорошо. ...колоссальные культурные запросы»³⁰. Воодушевляясь подобными примерами, И. А. Боричевский заключал: «Наша советская действительность имеет одно огромное достоинство. Народ сам взял свою судьбу в свои руки. Людям мысли нечего за него тревожиться. Надо просто работать и мыслить»³¹. Он продолжил заниматься привычными делами, но внес в свое общественное поведение некоторые коррективы: «С окружающими теперь стараюсь найти простейшую увязку, ни к кому не поворачиваюсь острием. Их безразличие лучше, чем их враждебность»³². Похожие рассуждения можно встретить и в дневниковых записях С. Бережкова: «Практический вывод: подальше от скверненьких людей, побольше личной жизни, как можно больше — завершений. Я — много видящий в современности пугающего своей фальшью, хочу быть носителем и, может быть, фактором культуры более высокой, нежели та, которая будет культурой массовой»³³. После избрания его в 1928 году членом ревизионной комиссии организации, изучавшей взаимодействие науки и искусства, Бережков радостно заметил в дневнике: «Не отказываемся — пусть втягивает меня жизнь, хочу поднять ее, выдержать»³⁴.

В обстановке откровенных нападок и гонений дореволюционная интеллигенция не испугалась. Многие деятели науки,

литературы, искусства открыто демонстрировали свое желание оставаться активными соучастниками созидания нового общества. Исследуя Алтай и размышляя над проблемами научной работы в этом регионе, академик А. Н. Самойлович заметил, что исследовательскую деятельность необходимо связать с общественно-краеведческой: «Сейчас основное задание в области культурно-просветительской должно заключаться в том, чтобы по возможности уделять больше средств деревне и крестьянству, аульной школе»³⁵. А. Н. Самойлович стал активным членом ВАРНИТСО — ассоциации, объединившей деятелей науки и техники, активно участвовавших в социалистической реконструкции в СССР. Тем самым он доказывал, что не стоит в стороне от тех перемен, которые происходят на его Родине, а всеми силами им содействует. Профессор Технологического института В. Я. Курбатов, будучи широко образованным человеком, знатоком истории архитектуры и искусства, особенно Петербурга и его пригородов, ратовал за единение науки и высшей школы: «...нет определенной грани между профессором, имеющим мировое имя, доцентом его кафедры, ассистентом, аспирантом и студентом. ВУЗ и наука должны быть вместе»³⁶. На конференции промышленников-экономистов, проходившей весной 1929 года в Ленинграде, присутствующие профессора технических вузов заявили, что «ссылки на героя нашего времени — инженера — и на его якобы практическую специализацию — неверны»³⁷. Они выступили против сокращения сроков теоретической подготовки инженеров, которое диктовалось напряженным планом Первой пятилетки. Профессор Технологического института В. И. Павлов по этому поводу едко заметил: «Идеалом Советской власти является приглашение иностранных квалифицированных специалистов, а не подготовка своих»³⁸. Несмотря на ограниченность в денежных средствах, аскетичность бытовых условий, художник П. Н. Филонов смело защищал разработанный им аналитический метод изобразительного искусства, отстаивал собственный взгляд на пути и перспективы его развития. Он настойчиво отказывался продавать свои работы, сохраняя творческую независимость, и заявлял, что намерен создать свой музей³⁹.

Таким образом, старые специалисты не только являлись участниками обновления страны, но и пытались активно влиять

на обсуждение, принятие и воплощение в жизнь созидательных планов, рискуя порой не только должностью, но и личной свободой.

Большинство же представителей дореволюционной интеллигенции под воздействием свойственной им конформистской природы, оставаясь в сфере своего творчества, профессии, пытались не идти на конфликт, а приспособиться к новой обстановке в стране. И. Бродский писал портреты многих советских политических деятелей. К. И. Чуковский, являясь знатоком поэзии Н. А. Некрасова, перешел в область детской литературы. Нашел свое место в литературном творчестве и А. Н. Толстой. Писательница Лидия Сейфуллина искренне его не понимала, обвиняя в сотрудничестве с властями и потакании вкусам вождей. На эту критику Толстой отвечал: «Обстоятельства, Лидия Ивановна, обстоятельства»⁴⁰.

Оставаясь активными участниками общественной жизни, продолжая вопреки запретам и ограничениям заниматься профессиональным творчеством, дореволюционные специалисты не могли, тем не менее, отмахнуться от сложных вопросов современности. Поворот 1929 года от нэпа к прямому утверждению социалистических порядков, командных методов управления страной, насаждение единой идеологии, репрессии в отношении инакомыслящих — всё это требовало объяснений. Еще в начале 1920-х годов С. Бережков, размышляя над тем, что случилось в России, заметил: «Где-то читаю — “в истории эксперимент невозможен”. Да ведь это неправда; всё новое время, вся новая политика — эксперимент в скрытом виде, а у нас в России вполне откровенный эксперимент»⁴¹. В 1927 году его реакция на события в стране стала более тревожной: «Не знаю очень ли обманывает меня предчувствие, но, кажется, внутри революция, которую называют контрреволюцией... не о счастье тысячелетий — тысячелетия добудут сами свое счастье, — а о счастье сегодня и завтра возможно большего числа сейчас живущих людей — вот о чем надо больше думать»⁴². Преждевременность перехода к прямым социалистическим преобразованиям в СССР отмечал также К. И. Чуковский: «Взяли мелкобуржуазную страну, с самыми закоренелыми собственническими инстинктами и хотим в 3 года сделать ее пролетарской... какая получается трагическая ситуация... чуть ли не каждый из 150 миллионов думает о своей курочке, своей карьере, своих удобствах, и из этого должно быть

склеено хозяйство “последовательно-социалистического” типа⁴³. Пыталась разобраться в событиях, происходящих в стране, и О. А. Добиаш-Рождественская. Она не понаслышке знала о репрессиях. После заграничной командировки 1929 года ее обвинили в антисоветской деятельности. В письме, отправленном в апреле 1929 года в ОГПУ, О. А. Добиаш-Рождественская отстаивала свое доброе имя, доказывала фактами своей профессиональной и общественной деятельности преданность стране и целям ее обновления. Размышлениями о случившемся, анализом его причин и последствий она поделилась со своим учителем и наставником И. М. Гревсом: «Всё же, думается, то, что обнадеживает и подымает, сильнее, живее того, что депрессирует. Что касается существенного, великого и важного. То, конечно, изменив очень сильно и очень глубоко и радикально свой облик — существенное, важное и великое для меня существует. Отношения общества трудового, социалистического, силу которых, здоровье которых я всё глубже чувствую, которые в меня всё сильнее проникают и мне импонируют, создают наилучшую этику, идут к наивысшему образу с блужданиями и ошибками. Но это путь верный»⁴⁴. Ошибки социалистического строительства в СССР, по мнению О. А. Добиаш-Рождественской, должны быть отнесены «не к волне, а к накипи, не к существу “существенного, важного и великого”, а к неудачному, раннему и подчас опошляющемуся осуществлению... оно во многом может подрываться жестокостью и захватываться грязными руками»⁴⁵.

Таким образом, дореволюционная интеллигенция Петрограда — Ленинграда, обладавшая огромным и ценным для страны интеллектуально-творческим потенциалом, в условиях нэпа получила более широкие, чем прежде, возможности для его реализации. Особенно оказались востребованы знания и опыт специалистов в области точных и естественных наук. Однако деятели образования, литературы и искусства также обогатили отечественную культуру многими новыми, революционными по сути открытиями. Достижения в развитии советского общества 1920-х годов, во многом обеспеченные активным участием в нем дореволюционных специалистов, продемонстрировали всему миру преимущества новой власти. К сожалению, период нэпа оказался очень кратковременным, что не позволило дореволюционной

интеллигенции раскрыть и использовать свой созидательный потенциал в полной мере. Не имея прямого влияния на разработку и осуществление планов стратегического развития страны, интеллигенция не смогла предотвратить свертывание нэпа, переход к форсированному строительству социализма в СССР и порожденных этим многочисленных трагических ошибок и потерь.

Размышляя о сути поворота, который произошел в конце 1920-х годов в жизни страны, и его вероятных последствиях, дореволюционная интеллигенция самым этим анализом внесла значительный вклад в понимание особенностей российского исторического пути. К сожалению, советские политические руководители не приняли его во внимание.

Тем не менее, в опасных условиях общественно-политической дискриминации, преследований за социальное происхождение, невозможности в полной мере реализовать свой интеллектуальный и профессиональный потенциал, дореволюционная интеллигенция не отстранилась от общественной жизни, не заняла позицию стороннего наблюдателя. Неудача в попытке предотвратить трагедию «большого скачка» побудила старых специалистов сделать всё для смягчения его последствий, вносить предложения и коррективы в планы, начертанные советским руководством, непосредственно участвовать в их осуществлении, при этом отстаивая свои взгляды и сохраняя личное достоинство.

В итоге, оказавшись перед сложным жизненным выбором, интеллигенция дореволюционной формации в большинстве своем осталась в родной стране, разделив ее участь и судьбу своего народа.

Примечания

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб.). Ф. 469. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

² Там же. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 34 об.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 27. Д. 2. Л. 17.

⁴ *Бенуа А. Н.* Дневник, 1916—1918. М., 2010. С. 483—484.

⁵ *Чуковский К. И.* Дневник (1901—1929). М., 1991. С. 127.

⁶ Литературная газета. 1989. 6 дек.

⁷ Там же. 1988. 9 нояб.

- ⁸ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 15. Л. 5 об., 6.
- ⁹ Там же. Ф. 445. Д. 4. Л. 4.
- ¹⁰ Там же. Л. 6, 7.
- ¹¹ Там же. Л. 12.
- ¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.
- ¹³ Черкасова Н. Рядом с Черкасовым. Л., 1978. С. 9.
- ¹⁴ Курдов В. И. Памятные дни и годы : записки художника. СПб., 1994. С. 24.
- ¹⁵ Чуковский К. И. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 671. Д. 170.
- ¹⁷ Там же. Ф. 122. Д. 5.
- ¹⁸ Курдов В. И. Указ. соч. С. 39.
- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 19. Л. 34 об. — 35.
- ²⁰ Там же. Л. 19 об.
- ²¹ Там же. Ф. 27. Д. 2. Л. 10.
- ²² Там же. Л. 22—23.
- ²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 20. Л. 25 об.
- ²⁴ Там же. Д. 22. Л. 34 об.
- ²⁵ Новый мир. 1988. № 9. С. 246.
- ²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
- ²⁷ Архив РАН. Ф. 341. Оп. 2. Д. 32. Л. 18, 19.
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 26. Л. 34—34 об.
- ²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.
- ³⁰ ОР РНБ. Ф. 671. Д. 81. Л. 6.
- ³¹ Там же. Ф. 93. Д. 31. Л. 49—49 об.
- ³² Там же. Д. 29. Л. 48.
- ³³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 14, 23.
- ³⁴ Там же. Л. 59 об. — 60.
- ³⁵ Там же. Д. 32. Л. 2.
- ³⁶ Ленинградский технолог. 1927. 18 марта.
- ³⁷ Технолог. 1929. 29 марта.
- ³⁸ Там же. 23 нояб.
- ³⁹ См.: Филонов П. Дневник. СПб., 2000. С. 164.
- ⁴⁰ Литературная газета. 1989. 12 апр.
- ⁴¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 21. Л. 39 об.
- ⁴² Там же. Д. 22. Л. 43, 64.
- ⁴³ Чуковский К. И. Указ. соч. С. 279—280, 356.
- ⁴⁴ Архив РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 94. Л. 1 об., 2, 7, 10.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7.

Н. Ю. Кривопалова

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960-х ГОДОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Представленная статья продолжает изучение вопроса о роли молодой интеллигенции в городском сообществе 1960-х гг., излагавшегося автором ранее¹. В связи с новыми выявленными материалами возникла необходимость продолжить обращение к этой теме.

Важной особенностью феномена «шестидесятничества» явилось разнообразие форм социальной активности интеллигенции и новые черты общественного сознания. Происходившие в 1960-х гг. изменения в обществе взывали к личной позиции человека, которая на протяжении предыдущих трех десятилетий оставалась общественно невостребованной². Характерные для того времени увлечения новой литературой и поэзией, авангардистскими экспериментами в живописи, появление дискуссий на страницах журналов подтверждали резко возросшую значимость личного мнения человека и диалога в обществе. Всё это стало питательной средой для возникновения неформальных общественных объединений, скрепляемых новыми идеями и поиском интересных форм общения, особенно среди молодой интеллигенции.

Подобная общественная организация появилась в 1962 г. в Самаре (Куйбышеве) — Городской молодежный клуб (ГМК-62). В его состав вошли только что получившие дипломы инженеры, врачи, учителя, архитекторы, музыканты, журналисты, студенты городских вузов — в целом, это была молодая самарская интеллигенция. В воспоминаниях организаторов

© Кривопалова Н. Ю., 2018

Кривопалова Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени акад. С. П. Королёва. krin-31@mail.ru

клуба прослеживаются основные побудительные мотивы и цели его создания, которые отражают доминирующие духовные настроения и интересы молодых людей того времени. Приведем некоторые из них.

Артур Щербак: «Это было время неутолимой жажды общения друг с другом. Нами двигала внутренняя тяга ко всему новому, необычному, что внесли в нашу молодую жизнь XX съезд КПСС и Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Мы жадно впитывали новую для нас западную культуру и овладевали новым типом общения между людьми. Джаз, новая, близкая по духу поэзия Вознесенского и Евтушенко, неизвестные ранее имена художников, новые танцы, новый стиль одежды, новые песни, новые возможности кино и фотографии — всё это соединилось с нашим стремлением вырваться из тесноты коммунальных квартир, утвердиться в своей значимости, сделать жизнь разнообразной, интересной, спорной и увлекательной»³.

Исай Фишгойт: «Родился клуб по требованию времени. Его появление связано с идеями, которые витали в воздухе, были сформированы литературными журналами, в первую очередь поэзией и прозой журнала “Юность”, публицистикой “Литературной газеты”. ...Интуитивно, в душе, мы ощущали себя инакомыслящими, вольнодумцами и неформалами»⁴.

Эдуард Барков: «ГМК появился из-за почти полной невозможности реализовать себя в творческом отношении. И вот появился клуб, куда мог прийти любой из нас со своими идеями... и попытаться реализовать задуманное»⁵.

Итак, Городской молодежный клуб объединил людей самых разных профессий, стремившихся стать собеседниками по диалогу участия в общественной жизни города. Для них была важна духовная близость и стремление создать новую притягательную среду в городском пространстве. Безусловно, в те времена организовать без поддержки комсомола было практически невозможно. В мае 62-го возникло понимание идей энтузиастов со стороны руководства горкома и обкома ВЛКСМ, озадаченного поиском новых форм развития молодежного движения. Секретарь обкома ВЛКСМ Николай Фролов решил инициативу поддержать и помочь ее реализации, отводя «удары» со стороны вышестоящих партийных органов⁶.

После долгих обсуждений и споров организаторы ГМК-62 предложили создать объединения клубов и секций по интересам, которые бы ориентировались на духовные потребности современной молодежи. Так появились «Фото-клуб», «Джаз-клуб» — для популяризации джаза и проведения фестивалей джазовой музыки, «Отечество» работало с молодыми художниками и поэтами, «Эксперимент» — клуб самых неожиданных проектов и встреч с интересными людьми, «Колокол» — дискуссионный клуб, «Граммофон» знакомил с новыми музыкальными направлениями, чуть позже появился и КСП (Клуб самодетельной песни), стоявший у истоков легендарного Грушинского фестиваля.

Деятельность Городского молодежного клуба строилась на принципах самоуправления, выборности и ответственности за порученное дело. У каждой секции или клуба по интересам было свое направление работы, свое руководство и председатель. При подготовке же крупных проектов объединялись усилия всех членов ГМК и использовался потенциал каждого участника. Так было, например, при организации разнообразных фестивалей, которые заложили значимые культурные традиции в городе.

В клубе складывался особый тип межличностного общения. Участники ГМК в своих воспоминаниях дают следующие характеристики отношениям внутри клуба: «умели дружить и испытывали счастье от совместной работы», «поражала искренность отношений, царившая в клубе, доверие ко всем новичкам», «нравилась непринужденность общения, раскованность и уважительность в беседах», «теплые отношения, постоянная готовность помочь друг другу». Всё это отражает, на наш взгляд, новую ситуацию межличностного общения, сотрудничества, что и формировало духовную атмосферу «оттепели», привнося в сознание горожан новые черты «свободной ментальности».

Уже первые мероприятия молодежного клуба зазвучали в пространстве города очень ярко и оптимистично. Игорь Вошинин, тогда президент джаз-клуба, так описывает открытие ГМК 3 июня 1962 г.: «Появившиеся в городе длинные афиши кричали: “ГМК-62 начинается!”. И начало было достойным. Знакомство горожан с ГМК-62 проходило в популярной “Дзержинке”, а также на улицах. Так, на площади Куйбышева под тяжеленными сапожищами Валериана Владимировича устроился джазовый

биг-бэнд, <...> тогда впервые город услышал “музыку толстых”»⁷. Характерным признаком меняющегося городского пространства стало появление необычных, талантливо сделанных афиш клуба, которые по цвету, формату, оригинальности текста выделялись на рекламных щитах.

Популярность Городского молодежного клуба с его новыми, нестандартными и смелыми проектами стремительно нарастала. Президент ГМК Вячеслав Климов пишет: «На первом Дне молодежи, который мы провели 30 июня 1962 года, сразу после создания ГМК-62, собралось тысяч пять, а через год — уже 50—60 тысяч плюс Безымянка, Набережная, парки. На наши вечера в Доме учителя невозможно было попасть. Зал вмещал 300—350 человек, а в комитеты комсомола, через которые распределялись билеты, поступало по 10 тысяч заявок»⁸. Это было подтверждением того, что мероприятия клуба пользовались вниманием и поддержкой городского сообщества.

По воспоминаниям участников ГМК, по сохранившимся афишам и фотографиям можно выделить целый ряд публичных пространств в городе, в которых проявлялись основные направления деятельности клуба.

Местом проведения первого крупного проекта — Конкурса молодых пианистов имени Д. Б. Кабалевского — стала филармония. С декабря 1962 г. она ежегодно превращалась в центр большого художественного события, существенно оживившего музыкальную жизнь города. Филармоническое пространство явилось уникальной площадкой взаимодействия общественной организации и замечательного композитора Д. Б. Кабалевского, известного своим вниманием к вопросам музыкального образования. Исай Фишгойт, возглавивший оргкомитет конкурса от ГМК, в своей книге воспоминаний оживленно описывает историю знакомства и общения с Дмитрием Борисовичем, высвечивая разные грани его «масштабнейшей личности»⁹. Регулярное появление Д. Б. Кабалевского, а также известных пианистов-педагогов, музыковедов, композиторов, которых он приглашал участвовать в жюри конкурса, выводило пианистическую культуру города на новый уровень, привносило особую атмосферу творчества. ГМК использовал каждый приезд мэтров для встреч с музыкальной общественностью. Они бывали в школах,

институтах, давали мастер-классы, встречались с учащимися и педагогами. Для жителей Куйбышева конкурсные концерты стали замечательными праздниками, возможностью приобщения к классической музыке и знакомства с молодыми талантами из многих городов страны.

Подобных конкурсов, проводившихся под эгидой общественной организации, в стране не было. Это удивляло и восхищало самого Дмитрия Борисовича Кабалецкого, с которым у членов клуба сложились теплые дружеские отношения. Вот что он писал 28 января 1963 г. Вячеславу Климову: «...Очень большое и на редкость хорошее впечатление осталось у меня от всего, с чем я встретился в Куйбышеве, от той атмосферы, которую я ощущал на протяжении всех проведенных у вас дней. Говоря “у вас” я имею в виду абсолютно всё, чем были заполнены мои куйбышевские дни, но прежде всего — ваш удивительный ГМК! Как на одну из замечательных черт вашей деятельности я обратил внимание на то, что буквально всё, к чему вы прикасаетесь, перестает быть казенным, стандартным, становится живым, естественным, остроумным и занимательным в самом лучшем смысле этого слова»¹⁰.

Еще одним музыкальным направлением в деятельности ГМК был джаз. Среди молодежи того времени наблюдался нарастающий интерес к этому «неофициальному искусству». Лев Бекасов, президент джаз-клуба, объясняет это увлечение так: «...сама сущность импровизации зиждется на полной свободе творчества, что никоим образом не отвечает требованиям диктаторских идеологий»¹¹. Некоторое потепление общественно-политической атмосферы в 60-е гг. позволило заниматься популяризацией джаза как свободной формы музицирования. В составе джаз-клуба ГМК в разные годы работали биг-бэнд Льва Бекасова, ансамбль Олега Гребенникова, квартет Александра Соколова. Эти самостоятельные джазовые коллективы успешно развивались и осваивали сложное искусство импровизации, практика которого практически отсутствовала в стране. Клуб проводил тематические беседы и лекции-концерты, где знакомил любителей с историей джаза и его ведущими мастерами, обосновывая право на существование этого музыкального жанра.

Джаз был представлен на самых разных концертных площадках. Джазовые коллективы ГМК выступали не только на традиционных вечерах в центральной части города, но и в залах заводских клубов в районе промышленной Безымянки. Отдельные тематические концерты-лекции проводились даже непосредственно в цехах¹². Показательно и то, что первый фестиваль джазовой музыки состоялся именно на Безымянке, во Дворце металлургов, в котором участвовали собранные со всего города музыканты-единомышленники. Фестиваль проходил в конце декабря 1962 г., и со временем он стал ежегодным¹³.

Для провинциального закрытого города это было уникальным явлением, тогда джазовые фестивали организовывались только в Таллине и Ленинграде. В Куйбышев начали приглашать джазменов, исполнителей, ансамбли из самых разных городов. Появилась идея переписки с зарубежными джазовыми центрами. Эдуард Барков, член джаз-клуба ГМК, так описывает установление внешних контактов: «На главпочтамте в то время продавались польский журнал “Мелодия и ритм” и чехословацкий “Мелодия”, из которых можно было получить информацию о джазовой жизни за пределами Союза. С помощью товарища, владевшего языками, я написал письма в джазовые центры Польши, Чехословакии, Югославии, Швейцарии. Были получены теплые ответы. Таким образом, мы завязали культурные контакты с некоторыми европейскими странами. ...Из Швейцарии нам прислали приглашение на фестиваль вместе с анкетами участников. Когда мы начали выяснять вопросы, связанные с поездкой на фестиваль за границу, то выяснилось, что это абсолютно невозможно, так же как приглашение зарубежных музыкантов к нам в Куйбышев»¹⁴. Тем не менее, в результате регулярной деятельности куйбышевский фестиваль был включен в календарь европейских джаз-фестивалей. В целом творческая активность молодежного клуба внесла свою важную лепту в развитие отечественного джаза.

Наряду с концертными площадками участники ГМК-62 развивали и выставочное пространство города. Клуб проводил выставки молодых художников, представлявших различные направления живописи. Особенность организации выставок заключалась в самостоятельном поиске и открытии новых картин

и авторов. Как вспоминал Исай Фишгойт: «Среди нас не было ни одного художника. Но мы брали на себя смелость ходить по большим и малюсеньким мастерским и отбирать картины для выставок. Многие известные сейчас в Самаре художники сделали свои первые выставки благодаря ГМК: Анатолий Завьялов, Дмитрий Кондратьев, Валентин Лисенков, Анатолий Песигин, Вадим Сушко, Игорь Дубровин. В их картинах было много спорного и поэтому интересного. “Ню” тогда было вообще запрещено. Но мы и такие картины выставляли»¹⁵.

Все клубные экспозиции вызвали огромный интерес горожан, что относилось и к фотовыставкам, особенно на волне массового увлечения фотографией в 60-е годы. Эти выставки отражали творческие принципы фото-клуба и имели тематический характер: «Камерная выставка фотопортрета» (1966), «Возможность фототехники» (1967), «Джаз в фотографии» (1967), «Ню» (1967), «Из дальних странствий возвратись...» и «С фотоаппаратом по планете» (1968, 1969, проведенные совместно с куйбышевским отделением БММТ «Спутник»). Постепенно фотосекция утвердилась в своем мастерстве и творчестве: «Главным объектом наших фотосисканий был человек, наш современник... Мы не только видели мир через объектив, но и использовали счастливую возможность фотографии — творить свой собственный мир»¹⁶.

Фотографы клуба регулярно готовили репортажи о встречах с интересными людьми, которые приезжали в город не по официальной линии, а по инициативе ГМК. Среди них выделяется фоторепортаж Владимира Сыромятникова, который был сделан во время пребывания в Куйбышеве Д. Кабалевского и Р. Рождественского, приглашенных молодежным клубом для одного из первых исполнений их совместного творения — «Реквиема»¹⁷. Это происходило в филармонии, и фотоснимки запечатлели все моменты развернувшегося на сцене действия, а также бесконечную галерею потрясенных лиц в зрительном зале.

Многие мероприятия клуба, поднимавшие новые, иногда спорные, темы в искусстве и жизни, сопровождались бурными обсуждениями и дискуссиями, где каждый имел возможность открыто высказаться и выслушать мнение других. Организация дискуссий была важным направлением в работе ГМК. Борис

Чернышев, президент ГМК в 1968—1969 гг., пишет об одном из диспутов: «Даже сегодня вызывает удивление наше упорное желание разобраться с положением дел в экономике страны. Мы, члены клуба, молодые специалисты взбудоражили городскую общественность и провели дискуссию “Экономика и ты” с участием экономистов и руководителей ведущих предприятий. Прозвучали многие предложения, отдельные из которых нашли свое отражение в программе реформы Косыгина»¹⁸.

За годы существования молодежному клубу удалось провести диспуты на самые животрепещущие темы: «Всё о любви и всё о дружбе», «Как стать гениальным», «Искусство — для кого?», «А гражданином быть обязан...», «Мещанин-69», «Преступность неизбежна?», «Джаз и ты», «Песни бардов — искусство или кустарщина?»¹⁹. Фотографии, сделанные во время диспутов, передают их атмосферу: переполненные залы, заинтересованные и вдумчивые лица слушателей, активно и страстно участвующих в обсуждении.

Новые духовные веяния 60-х гг. проявились и в мощном течении авторской песни. Неформальная песенная культура обладала духом собеседничества и дружеского участия, была обращена лично к каждому и приглашала к диалогу. Это находило широкий отклик в обществе. В деятельности ГМК выделяются несколько этапов развития бардовского движения. Вначале, в конце 1962 г., клуб решил организовать конкурс дворовой гитарной песни, собравший немалое количество участников в зале собственного помещения. Жюри потребовалось произвести отсев шпаны и блатных песен²⁰.

С 1964 г., благодаря дружеским контактам с клубами самодеятельной песни Ленинграда и Москвы, ГМК приглашает с концертами в Куйбышев уже известных столичных бардов: Александра Городницкого, Юрия Кукина, Валентина Вихорева, Евгения Клячкина, Бориса Полоскина, Аду Якушеву, Владимира Туриянского. Для их выступлений предоставлялись более вместительные залы города и области. На этом этапе особо выделяются концерты Владимира Высоцкого, организованные ГМК и потребовавшие множество согласований с вышестоящими инстанциями. В ноябре 1967 г. состоялись два знаменитых концерта

Высоцкого во Дворце спорта, самом большом зале города. Таким образом, именно Куйбышев стал первой крупной площадкой в нашей стране, представившей песенное творчество В. Высоцкого. Как вспоминают участники событий, здесь он увидел первую в жизни собственную афишу со своей огромной фотографией. Экземпляр этой афиши с автографом сегодня хранится в музее Высоцкого в Самаре²¹.

Интерес к авторской песне всё более возрастал, особенно среди студенческой молодежи, и в городе появлялись свои авторы и исполнители — такие как Александр Краснопольский, Станислав Маркевич, Борис Есипов, трио «Поющие бобры» под руководством Валерия Грушина. В Куйбышеве и других городах области начинали возникать клубы самодеятельной песни, проводиться конкурсы песни на туристических слетах²².

На следующем этапе, с 1968 г., когда уже существовало очень большое количество поклонников авторской песни, появилась необходимость найти и сформировать новое пространство, способное собрать и вместить всех желающих. Как вспоминают участники ГМК, тогда и возникла идея фестиваля за городом, на природе с его выразительной символикой: зрительный зал на склоне Жигулевской горы, сцена-гитара на Мастрюковском озере. В дальнейшем проект Грушинского фестиваля, зародившийся в ГМК, сыграл колоссальную роль в пропаганде и развитии авторской песни, которая отвечала духовным потребностям миллионов людей. Подчеркивая значение этого уникального культурного события, Е. Я. Бурлина пишет: «Грушинский фестиваль — прославленный “российский Вудсток”, один из важнейших брендов современной российской культуры, пользующийся популярностью также и за рубежом — был и остается поразительным феноменом гражданской инициативы»²³.

В целом деятельность молодой самарской интеллигенции в составе Городского клуба в 1960-е гг. преобразовала монотонное пространство закрытого провинциального города, привнесла в него многообразие форм и содержательных направлений, создала объемную полифонию городских пространств в Самаре (Куйбышеве). Многие из этих пространств продолжают звучать в городе по сей день.

Примечания

- ¹ *Кривопалова Н. Ю.* Молодежь в городском пространстве Самары в 1960-е годы // Город как сцена : история. Повседневность. Будущее : интерн. науч.-исслед. альм. : в 2 т. Самара, 2015. Т. 1. С. 121—126.
- ² *Тюпа В. И.* Кризис советской ментальности в 1960-е годы // Социокультурный феномен шестидесятых. М., 2008. С. 19.
- ³ *Щербак А.* Мы свято верили в свободу // 50 лет ГМК-62! Самара, 2012. С. 10.
- ⁴ *Фишгойт И.* Что помнится... Самара, 2008. С. 75—76.
- ⁵ *Барков Э.* Джаз в Самаре // 50 лет ГМК-62! С. 32.
- ⁶ *Щербак А.* Указ. соч. С. 11.
- ⁷ *Воцинин И.* Мы из шестидесятых. Самара, 2012. С. 7.
- ⁸ *Климов В.* Дыра в железном занавесе // 50 лет ГМК-62! С. 4.
- ⁹ *Фишгойт И.* Указ. соч. С. 60—64.
- ¹⁰ *Климов В.* Указ. соч. С. 5.
- ¹¹ *Бекасов Л.* ГМК-62 породил джаз // 50 лет ГМК-62! С. 24.
- ¹² *Воцинин И.* Указ. соч. С. 34.
- ¹³ *Бекасов Л.* Указ. соч. С. 25.
- ¹⁴ *Барков Э.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁵ *Добрусина Н.* Исай Фишгойт: «Моя жизнь стоит на трех китах — ГМК-62, авторская песня и туризм» // Самарские судьбы. 2007. № 11. С. 67.
- ¹⁶ *Емец В.* Стиль жизни // 50 лет ГМК-62! С. 53.
- ¹⁷ *Сыромятников В.* Фотосекция ГМК-62 // 50 лет ГМК-62! С. 49.
- ¹⁸ *Чернышев Б.* Время ГМК-62 // 50 лет ГМК-62! С. 12.
- ¹⁹ *Сорокин Ю.* ... А гражданином быть обязан // 50 лет ГМК-62! С. 17.
- ²⁰ *Фишгойт И.* Указ. соч. С. 81.
- ²¹ *Воцинин И.* Указ. соч. С. 56.
- ²² *Фишгойт И.* Указ. соч. С. 84.
- ²³ Полифония городских пространств : интерн. науч.-исслед. альм. : обзоры и концепция : в 2 т. / под ред. *Е. Я. Бурлиной.* Самара, 2014. Т. 1. С. 95.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)64-64

Г. А. Гамкрелидзе

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЙ ДИАЛОГ НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ В 2004—2008 гг. В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА РОССИЙСКИХ И ГРУЗИНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

После распада СССР в период становления государственности основными целями внешней политики Грузии стали международное признание, обеспечение безопасности, национально-го суверенитета и территориальной целостности Республики Грузия, а также повышение уровня жизни граждан. Некоторые из них были практически неосуществимы в условиях дестабилизации, глубокого экономического кризиса, серьезных этнических и территориальных конфликтов. Грузинское руководство предполагало, что интеграция в западные структуры поможет стране успешно разрешить внутренние конфликты и экономические проблемы, которые являлись препятствием на пути обретения территориальной целостности страны¹.

Большинство как российских, так и западных исследователей внешнеполитической стратегии Грузии считали, что по своей сути внешняя политика Грузии с момента обретения независимости имеет два основных направления: пророссийское и прозападное. Данная ситуация сложилась в силу ряда объективных факторов, в том числе географического положения Грузии и поиска серьезных и могущественных партнеров для решения насущных задач во внутренней и внешней политике².

© Гамкрелидзе Г. А., 2018

Гамкрелидзе Георгий Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. g.gamkr@yandex.ru

Новые власти Грузии после «революции роз» 2003 г. во главе с Михаилом Саакашвили предложили России начать выстраивать отношения «с чистого листа», давая понять ее руководству, что существование на юге Кавказа «единой и сильной Грузии» соответствует истинным интересам Москвы. Тогдашние власти Грузии заявляли, что новые отношения означали бы установление «равноправного партнерства» между двумя странами. По сути это означало бы признание Грузией интересов России в данном регионе, но в свою очередь они не должны были противостоят грузинским государственным интересам³. Однако понимание государственных интересов России и Грузии существенно расходилось в Москве и Тбилиси.

Стоит отметить, что отношение к работе М. Саакашвили в самой Грузии, по мнению некоторых экспертов, носит неоднозначный характер: он являет собой образ реформатора, создателя новой Грузии, борца с коррупцией, но при этом уходит от принципов демократии.

Марина Мухелишвили, заместитель руководителя «Центра общественных исследований» (Тбилиси, Грузия), считает, что несмотря на свои прозападные устремления сама «революция роз» не принесла Грузии полной свободы и демократии. Она отмечает, что со временем политическая власть в стране всё больше концентрировалась в руках президента, переходя все установленные конституцией границы и вторгаясь во все сферы: в экономику, гражданское общество, судебную систему⁴.

Изначально сами российские политтехнологи давали президенту Грузии иную характеристику. В частности, Г. Павловский отмечал, что «он не настроен антирусски»: это политик, который «намерен найти новый способ восстановления государственности и экономики за счет внешнего финансирования после создания управляемого кризиса. Это гибкий и хороший импровизатор, стиль которого — “работать на блефе”. Его цель — сформировать видимость конфликта между Россией и Грузией»⁵.

События, которые начали развиваться в дальнейшем, показали, что российско-грузинский конфликт отнюдь не был видимостью. Планомерное развитие кризиса в отношениях между двумя странами в конечном итоге привело к трагической пятидневной войне 2008 г. и поставило два близких народа в особые условия взаимоотношений.

Возникает вопрос, какие причины могли способствовать развитию столь необратимого процесса и в чем заключается его суть.

Причины развития конфликта обусловлены не только региональными, но и глобальными политическими факторами. Можно с уверенностью сказать, что за минувшие годы Южный Кавказ превратился в регион, в котором воплощаются в жизнь различные формы мирового и политического соперничества, наглядным примером которого является противоборство России и США в данном регионе. Важно отметить, что и в Москве, и в Вашингтоне проявляют значительный интерес к Грузии, однако сами мировые акторы преследуют различные цели, что не может не оказывать негативного воздействия на попытки преодолеть противоречия между ними.

В Грузии данные противоречия привели к президентству М. Саакашвили, который, используя активное влияние США, взял бескомпромиссный курс на сближение с Западом. Приоритетной целью его внешней политики ставилось вступление Грузии в НАТО. Говоря о процессе сближения Грузии и США, нельзя не отметить приверженность грузинского руководства решению вопросов по Южной Осетии и Абхазии⁶.

По мнению российского эксперта Александра Скакова, ситуация, складывавшаяся на Кавказе до лета 2008 г., определялась балансом сил и паритетом основных игроков: США и России — в первую очередь; а в качестве игроков второго плана выступали такие международные акторы, как Евросоюз, Турция и Иран⁷. По его мнению, в изменении баланса сил были заинтересованы США и Евросоюз (НАТО), считающие уровень своего присутствия в регионе незначительным. В качестве механизма размораживания выступали конфликты в Абхазии и Южной Осетии, при этом вокруг обеих непризнанных республик шло балансирование на грани войны⁸.

Для осмысления наиболее полной картины происходивших событий необходимо вернуться к началу становления режима М. Саакашвили и его команды «молодых реформаторов» и попытаться понять его личную роль как главы государства в выстраивании новых взаимоотношений с главой РФ В. Путиным и его окружением.

Первая официальная встреча между В. Путиным и М. Саакашвили состоялась 11 февраля 2004 г. в Москве, в Кремле.

В ходе данной встречи Президент России поздравил М. Саакашвили с избранием на пост главы государства. Также во время переговоров рассматривались перспективы торгово-экономических отношений, были затронуты вопросы поставок грузинской стороне российских энергоносителей и реструктуризации задолженности Грузии перед Россией⁹.

Помимо этого Владимир Путин и Михаил Саакашвили подробно обсудили вопросы борьбы с терроризмом на российско-грузинской границе. Самим силовым структурам России и Грузии были даны поручения о подготовке планов совместной работы. Кроме того, лидеры двух стран договорились о возобновлении «сочинского процесса», связанного с трехсторонним сотрудничеством России, Грузии и Абхазии в энергетике, восстановлении железнодорожного сообщения и возвращении беженцев¹⁰.

После первой встречи с Путиным в 2004 г. Саакашвили назвал российского президента «по-настоящему сильным человеком» и похвалил его методы обращения с оппозицией и прессой, что отмечал тогдашний министр иностранных дел Грузии Тедо Джапаридзе¹¹.

Однако вскоре президент России В. В. Путин приходит к выводу о том, что Саакашвили доверять нельзя, так как последний не держит своего слова (подобные претензии высказывали и его грузинские противники). А сам Саакашвили решил, что Путин не хочет урегулировать конфликт вокруг самопровозглашенных республик и пытается дестабилизировать обстановку в Грузии, так как ей благоволят США¹².

Уже в мае 2004 г. начинается кризис в Абхазии, по инициативе грузинской стороны состоялись два телефонных разговора между президентами Грузии и России. Информация совсем иного рода о непосредственном контакте двух лидеров относится уже к маю следующего года, когда М. Саакашвили позвонил В. Путину, чтобы объяснить, почему он не приедет на празднование 60-летия Победы. Основной причиной он назвал безрезультатность диалога с РФ о выводе военных баз. Но уже через три недели Путин и Саакашвили в телефонной беседе выражали удовлетворение результатами тбилисских переговоров по базам¹³.

Рассматривая второй визит Саакашвили в Москву 3—4 июля 2004 г., можно сказать о том, что он не был удачным

для грузинского лидера. В ходе переговоров М. Саакашвили так и не сумел договориться с В. Путиным о решении южноосетинской проблемы. Президенты двух стран лишь договорились об упрощении визового режима между Россией и Грузией.

Изначально основной целью М. Саакашвили было уговорить российского лидера создать на территории Грузии взамен военных баз совместный центр по борьбе с терроризмом. Владимир Путин посчитал инициативу Грузии «весьма интересной» и даже указал секретарю Совета безопасности РФ Игорю Иванову «проработать вопрос», при этом дав, однако, понять, что создание подобного центра вместо военных баз для Москвы абсолютно неприемлемо. Если говорить о ситуации по Южной Осетии, то Владимир Путин был готов «внимательно рассмотреть все предложения грузинской стороны по урегулированию конфликта», однако конкретных обещаний также дано не было¹⁴.

Даже фактическое фиаско в переговорах с российским президентом выразилось в стремлении М. Саакашвили попытаться сделать хорошую мину при плохой игре, долго убеждая журналистов в том, как ему «импонирует очень теплое отношение президента России к Грузии»¹⁵.

Рассуждая о подобных событиях, хочется вспомнить высказывание бывшего посла США в Грузии Ричарда Майлса (2002—2005 гг.), который в своем интервью тбилисской телекомпании «Имеди» утверждал, что Михаил Саакашвили, будучи президентом Грузии, проявил несдержанность при решении важных вопросов. Как подчеркнул экс-посол: «Саакашвили не смог урегулировать отношения с РФ, не смог наладить диалог с представителями абхазской и югоосетинской сторон, он во всем очень торопился». Как добавил бывший дипломат, Саакашвили имел странный «дар» оттолкнуть от себя тех политиков и деятелей, которые ранее были его соратниками. В качестве важных примеров он напомнил, как отделились от Саакашвили и ушли в оппозицию Нино Бурджанадзе (председатель парламента в 2001—2008 гг.), Саломе Зурабишвили (глава МИД в 2004—2006 гг.) и ряд других известных политиков¹⁶.

Если говорить о третьей встрече между лидерами двух стран, то она прошла 27 августа 2005 г. в рамках саммита СНГ в Казани. Президент Грузии сказал о том, что участвует в саммите

СНГ уже третий раз: «Кроме того, я приехал в интересный момент, когда мы продвинулись в цивилизованном решении вопроса о военных базах в Грузии. Я особенно ценю — и я об этом сказал сегодня утром на пресс-конференции — Ваши политическое мужество и решительность при решении вопроса, который казался вроде бы нерешаемым, сложнейшим для международных, двусторонних отношений — в целом стал таким общеевропейским вопросом. И после этого первого этапа, очень смелого прорыва, создаются совершенно новые перспективы для российско-грузинских отношений»¹⁷.

Можно с уверенностью сказать, что это была одна из ключевых встреч лидеров двух государств, которая позволяла выработать линию дальнейшего конструктивного внешнеполитического развития двух стран. Как заявила позднее экс-председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе, «в 2004-м был шанс на прорыв по Южной Осетии». Эта перспектива появилась после встречи Путина и Саакашвили на саммите СНГ, и ее можно было реализовать, если бы грузинская сторона в том же году не предприняла первую попытку военных действий. Она сказала, что тогда позитивный процесс был остановлен из-за начатых Саакашвили военных действий в Южной Осетии¹⁸.

Четвертая встреча между лидерами двух стран состоялась 13 июня 2006 г. в Санкт-Петербурге. По мнению грузинской общественности, центральным вопросом переговоров должны были стать конфликты в Абхазии и Южной Осетии. В частности, подобного мнения придерживался эксперт по конфликтам в Грузии Давид Джапаридзе. Следует подчеркнуть тот факт, что сам диалог между президентами был весьма интенсивным, о чем свидетельствуют личные встречи в рамках форумов СНГ и многочисленные телефонные беседы¹⁹.

«Я очень рад, что встреча состоялась, поскольку мы проанализировали то, как непросто складываются российско-грузинские отношения, поговорили о возможных путях не только в установлении, но и развитии наших связей», — заявил Владимир Путин. По словам президента Российской Федерации, и Россия, и Грузия должны предпринять шаги, направленные на нормализацию отношений между Москвой и Тбилиси, и создать хорошие условия для развития двусторонних связей²⁰.

«Грузия настроена на мирный, прогрессивный диалог, в первую очередь с участием России», — заявил в свою очередь на пресс-конференции президент Грузии Михаил Саакашвили. Он также признал, что «в российско-грузинских отношениях за последнее время накопилось множество нерешенных проблем, что является объектом опасности»²¹.

По мнению большинства наблюдателей, «больные» вопросы российско-грузинских отношений решены не были. В частности, говоря об урегулировании конфликтов, Путин объяснил: это очень сложный вопрос, «он не нами с Михаилом Николаевичем рожден». «Нельзя заниматься урегулированием конфликтов с помощью ножа и бритвы, нужно вырабатывать способ наведения мостов, и не между Россией и Грузией, а между народами Южной Осетии и Грузии», — заявил российский президент²².

На пресс-конференции по результатам встречи два президента продемонстрировали прямо противоположные подходы к решению территориальных вопросов. В частности, В. Путин утверждал, что на урегулирование грузино-абхазского конфликта на долгосрочной основе необходимо время, и провел аналогию с референдумом по конституции Чечни, заявив, что таким путем надо идти и грузинским властям.

На это М. Саакашвили отметил, что в Грузии насчитывается 300 тысяч беженцев из Абхазии и там уже некому высказываться в пользу сожительства в едином грузинском государстве. М. Саакашвили утверждал, что Грузия не отдаст ни метра своих земель в Абхазии и Южной Осетии, а потом перешел в своем разговоре к аннексии грузинских территорий. Возможно, президенты так и не определились по политическому статусу Абхазии²³.

Без понимания закулисной информации итоги встречи анализировать сложно. Возможно, Саакашвили пообещал Путину пока не вытеснять российских миротворцев из Абхазии и не идти войной на Южную Осетию, а также не форсировать вступление в НАТО. В свою очередь Путин пообещал не бросать грузинскую экономику на произвол судьбы²⁴.

Последняя встреча между лидерами двух стран произошла 21 февраля 2008 г. в преддверии неформального саммита СНГ. Президент России принял грузинского коллегу в своей резиденции в Ново-Огарево.

Обменявшись любезностями, стороны перешли к обсуждению ключевых вопросов. В самом начале Путин обратился к теме вступления Грузии в НАТО. По словам главы МИД РФ Сергея Лаврова, поведавшего журналистам некоторые подробности встречи в Ново-Огареве, «президент подтвердил принципиальную позицию России о том, что мы не видим реальных причин для этого процесса, и подробно разъяснил, какие последствия это может иметь, в том числе для российско-грузинских отношений»²⁵.

Глава МИД РФ добавил, что была также затронута тема конфликтов Грузии с Южной Осетией и Абхазией. Российский лидер назвал одним из основных условий нормализации российско-грузинских отношений выполнение всех договоренностей по урегулированию этих конфликтов.

Глава МИД Грузии Давид Баκραдзе, принимавший участие во встрече в Ново-Огареве, сказал, что руководство России удостиоверило грузинскую сторону в том, что не признает независимости Абхазии и Южной Осетии. «Для нас необычайно важно обещание, которое мы услышали от российской стороны — что она не собирается признавать независимость конфликтных регионов Грузии», — заявил Бакрадзе, отметив в свою очередь, что вопрос по урегулированию территориальных конфликтов еще не исчерпан.

Стороны также обсудили ситуацию с прерванным авиасообщением. Владимир Путин заявил по данному поводу: «Мне известно, что наши авиационные власти договорились о снятии разногласий, которые между ними были. Это касается, прежде всего, урегулирования вопросов задолженности. После решения финансового вопроса можно будет восстановить и авиационное сообщение, а также решить ряд других вопросов, которые возникли в прежнее время»²⁶.

В свою очередь грузинский лидер подтвердил, что все протоколы уже подписаны и выразил надежду на скорое возобновление авиаперелетов. Сама договоренность, о которой идет речь, была достигнута накануне по итогам переговоров представителей Минтранса РФ и их грузинских коллег. Прямое воздушное сообщение между Россией и Грузией, прерванное осенью 2006 г., необходимо было возобновить после погашения долга грузинских авиакомпаний за аэронавигационное обслуживание, составляющего около 3 млн долларов²⁷.

По словам главы МИД РФ Сергея Лаврова, на переговорах «была достигнута договоренность о дальнейших шагах по нормализации наших связей». Михаил Саакашвили позвал Владимира Путина в гости, выразив надежду, что тот приедет в Грузию в качестве премьера.

Следует подчеркнуть очень важный момент, что за всё время существования грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, которые и явились камнем преткновения в российско-грузинских отношениях, грузинское руководство не смогло выработать политических инструментов для полного урегулирования ситуации вокруг неконтролируемых территорий.

Можно отметить тот факт, что Россия и Грузия постоянно прибегали к односторонним действиям, вызывающим осуждение противной стороны. Само желание политической элиты Грузии привлечь страны Запада в качестве сил, способных решить проблему ее территориальной целостности, воспринималось в России крайне негативно. Важным моментом, по мнению некоторых оппозиционных экспертов, также является тот факт, что реактивные и необдуманные действия самого грузинского лидера только усугубляли и так весьма мрачную картину разворачивающихся событий²⁸.

С другой стороны, те действия, которые предпринимала Россия в отношении Абхазии и Южной Осетии, прежде всего безвизовый проезд и предоставление абхазам и коренным жителям Южной Осетии российского гражданства, а также контакты российских официальных представителей с руководителями самопровозглашенных республик, — вызывали в Грузии недоверие к политике российского руководства. Всё это приводило к формированию явно негативного общественного мнения по отношению к России. Возможно, Россия как более могущественная сторона конфликта не использовала все возможности мягкой силы для влияния на Грузию, что могло бы способствовать поиску мирных путей решения вопроса.

Если рассматривать внешнюю политику России при В. Путине по отношению к ближнему зарубежью, то по его действиям можно понять, что он является приверженцем евразийской идеи. Стратегическая направленность РФ на страны Кавказа и Центральной Азии, побуждающие их к более тесной интеграции, а также нежелание допускать в регион весь остальной мир,

в особенности страны Запада и НАТО, и попытки использовать «тройственный инструмент» (экономическое, политическое и военное воздействие), всё это является признаками приверженности Путина евразийской школе в ее сочетании с прагматизмом²⁹.

В Москве с большим подозрением относятся к стремлению Грузии вступить в НАТО. В самом расширении НАТО на постсоветском пространстве и ее выходе к границам России видится проявление политики враждебности, унаследованной от холодной войны. Эти действия, в конечном счете, представляют собой угрозу безопасности России, особенно ее статусу великой державы, а также ее региональной и международной роли.

В стратегическом отношении Абхазия является областью особенно ценной для России, т. к. это важный в военном и экономическом плане регион. Поэтому вступление Грузии в НАТО может оказаться очень болезненным для России³⁰.

Руководители Российской Федерации исходят из того, что расширение НАТО на территориях постсоветского пространства не является мерой по укреплению безопасности, а способствует устранению России с мировой и европейской арены. К тому же всё это воспринимается как средство, чтобы ограничить влияние России в регионе и сдерживать ее подъем в качестве региональной и мировой державы. Расширение сферы влияния НАТО выглядит и как унижение России, поскольку не оставляет РФ простора для действий в изменяющемся контексте европейской безопасности. Важным моментом является тот факт, что Россия видит в расширении НАТО нарушение слова, данного ее генеральным секретарем Вернером в 1990 г., когда тот заявил, что НАТО не будет расширяться за пределы Германии³¹.

В заключение следует отметить, что в условиях нового политического порядка, установившегося в мире после распада Советского Союза, в кавказский регион пришли международные организации, которые занимались поддержанием безопасности. Их основной целью было сохранение стабильности и укрепление слабых государственных структур и свободной рыночной экономики в Грузии, а также на конфликтных территориях Южной Осетии и Абхазии. Сама российско-грузинская война в августе 2008 г. дала четко понять, что инициативы, которые были призваны умиротворить регион, не привели к формированию системы

безопасности, всё это не смогло предотвратить или сдержать внутренние или межгосударственные конфликты или хотя бы локализовать их, не дав перерасти в военное столкновение³².

Примечания

- ¹ *Мурванидзе Б. Ю.* Россия и США в ориентирах внешней политики Грузии в период президентства Эдуарда Шеварнадзе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009. С. 21.
- ² *Бахтуридзе З. З.* Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2016. С. 126.
- ³ *Мацаберидзе М.* Грузия — Россия: поиск цивилизованной модели отношений // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5. С. 81.
- ⁴ *Мухелишвили М.* Грузия в новой волне преобразований // Кавказ и глобализация. 2010. № 1. С. 46.
- ⁵ *Павловский Г.* Саакашвили будет искать и находить все новые поводы выйти на обострение отношений с Россией. URL: www.Sakartvelo.Info (дата обращения: 19.02.2017).
- ⁶ *Попхадзе А.* Конфликтогенность Южного Кавказа: причины «пятидневной войны» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 4. С. 70.
- ⁷ *Скаков А.* Августовский кризис на Кавказе и его последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1. С. 25.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Владимир Путин встретился с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/30340> (дата обращения: 13.01.2017).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ The Georgian and Putin: a Hate Story. URL: http://www.nytimes.com/2009/04/19/weekinreview/19levy.html?_r=1&ref=world (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹² Ibid.
- ¹³ Встретятся ли Медведев и Саакашвили. URL: <http://www.interfax.ru/russia/15029> (дата обращения: 19.02.2017).
- ¹⁴ М. Саакашвили не удалось договориться с Путиным о решении юго-осетинской проблемы. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/58004/?print=true> (дата обращения: 13.01.2017).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Экс-посол США в Грузии: Саакашвили обладал даром отталкивать людей. URL: <http://m.rosbalt.ru/world/2013/11/25/1203415.html> (дата обращения: 15.01.2017).

- 17 Начало встречи с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23142> (дата обращения: 03.01.2017).
- 18 Бурджанадзе рассказала, как Путин умеет выполнять обещания. URL: <https://vz.ru/news/2014/12/29/722811.html> (дата обращения: 17.01.2017).
- 19 Эксперт: С чем едут в Санкт-Петербург Путин и Саакашвили. URL: <https://regnum.ru/news/655315.html> (дата обращения: 13.01.2017).
- 20 Встреча Путин — Саакашвили: сухая ничья на своем поле. URL: <http://www.svoboda.org/a/160978.html> (дата обращения: 03.01.2017).
- 21 Там же.
- 22 Конфликты не решить с помощью ножа и бритвы, считает Путин. URL: <https://ria.ru/politics/20060614/49439108.html> (дата обращения: 04.01.2017).
- 23 Пресс-конференция по окончании встречи с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23636> (дата обращения: 04.01.2017).
- 24 Путин — Саакашвили: ну вот и поговорили... URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/06/14/256768.html> (дата обращения: 04.01.2017).
- 25 Начало встречи с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24850> (дата обращения: 04.01.2017).
- 26 Владимир Путин встретился с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/43849> (дата обращения: 05.01.2017).
- 27 Начало встречи с Президентом Грузии Михаилом Саакашвили. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24850> (дата обращения: 03.01.2017).
- 28 *Бахтуридзе З.* Направление внешнеполитического курса Грузии при президенте Саакашвили // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 7, № 3. С. 12.
- 29 *Фараджирад А., Хезерзаде А.* Внешняя политика России на Кавказе при Владимире Путине // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 4. С. 30.
- 30 См.: *Bendelingi K.* Two dynamics of Georgia in NATO // Inter Press News. 2008. 15 March.
- 31 *Фараджирад А., Хезерзаде А.* Указ. соч. С. 44.
- 32 См.: *Celikpala M.* Security in the Black Sea Region // Commission on the Black Sea Policy Report II, 2010. URL: www.blackseacom.eu/uploads/media/Black_Sea_Report_II_Security/pdf (дата обращения: 13.03.2017).

ББК 79.147.16

М. А. Павлова**ФОРМИРОВАНИЕ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ
КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА
ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ
(По отчетам 1912—1917 годов)**

На рубеже XIX—XX веков в России наблюдается рост числа общественных краеведческих организаций, объединяющих широкие слои населения. Их основу составляла интеллигенция. Полагая социокультурную миссию приоритетом своего бытования, большинство представителей этого общественного слоя считали долгом транслировать культурные ценности, образовывать и просвещать. Активная деятельность Русского географического общества (1845), Археологического общества (1846), Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии (1863) способствовала созданию в провинции местных отделений этих организаций. Краеведение становится широким общественным движением.

На рост интереса к изучению местной истории и на умножение числа участников краеведческих объединений в провинции во многом повлияла теория «областничества» А. П. Щапова¹. Ее стержнем являлась идея децентрализации исторической науки, история края объявлялась предметом, важным для изучения и понимания всеобщей русской истории. Автор теории писал:

© Павлова М. А., 2018

Павлова Мария Александровна — старший научный сотрудник Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, аспирант 2-го курса Костромского государственного университета. m.paramonova77@mail.ru

«В высшей степени желательно, чтобы у нас... в каждой провинции возникла своя историческая, самопознавательная литература и обогащалась областными сборниками... историко-статистическими описаниями губерний и провинций... изданиями областных памятников и актов»². А. П. Шапов доказывал важность конкретно-исторического и этнографического изучения отдельных населенных пунктов, волостей, уездов, губерний. Его теория стала логическим обоснованием и призывом к практическим действиям в области исследования местной истории и народа.

Деятельность по изучению края в провинции развивалась благодаря самоотверженной, безвозмездной работе местной интеллигенции. Соединяя профессиональные и жизненные интересы с пониманием своего особого социального предназначения, провинциальная интеллигенция испытывала жизненную необходимость в исследовании и сохранении места, с которым была связана лично. Краеведение стало платформой, позволившей разнородной интеллигенции, представители которой проживали в различных уголках губернии (в губернском центре, деревне, уездном городе и т. д.), объединиться в общее дело, чувствовать важность и необходимость своей работы, испытывать причастность к научно-просветительской деятельности по сохранению культурного пространства региональной России.

На основе собранных краеведческими организациями материалов в провинции всё активнее стали возникать музеи. Так, если в конце XVII — первой половине XIX века это были единичные случаи (Барнаул, 1823; Астрахань, 1837; Иркутск, 1872), то к рубежу XIX—XX веков по всей стране уже существовала обширная музейная сеть.

Кострома не осталась в стороне от этого движения. В 1885 году была образована Костромская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК), которая несколько десятилетий активно занималась сбором краеведческих материалов и историческими исследованиями. На протяжении многих лет представители интеллигенции делали попытки объединения сил в деле изучения родного края. В 1899 году по инициативе преподавателей средних учебных заведений и врачей был учрежден «Костромской кружок любителей естествознания», переименованный в дальнейшем в «Костромское общество любителей естествознания».

Вопрос организации краеведческого общества в Костроме оставался открытым и занимал «всё большее количество лиц, путем обмена мнениями решивших объединиться на этой почве»³. В 1912 году было учреждено Костромское научное общество по изучению местного края (КНОИМК). Его учредителями стали представители интеллигенции: директор Дворянского пансиона В. И. Болотов, заведующий Отделом народного образования Костромского губернского земства А. А. Иванчин-Писарев, преподаватель гимназии В. И. Смирнов, а также инженер-агроном А. С. Вальвачев.

Деятельность КНОИМК рассматривалась рядом исследователей. Л. И. Сизинцева на основе обширного круга архивных источников (отчетов и сборников научных трудов КНО, писем его членов и других материалов) составила подробный обзор деятельности организации со времени ее создания в 1912 году до ликвидации в ноябре 1930 года⁴. Особенности работы Общества в 1912—1930 годах, связанные с политическим развитием страны, отражены в исследованиях Е. А. Флеймана и А. Д. Шипилова⁵. Отдельные направления в деятельности КНО были предметом изучения Т. Войтюк, О. В. Гороховой, С. С. Катковой, М. Магницкого⁶. Большое внимание исследователи уделяли работе отдельных членов Общества. В сборнике научных трудов, изданном к 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова, представлены статьи А. А. Аристова, А. С. Кузнецовой, Н. С. Ганцовой, С. А. Пиляка, С. В. Цветкова, отражающие научную и административную деятельность секретаря, а затем председателя КНОИМК Василия Ивановича Смирнова⁷. Изменение взглядов В. И. Смирнова в контексте политических и личных событий стало темой изучения И. А. Едошиной⁸. Подробно биография В. И. Смирнова была изложена Л. И. Сизинцевой на пленарном заседании конференции, приуроченной к 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова⁹. Таким образом, исследователи неоднократно обращаются к деятельности Костромского научного общества и к работе отдельных его представителей.

Каждый из членов КНОИМК старался в силу своих интересов и возможностей содействовать изучению и сбору материалов по истории, экономике и природе родного края. Правление Общества полагало, «что только при участии провинциальных

членов, при их работе возможна организация всестороннего изучения Костромского края»¹⁰, и поэтому стремилось привлечь к исследовательской деятельности широкие слои населения губернии, прежде всего интеллигенцию. Более 3 тыс. экземпляров Обращения и устава КНО были высланы учителям средних учебных заведений, учащимся народных школ, лесничим, агрономам, врачам, техникам, страховым агентам, гласным уездных управ, земским служащим, начальникам и др.¹¹ Несмотря на то, что сначала из уездов было получено только 10 положительных ответов, а к концу 1912 года членами КНО стали лишь 12 человек, живших в уездах губернии, именно уездная интеллигенция явилась главной опорой КНО в сборе анкет и исследовательских материалов в деревнях, волостях и городах Костромской губернии. Согласно отчету КНО за 1915 год, из 297 действительных членов 72 проживали в уездах, а из 54 член-соревнователей лишь 6 являлись жителями губернского города. Наиболее активно участвовали в работе «на местах» учителя и лесничие.

Для организации деятельности интеллигенции на научной основе КНО издавало специальные краеведческие программы: в 1912 году были напечатаны «Программа для собирания этнографических предметов» и «Предварительные указания к изучению Костромской губернии в естественно-историческом отношении», а также распространялась «Программа для собирания произведений народной словесности» и «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка». А. А. Иванчин-Писарев — заведующий Отделом народного образования Губернского земства считал, что «у каждого интеллигентного человека всегда найдется и достаточный запас знаний, и время для производства наблюдений, заметок. И если будет сознание, что всё делается не напрасно, не пропадает бесследно — то работа получает свой смысл и значение, появляется и новое желание работать, двигать дело изучения края, привлекать к этому и заинтересовывать других...»¹². Поэтому КНО старалось не только расширить круг своих членов в уездах Костромской губернии, но и привлечь как можно большее количество уездной интеллигенции к работе в качестве корреспондентов и собирателей.

Для Общества было важно как собирать краеведческий материал, так и научно обрабатывать его, слагая единую картину

жизни родного края, поэтому считалось необходимым создавать музеи — центральный в Костроме и местные в уездах¹³. Музейные коллекции планировалось формировать в губернском центре, чтобы затем снабжать уездные музеи и школы рефератами, сборниками трудов членов КНО, а также осуществлять обмен музейными материалами с другими научными обществами¹⁴.

В первый же год своей работы КНО развернуло широкую деятельность среди костромичей и жителей уездов, привлекая их к исследованиям и собирательству. С мая по декабрь 1912 года, т. е. за первые восемь месяцев работы КНО, количество его участников выросло с 32 до 121 действительных члена и 10 член-соревнователей¹⁵, причем большую часть составляли представители учительской интеллигенции. К 1 января 1918 года в Обществе уже состояло 387 членов и 54 члена-соревнователя¹⁶. Членами КНО являлись представители провинциальной интеллигенции: чиновники, врачи, учителя, агрономы, сотрудники земств. Кроме того, сформировался широкий круг лиц из учащихся, помогающих Обществу в его деятельности. Содействие обучающихся выражалось, прежде всего, в сборе материалов для коллекций, представляющих флору и фауну Костромского края. Среди взрослого населения, поддерживающего работу КНО, особо выделялись сельские учителя. Жизнь в деревне, близость к сельскому образу жизни, участие в крестьянском труде и праздничных гуляниях позволяли детально записывать характерные для местности традиционные обряды, фольклорные тексты, собирать статистический материал, проводить опросы населения. Таким образом, учительская интеллигенция была главной опорой и движущей силой КНО в уездах.

Наряду с исследовательской работой члены Общества организовывали экскурсионно-собирательскую деятельность, читали лекции, устраивали выставки, трудились над созданием музея и библиотеки КНО. Уже в первый год деятельности Общества стали формироваться архивные, книжные и музейные коллекции.

Первоначально коллекции, пожертвованные для создания музея КНО, хранились на частных квартирах его членов. Это было очень неудобно, поскольку задерживало как создание музея, так и ведение учета, систематизацию и научную обработку имеющихся музейных материалов. Но не только отсутствие помещения

для хранения музейных коллекций являлось сдерживающим фактором развития деятельности КНО в деле создания своего музея. В отчете за 1912 год говорится о недостатке средств, «которые позволяли бы приобретать материалы и коллекции и развить с этими целями экскурсионное дело»¹⁷. Несмотря на то, что и в последующие годы на собирание материалов для музея тратилась гораздо меньшая сумма, чем на издательскую и исследовательскую деятельность, печатание различных анкет и бланков, музейные коллекции КНО активно пополнялись за счет даров и пожертвований частных лиц.

Огромную роль в формировании коллекций музея КНО сыграли представители уездной интеллигенции, безвозмездно передававшие в фонд музея естественно-научные находки, этнографические материалы, предметы быта, документы, фотографии. За первые восемь месяцев существования КНО для музея были пожертвованы: энтомологическая коллекция Н. Беляева, ученика 1-й гимназии Костромы; геологическая коллекция, собранная Д. Н. Сизовым, преподавателем 1-й мужской гимназии; сборник народных песен, собранный К. Д. Кудряшёвым, учителем села Мисково Костромского уезда; загадки Варнавинского уезда, собранные и присланные Е. С. Каллистовой, учительницей деревни Сомихино Варнавинского уезда¹⁸. В 1913 году в музей КНО поступили три коллекции насекомых, несколько гербариев, собрание планктона, найденные зубы мамонта, а также предметы, характеризующие хозяйственно-экономическую жизнь Костромского края: фотографии, модели сплавных плотов и ветлужской беляны, старинные монеты. Большинство дарителей являлись представителями учительской интеллигенции.

Поступающие материалы были столь разноплановы, что в 1913 году перед КНО встал вопрос: какие коллекции собирать — по одному направлению изучения края или по разным, то есть расширять или углублять характер коллекций музея?¹⁹ Приняв во внимание многообразие специальностей и интересов членов Общества, а также заинтересованность добровольных помощников из среды уездной интеллигенции, было решено вести обследование губернии в самых различных областях. Таким образом, создавалась платформа для пополнения будущего музея КНО большим количеством разнообразного материала, всесторонне характеризующего Костромскую губернию.

К созданию своего музея Костромское научное общество подошло ответственно, изучив опыт аналогичной работы других научных обществ. Так, на заседании 16 декабря 1912 года с докладом о Финляндском обществе родиноведения выступил член КНО, директор дворянского пансиона-приюта В. И. Болотов. Одним из вопросов сообщения был процесс развития сети музеев в Финляндии²⁰. На общем собрании 3 февраля 1913 года была учреждена должность заведующего библиотекой, архивом и музеем, а в 1915 году выделен отдельный пост — хранитель музея, еще через год на деньги Департамента земледелия (540 руб.) и пожертвование неизвестного (60 руб.) установили должность помощника заведующего музеем, приобрели музейную мебель и коробки.

Наряду с пожертвованиями одним из путей пополнения фондов музея КНО явилась закупка экспонатов после завершения работы различных выставок. Так, с фотовыставки о Костромском крае, организованной фотографической секцией Общества в мае 1915 года, в коллекцию музея поступило более 200 снимков разных авторов, в том числе и фотографов-любителей из уездной интеллигенции. Одновременно была закуплена коллекция В. Н. Кларка, состоящая из 20 диапозитивов с видами Костромы и губернии и 13 фотографий города Кологрина и его окрестностей²¹.

В 1914 и 1915 годах КНО организовало работу «Выставки экскурсионных принадлежностей». На ней были представлены образцы приборов и пособий для собирания и составления коллекций, литература по коллекционированию, определители по ботанике, зоологии, геологии. Выставка организовывалась с целью оказания помощи начинающим коллекционерам-исследователям: направить, снабдить литературой и оборудованием, научить собирать, научно обрабатывать, хранить. В 1914 году в ходе ее работы было получено 54 заказа на различные экскурсионные принадлежности, причем часть заказов поступила от уездной интеллигенции. Выставка показала интерес жителей губернии к исследовательской деятельности, выявила желание вести ее на научной основе. Во время работы выставки было организовано несколько научных показательных

экскурсий*, дающих представление о природе Костромского края²². На каждой экскурсии присутствовало от 10 до 20 человек. В 1914 году было проведено 7 экскурсий, 1915 году — 2. Все экскурсии проходили на берегах Волги с целью сбора насекомых для коллекции музея.

Подобные выставки, устраиваемые естественноисторической секцией КНО, имели не музейный, а скорее учебно-просветительский характер, предлагая к обозрению учебный печатный материал и природные экспонаты, используемые в основном в образовательной деятельности учебных заведений. Экспонаты выписывались из торгового дома «Природа и школа», а также предоставлялись членами КНО. По окончании выставки экспонаты можно было купить.

В 1914 году «Выставку экскурсионных принадлежностей» посетило 1233 человека, а в 1915 году подобная выставка за шесть дней работы собрала лишь 273 посетителей. Сами члены КНО объясняли этот факт тем, что «выставка была открыта в то время, когда учащиеся уже распускались на летние каникулы, быть может, здесь сказались общие причины — война и ее последствия или недостаточная осведомленность публики»²³. Принимая во внимание несомненную пользу в проведении таких выставок, КНО приняло решение не устраивать ежегодное кратковременное экспонирование экскурсионных принадлежностей, а иметь в своем музее их образцы. С этой целью Общество закупило по окончании работы выставки часть ее экспонатов. Таким образом, любой желающий мог познакомиться с новым экскурсионным и исследовательским оборудованием, научными справочниками и определителями в музее КНО. Уже на следующий год на учительских курсах была устроена «Выставка экскурсионных принадлежностей» и «Выставка литературы о Костромском крае» на основе собственных фондов²⁴. На этих выставках сельских и уездных учителей знакомили с научным подходом в изучении родного края. Таким образом, КНО не только просвещало учительскую интеллигенцию, но и подготавливало кадры для исследовательской работы на местах.

---

* В то время экскурсиями называли небольшие экспедиции по сбору образцов флоры и фауны.

Экспонаты в музей КНО поступали и от государственных учреждений. Например, в 1916 году от Оценочных отделений города, губернской и уездных земских управ поступила обширная коллекция карт, заложившая основу для формирования картографического отдела музея. Но главным источником пополнения музейных коллекций являлись дары членов КНО. В течение 1915 и 1916 годов М. А. Вейденбаум передал в музей уникальную геологическую коллекцию, экспонаты которой были собраны по берегам рек Костромской губернии и характеризовали морских ископаемых палеозойской фауны, обитавших на этой территории. Специально для коллекции были выделены шкафы. В эти же годы в музей поступила орнитологическая коллекция, собранная и научно обработанная членами КНО под руководством А. А. Шуммера, который также передал коробки для птичьих гнезд и яиц.

Большое количество музейных поступлений поставило вопрос об упорядоченной системе их хранения. КНО ежегодно стало выделять суммы на приобретение музейного оборудования. Так, в 1915 году на расходы по библиотеке и хранению музейных материалов выделялось 165 руб.²⁵ В 1916 году только на оборудование музея было затрачено 545 руб. 75 коп.²⁶ вместо запланированных 450 руб., а в 1917 году эта сумма, вместе с расходами по содержанию музея, выросла до 1319 руб. вместо заявленных 800 руб.²⁷ Параллельно КНО увеличивает суммы, выделяемые на сбор и приобретение новых экспонатов. Если в первые два года своей деятельности Общество не могло выделить никаких ассигнований на покупку музейных материалов, то уже в 1914 году предполагалось израсходовать на проведение выставок, экскурсий и сбор материалов примерно 137 руб.²⁸ В 1915 и 1916 годах на выставки, экскурсии и сбор материалов выделялось 100 руб. ежегодно²⁹, а в 1917 году КНО планировало выделить только на приобретение этнографических предметов и рукописных исторических материалов 300 руб.³⁰ Таким образом, наряду с увеличением расходов на содержание и хранение коллекций музея увеличиваются затраты на собирание и обработку музейных материалов. Этот факт свидетельствует о понимании членами КНО необходимости собирания и правильного музейного хранения материалов, свидетельствующих о развитии Костромского края в хозяйственном и историческом отношении.

С быстрым количественным увеличением коллекций перед Обществом всё острее вставал вопрос о помещении для музея. Уже в 1912 году Губернская земская управа разрешила использовать помещение Естественноисторического музея для устройства музея КНО, предложив также его членам давать научные пояснения на экспозициях земского музея³¹. Имеющиеся музейные материалы с октября 1913 по 1915 год располагались в одной из комнат здания Общественного собрания за арендную плату 5 руб. в месяц.

Но в 1915 году КНО было вынуждено решать вопрос о собственных музейных помещениях. 1 марта А. А. Шуммер, член правления КНО и хранитель музея, выступил с докладом «Об организации музея при Костромском научном обществе по изучению местного края». На отчетном собрании за 1915 год было принято решение об учреждении фонда собственного дома-музея и организации подписки для пожертвований и отчислений. Члены КНО также намеревались обратиться за помощью к правительственным учреждениям и в банк за кредитом. К 1 января 1917 года поступило пожертвований на сумму в 3027 руб. 42 коп.³² Деньги в фонд отчисляли государственные и общественные организации (Губернским земским собранием ассигновано 1000 руб., Костромским уездным земским собранием — 300 руб., Кологривским земским собранием — 100 руб. и т. д.)³³.

Подписка на дом-музей вызвала широкий отклик по всей губернии; в Приложении IV к отчету КНО за 1916 год в списках фигурируют почти 600 человек и 10 организаций³⁴, а за 1917 год — почти 400 частных жертвователей и 3 организации³⁵ и собрана сумма в 2202 руб. 66 коп. К сожалению, мы не можем привести статистические данные участия провинциальной интеллигенции в сборе средств на создание музея КНО, но уверены, что ее представители не только собирали деньги по подписным листам, но и были активными жертвователями.

Неожиданно вопрос о помещении для музея КНО разрешился иным способом. 1 мая 1917 года Костромской губернский объединенный комитет вынес Постановление о переходе Романовского музея, прекратившего свою работу после февральских событий 1917 года, в попечение города с последующей передачей его в заведование КНО. «Романовский музей передается

в собственность городу с тем, чтобы город передал музей в ведение Научного общества. Город берет на себя затраты на содержание здания, его ремонт, отопление, освещение, охрану и жалование прислуги. Научное общество оплачивает расходы по использованию и хранению коллекции»³⁶.

В Ходатайстве перед Костромской городской думой от 14 мая 1917 года за № 684 КНО просит ускорить прием здания музея от Архивной комиссии, чтобы начать ремонтные работы, а также утвердить смету содержания здания. Костромское научное общество обязуется финансировать содержание служащих музея: хранителя, помощника, библиотекаря и архивариуса, а также берет на себя расходы по обеспечению инвентарем (шкафы, витрины) и пополнению музейного собрания³⁷.

В октябре коллекции КНО были перевезены в Музей местного края (бывший Романовский музей). Именно здесь Общество стало собирать разрозненные коллекции и музейные материалы из различных источников. В течение года поступили: коллекция материалов геоботанических исследований М. П. Григорьева и палеонтологическая коллекция крупных ископаемых от Губернского земства. Таким образом, все находки крупных ископаемых на территории Костромского края теперь сосредоточены в музее Костромского научного общества.

В музее также разместился Кустарный музей Губернского земства и временно расположилась выставка Красносельской художественно-промышленной школы. Для посетителя музей работал с 12 до 15 часов 3 дня в неделю — пятницу, субботу, воскресенье. Посещение экспозиций было платным: за 15 рабочих дней декабря 1917 года в музее побывало 1239 человек, что принесло в кассу КНО 172 руб.

15 января 1918 года Городской думой были приняты Условия взаимоотношений города и «Костромского научного общества по изучению местного края» в вопросе передачи здания и коллекций бывшего Романовского музея. Согласно документу, имущество и коллекции Ученой архивной комиссии и Романовского музея передавались в распоряжение КНО с условием, что Общество не может ни отчуждать, ни передавать, ни обменивать музейные предметы без согласования с Городской думой. Кроме того, Общество обязывалось представлять Городской думе

ежегодный отчет по хозяйственной и научной деятельности музея. Пункт 13 Условий гласил, что установленные взаимоотношения города и КНО могут быть ликвидированы в случае приведения музея в ненадлежащее состояние³⁸. С этого периода началась новая страница в истории музея КНО, связанная с новыми условиями государственной политики.

Отчеты Костромского научного общества по изучению местного края за 1912—1917 годы свидетельствуют об активном участии провинциальной интеллигенции в деле изучения исторических, хозяйственных и природных сфер жизни Костромской губернии. Не только сами члены КНО, но и корреспонденты из среды уездной и сельской интеллигенции старались собрать и сохранить культурно-историческое наследие края. Полученные материалы научно обрабатывались и пополняли архив, библиотеку и музей КНО. Ограниченность материально-технической базы КНОИМК обусловила характер источников формирования музейных коллекций. Первые пять лет существования музея его фонды в основном пополнялись за счет частных пожертвований членов КНО и представителей уездной интеллигенции, а также небольших закупок и предметов, собранных в ходе экскурсий и экспедиций. Экспонаты музея большей частью отражали природную и хозяйственную сторону жизни Костромской губернии. Стремление создать музей КНО активно поддерживалось провинциальной интеллигенцией — учащимися, чиновниками, городскими и сельскими учителями и врачами. Таким образом, музей Костромского научного общества складывался на общественных началах, при отсутствии государственной поддержки, но при активной помощи общественных организаций и провинциальной интеллигенции. Именно желание, а точнее сказать, внутренняя потребность интеллигенции узнать и поделиться знаниями о культурно-историческом прошлом своего края, определенный уровень образования, соединенный с любовью к месту, в котором живешь, дали возможность КНО объединить разрозненные силы провинциальной интеллигенции в одно общее дело по изучению, сохранению и распространению культурно-исторических ценностей своей губернии.

Примечания

- ¹ См.: Развитие исторического краеведения во второй половине XIX — начале XX в. URL: <http://megaobuchalka.ru/4/36043.html> (дата обращения: 04.01.2018).
- ² Там же.
- ³ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. Кострома, 1913. С. 3.
- ⁴ *Сизинцева Л. И.* Костромское научное общество по изучению местного края. URL: <http://siz.exporus.ru/?p=580> (дата обращения: 14.12.2017); *Она же.* Собиратели и хранители // Губернский дом. 2007. № 6. С. 3—13; *Она же.* Музейная деятельность в Костромском крае: становление и развитие (XIX — первая треть XX в.): дис. ... канд. культурологии. М., 1998. С. 163.
- ⁵ *Флейман Е. А., Шипилов А. Д.* Костромское научное общество по изучению местного края (1912—1930) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. № 1. С. 74—80; *Флейман Е. А.* Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг. URL: <http://kostromka.ru/kostroma/land/01/fleyman/10.php> (дата обращения: 20.12.2017); *Шипилов А. Д.* Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- ⁶ *Войтюк (Йенсен) Т.* Мы, подмастерья науки... Коллекция этнографических материалов Костромского научного общества по изучению местного края // Костромская старина. 1998. № 10—11. С. 18—24; *Горохова О. В.* Библиотека КНОИМК // Губернский дом. 2007. № 6. С. 21—22; *Каткова С. С.* Этнологическая станция КНО. Зарисовки праздничных дуг на костромском базаре. К вопросу о костромской крестьянской росписи // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время: к 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова: сб. науч. тр. / под ред. *И. С. Наградова* и *В. Л. Щербакова*. Кострома, 2017. С. 28—34; *Магницкий М.* Между двух огней: отчет об обследовании помещичьих усадеб Галичского уезда в 1918 г. // Костромская старина. 1998. № 10—11. С. 30—39.
- ⁷ Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время.
- ⁸ *Едошина И. А.* В. И. Смирнов в тюремных письмах к жене: (к проблеме онтологии частной жизни) // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. С. 22—28.

- ⁹ Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время.
- ¹⁰ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 36 ; Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1916 г. Кострома, 1917. С. 40.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 36 ; *Яновская Е. В.* Роль интеллигенции начала XX века в формировании культуры русской провинции : (на примере жизни и деятельности К. Ф. Некрасова) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/rol-intelligentsii-nachalaxx-veka-v-formirovanii-kultury-russkoy-provintsii#ixzz53yhYLIcc> (дата обращения: 14.01.2018).
- ¹³ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 26.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Член-соревнователь — устаревшее (дореволюционное) обозначение члена академического, политического, благотворительного или иного общества, не являющегося полноправным (действительным) членом. Как правило, член-соревнователь сочувствует (соревнует) целям общества, желает принимать участие в его деятельности, платит членские взносы и иными способами помогает обществу, но обладает лишь правом совещательного голоса. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%BB%D0%B5%D0%BD> (дата обращения: 24.12.2017).
- ¹⁶ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 г. Кострома, 1918. С. 2.
- ¹⁷ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 7.
- ¹⁸ Там же. С. 3.
- ¹⁹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 г. Кострома, 1914. С. 9.
- ²⁰ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1912 г. С. 34.
- ²¹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1915 г. Кострома, 1916. С. 56.
- ²² *Сизинцева Л. И.* Костромское научное общество по изучению местного края.
- ²³ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1915 г. С. 9.

- ²⁴ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1916 г. С. 8—9.
- ²⁵ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1915 г. С. 25.
- ²⁶ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1916 г. С. 17.
- ²⁷ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 г. С. 15.
- ²⁸ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 г. С. 19.
- ²⁹ Отчет Костромского научного общества по изучению местного края за 1914 г. Кострома, 1915. С. 25 ; Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1915 г. С. 27.
- ³⁰ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1916 г. С. 14.
- ³¹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1913 г. С. 20.
- ³² Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1915 г. С. 12.
- ³³ Там же. С. 13.
- ³⁴ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1916 г. С. 35—40.
- ³⁵ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 г. С. 50—54.
- ³⁶ Там же. С. 33.
- ³⁷ Там же. С. 34.
- ³⁸ Там же. С. 45—46.

АННОТАЦИИ

Меметов В. С., Будник Г. А. Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития

Ключевые понятия: российская интеллигенция, сущностные черты, методология высшего образования, традиции, преемственность.

Анализируются теоретико-методологические проблемы российской интеллигенции, приводятся примеры конкретной деятельности интеллигенции различных вузов, рассматриваются формы и методы деятельности вузовской интеллигенции со студентами.

Холяев С. В. Интеллигенция — базовый фактор великой русской революции

Ключевые понятия: интеллигенция, революция, крепостное право, Николай I, Александр III, Николай II, большевики.

Показывается деятельность интеллигенции, на протяжении почти целого века борющейся за приход к власти в России. Отмечается закономерность ее появления, т. к. императорская власть нуждалась в союзниках для борьбы с консервативным дворянством за отмену крепостного права. Однако новая социальная общность иначе восприняла свою миссию, придя к выводу, что главным противником прогресса в стране является верховная власть. Революция 1917 г. не стала торжеством интеллигенции, т. к. ей не удалось найти общего языка с народными низами. Их конфликт поставил Россию на грань катастрофы, которую удалось избежать благодаря приходу к власти большевиков, входивших в периферийную часть интеллигенции. Казалось, что теперь интеллигенция прекратит существование, но большевики отвели ей значимое место в структуре государства. Представления об интеллигенции как моральном лидере общества становятся массовыми в советский период. Трансформация, произошедшая с интеллигенцией, не изменила главного — оппозиционной направленности ее мыслей.

Кабакова Н. В. Повседневность советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (На примере Сибирского автомобильно-дорожного института)

Ключевые понятия: экстремальная повседневность, интеллигенция, Великая Отечественная война.

Раскрываются особенности повседневной жизни советской интеллигенции на примере преподавательского корпуса Сибирского автомобильно-дорожного института в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается изменение видов деятельности, условий труда и жизни данного сообщества. Отмечается, что в ситуации резкого ухудшения бытового и профессионального положения на фоне безусловного патриотического подъема массового сознания в институтском социуме имели место отдельные негативные проявления. Исследование основано на изучении архивных документов — материалов партийных и профсоюзных структур, протоколов коллективных собраний, директорских приказов по СибАДИ. Устанавливается, что подобные источники, традиционно характеризующие общеисторические процессы «сверху», обеспечивают содержательный смысл в освещении проблематики повседневности.

Яновский О. А. Как шли белорусы к своему университету

Ключевые понятия: власть, интеллектуалы, политика, наука, образование, революция, Белорусский государственный университет, белорусское государство.

Рассматриваются этапы становления национального государства на белорусских территориях Российской империи, разрушенной революциями 1917 г. Утверждается, что одновременно шел процесс создания государственного университета, который воспринимался его творцами — политиками и интеллектуалами — непрременной, первоочередной формой воплощения белорусской государственности. Университет был задуман и реализован именно как «белорусский» и как «государственный». Доказывается, что в формировании белорусской государственности и университетской среды принимали участие как представители белорусской интеллигенции, так и в основном российские политики, ученые, педагоги. Отмечено, что некоторое время (в 1919—1922 гг.) и создававшийся университет, и Белорусская республика понимались в большей степени как «русские», «российские», но в «советском» воплощении.

Соколова Ф. Х. Интеллигенция в социально-политическом пространстве Европейского Севера России, 1914—1918 гг.

Ключевые понятия: интеллигенция, Европейский Север России, революционные процессы 1917 г.

На основе привлечения широкого круга архивных источников представлена динамика взглядов и линия поведения интеллигенции Европейского Севера России в революционных событиях 1917 г. Отмечается, что развернувшиеся в регионе процессы явились скорее откликом на события, происходящие в центре, но получили своеобразное местное преломление. На Европейском Севере их масштабы, динамизм и степень интенсивности определялись, с одной стороны, сложившимся укладом жизни и мировосприятия регионального социума, с другой — влиянием Первой мировой войны и внешних воздействий. Преобладающее большинство интеллигенции, отдававшей предпочтение профессиональной культурозидательной деятельности, вовлекалось в политический водоворот помимо своей воли, но программные положения Временного Правительства импонировали ее ценностным установкам и получили всемерную поддержку. События Октября 1917 г. воспринимались преимущественно негативно, но их исход был предreshен внешними социальными силами и частично позицией самой интеллигенции, которая сознательно дистанцировалась от политической деятельности и в силу присущей разнородности не смогла консолидировать усилия.

Бушueva Л. А. «Старая» профессура и «отличные техники»: научная интеллигенция Казани в первые годы советской власти

Ключевые понятия: научная интеллигенция, Казанский университет, краеведческие общества, профессионально-техническое образование, прикладные институты.

Проанализировано состояние интеллектуального сообщества Казани в первые годы советской власти. Показано влияние образовательной и научной политики большевиков на различные группы научной интеллигенции города. Рассмотрены условия развития научной деятельности казанских гуманитариев и представителей естественных специальностей. Исследуется появление в регионе высших учебных заведений нового типа — практических институтов, кадровую основу которых составили бывшие младшие преподаватели университета. Отмечено, что при поддержке властей из сотрудников прикладных вузов начал формироваться новый слой республиканской научной элиты в противовес университетской профессуре.

Ерошкина О. Н. Интеллектуально-творческий потенциал дореволюционной интеллигенции Петрограда — Ленинграда и его реализация в условиях нэпа

Ключевые понятия: дореволюционная интеллигенция, интеллектуально-творческий потенциал, общественно-политические настроения, НЭП, сотрудничество, дискриминация, репрессии, конформизм.

Исследуется место и роль дореволюционной интеллигенции в развитии советского общества в годы нэпа. Материалы личных документов специалистов дореволюционной формации позволяют установить мотивы их политического самоопределения. На основании разнообразных исторических источников выявлены направления и формы активного участия дореволюционной интеллигенции в жизни страны в начальный период нэпа. Подготовка и переход советского руководства к форсированному социалистическому строительству означали отказ от нэпа. В новых условиях, как показано в исследовании, дореволюционная интеллигенция стала подвергаться дискриминации и репрессиям. Она лишилась прежней возможности широко использовать свой интеллектуально-творческий потенциал. В сложной атмосфере гонений и преследований за общественно-политические убеждения интеллигенция была вынуждена приспособливаться. Представлены примеры конформистского поведения дореволюционных специалистов во второй половине 1920-х гг. Убедительно доказано, что интеллигенция не превратилась в стороннего наблюдателя, своим посильным участием в жизни страны она способствовала ее дальнейшему прогрессивному развитию.

Кривопалова Н. Ю. Формы социальной активности молодой интеллигенции 1960-х годов в пространстве провинциального города

Ключевые понятия: шестидесятничество, интеллигенция, молодежный клуб, городское пространство, Д. Б. Кабалевский, джаз, авторская песня.

Рассматривается деятельность молодой самарской интеллигенции в составе Городского молодежного клуба как отражение новых социальных, идейных и художественных тенденций 1960-х гг. Анализируются формы и содержание работы членов клуба, стремившихся стать участниками общественной жизни города. Раскрываются основные проекты клуба, изменившие пространство провинциального города и заложившие значимые культурные традиции.

Гамкрелидзе Г. А. Российско-грузинский диалог на высшем уровне в 2004—2008 гг. в контексте анализа российских и грузинских интеллектуалов

Ключевые понятия: Владимир Путин и Михаил Саакашвили, диалог, российско-грузинские отношения.

Исследуется внешнеполитический диалог между лидерами двух стран — В. Путиным и М. Саакашвили как представителями двух политических элит. Дается поэтапный анализ ключевых моментов переговоров, а также рассматриваются события и причины, оказавшие негативное влияние на выстраивание конструктивного диалога.

Павлова М. А. Формирование собрания музея Костромского научного общества по изучению местного края (По отчетам 1912—1917 годов)

Ключевые понятия: Костромское научное общество по изучению местного края, музей Костромского научного общества, интеллигенция, краеведение, Романовский музей.

На основе анализа отчетов с 1912 по 1917 г. Костромского научного общества по изучению местного края рассматривается процесс формирования музейных коллекций. Выделены основные источники пополнения фондов музея. Показано, что в первые годы существования Костромского научного общества музей обогатился за счет частных пожертвований, небольших закупок и предметов, собранных в ходе экскурсий и экспедиций. Первые экспонаты музея отражали природную и хозяйственную сторону жизни Костромской губернии.

Memetov V. S., Budnik G. A. The higher education in Russia: traditions, continuity, prospects of development

Key notions: Russian intelligentsia, intrinsic lines, methodology of the higher education, traditions, continuity.

The article analyzes theoretical and methodological problems of the Russian intelligentsia, examples of concrete activity of intelligentsia of various higher education institutions are given, forms and methods of activity of the high school intelligentsia with students are considered.

Holyaev S. V. Intelligentsia — a basic factor of the great Russian revolution

Key notions: intelligentsia, revolution, serfdom, Nicholas I, Alexander III, Nicholas II, Bolsheviks.

The article shows the activity of intelligentsia fighting for coming to power in Russia throughout almost the whole century. Noted is the regularity of its emergence since the imperial power needed allies for fight against the conservative nobility for cancellation of the serfdom. However the new social community differently apprehended the mission, having come to a conclusion that the main opponent of progress in the country is the Supreme power. Revolution of 1917 didn't become intelligentsia's celebration since it didn't manage to find a common language with national bottoms. Their conflict put Russia on a side of accident which it was succeeded to avoid thanks to coming to power of the Bolsheviks entering a peripheral part of intelligentsia. It seemed that now intelligentsia will stop existence, but Bolsheviks allocated it the significant place in the structure of the state. Ideas of the intelligentsia as the moral leader of society become mass during the Soviet period. The transformation which happened to the intelligentsia didn't change the main thing — oppositional orientation of its thoughts.

Kabakova N. V. Daily occurrence of the Soviet intelligentsia in the days of the Great Patriotic War (On the example of the Siberian automobile and road institute)

Key notions: extreme daily occurrence, intelligentsia, Great Patriotic War.

The article reveals the features of everyday life of the Soviet intelligentsia on the example of the teaching case of the Siberian automobile and road institute in the days of the Great Patriotic War. Change of kinds of activity, working conditions and life of this community is considered. It is noted that in a situation of sharp deterioration in household and professional situation against the background of unconditional patriotic upsurge of mass consciousness in institute society separate negative manifestations took place. The research is based on studying of archival documents — materials of party and trade-union structures, protocols of collective meetings, management orders on the Siberian automobile and road institute. It is established that the similar sources which are traditionally characterizing general historical processes «from above» provide substantial sense according to a daily occurrence perspective.

Yanovsky O. A. How Belarusians approached their university

Key notions: power, intellectuals, policy, science, education, revolution, Belarusian state university, Belarusian state.

The article considers the stages of formation of the national state in the Belarusian territories of the Russian Empire destroyed by revolutions of 1917. It is claimed that at the same time there was a process of creation of the state university which was perceived by his creators — politicians and intellectuals — an indispensable, prime form of the embodiment of the Belarusian statehood. The university has been conceived and realized as «Belarusian» and as «state». It is proved that both representatives of the Belarusian intelligentsia and generally Russian politicians, scientists, teachers took part in the formation of the Belarusian statehood and the university environment. It is noted that some time (in 1919—1922) both the created university and the Belarusian republic were understood more as «Russian» but in the «Soviet» embodiment.

Sokolova F. H. Intelligentsia in socio-political space of the European North of Russia, 1914—1918

Key notions: intelligentsia, European North of Russia, revolutionary processes of 1917.

On the basis of attraction of a wide range of archival sources dynamics of views and line of conduct of intelligentsia of the European North

of Russia in revolutionary events of 1917 is presented. It is noted that the processes developed in the region were rather a response to the events happening in the center, but have received a peculiar local refraction. In the European North their scales, dynamism and degree of intensity decided, on the one hand, by the developed tenor of life and attitudes of regional society, on another — influence of World War I and external influences. The prevailing most of intelligentsia giving preference to professional culture creation activity was involved in a political whirlpool without volition, but program provisions of Provisional Government imposed its valuable installations and have got full support. The relation to events of October 1917 was mainly negative, but their outcome has been predetermined by external social forces and partially a position of intelligentsia which consciously separated from political activity and owing to inherent heterogeneity couldn't consolidate efforts.

Bushuyeva L. A. «Old» professorate and «excellent technicians»: the scientific intelligentsia of Kazan in the first years of the Soviet power

Key notions: scientific intelligentsia, Kazan university, local history societies, vocational training, applied institutes.

The article analyzes the condition of intellectual community of Kazan in the first years of the Soviet power. Influence of educational and scientific policy of Bolsheviks on various groups of the scientific intelligentsia of the city is shown. Conditions of development of scientific activity of the Kazan humanists and representatives of natural specialties are considered. Emergence in the region of higher educational institutions of new type — practical institutes which personnel basis was made by the former junior teachers of the university is investigated. It is noted that with assistance of the authorities the new layer of republican scientific elite as opposed to university professorate has begun to be formed of the staff of applied higher education institutions.

Eroshkina O. N. Intellectual and creative potential of the pre-revolutionary intelligentsia of Petrograd — Leningrad and its realization in the conditions of the New Economic Policy

Key notions: pre-revolutionary intelligentsia, intellectual and creative potential, social and political moods, New Economic Policy, cooperation, discrimination, repressions, conformism.

The article explores the place and role of the pre-revolutionary intelligentsia in development of the Soviet society in the days of the New Economic Policy. Materials of private papers of experts of a pre-revolutionary formation allow to define motives of their political self-determination.

On the basis of various historical sources the directions and forms of active participation of the pre-revolutionary intelligentsia in country life during an initial stage of the New Economic Policy are revealed. Preparation and transition of Soviet leadership for the forced socialist construction meant refusal of the New Economic Policy. In new conditions, as shown in the research, the pre-revolutionary intelligentsia began to be exposed to discrimination and repressions. It has lost a former opportunity to widely use the intellectual and creative potential. In the difficult atmosphere of persecutions and prosecutions for social and political beliefs intelligentsia have been forced to adapt. Examples of conformist behavior of pre-revolutionary experts in the second half of the 1920-s are presented. It is convincingly proved that intelligentsia haven't turned into the detached onlooker, the feasible participation in country life it contributed to its further progressive development.

Krivopalova N. Yu. Forms of social activity of the young intelligentsia of the 1960-s in the space of a country town

Key notions: Sixtiers, intelligentsia, youth club, city space, D. B. Kabalevsky, jazz, author's song.

The article shows the activity of the young Samara intelligentsia as a part of City youth club as reflection of new social, ideological and art tendencies of the 1960-s. Forms and content of work of the clubmen seeking to become participants of public life of the city are analyzed. The main projects of club which have changed space of a country town and put significant cultural traditions are revealed.

Gamkrelidze G. A. Top-level Russian-Georgian dialogue in 2004—2008 in the context of the analysis of the Russian and Georgian intellectuals

Key notions: Vladimir Putin and Michael Saakashvili, dialogue, Russian-Georgian relations.

The article investigates the foreign policy dialogue between the leaders of two countries — V. Putin and M. Saakashvili as representatives of two political elite. The stage-by-stage analysis on the key moments of negotiations is given and also the events and the reasons which have exerted negative impact on forming of constructive dialogue are considered.

Pavlova M. A. Formation of collection of the museum of the Kostroma scientific organization on studying of local lore (According to reports of 1912—1917)

Key notions: The Kostroma scientific organization on studying of local lore, the museum of the Kostroma scientific organization, intelligentsia, study of local lore, Romanovs Museum.

On the basis of the analysis of reports from 1912 to 1917 the Kostroma scientific organization on studying of local lore process of formation of museum collections is considered. The main sources of replenishment of funds of the museum are pointed out. It is shown that in the first years of existence of the Kostroma scientific organization the museum was enriched due to the private donations, small purchases and objects collected during the excursions and expeditions. The first exhibits of the museum reflected natural and economic aspect of life of the Kostroma province.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература, за исключением архивных материалов. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2018 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 20.09.2018 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,53. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 147. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

